

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Новосибирский государственный
университет экономики и управления «НИНХ»

Федеральное казенное образовательное учреждение
высшего образования «Кузбасский институт
Федеральной службы исполнения наказаний»

**VI Международный юридический форум
«Право и экономика: национальный опыт
и стратегии развития»**

**БОРЬБА С ПРАВОНАРУШЕНИЯМИ В СФЕРЕ
ЭКОНОМИКИ:ПРАВОВЫЕ, ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ
И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ**

сборник материалов международной
научно-практической конференции,
г. Новосибирск, 15 мая 2024 г.

Новосибирск
Новосибирский государственный
университет экономики
и управления

Новокузнецк
ФКОУ ВО Кузбасский институт
ФСИН России

УДК 343
ББК 67.408
Б84

Ответственный редактор:
кандидат юридических наук, доцент Н. И. Верченко

Б84 Борьба с правонарушениями в сфере экономики: правовые, процессуальные и криминалистические проблемы : сб. мат-лов междунар. научно-практ. конф. (Новосибирск, 15 мая 2024 г.) / Новосиб. гос. ун-т экономики и управления ; Кузбас. ин-т ФСИН России. — Новосибирск : НГУЭУ ; Новокузнецк : Кузбас. ин-т ФСИН России, 2024. — 174 с.

ISBN 978-5-7014-1063-1 (Новосибирский государственный университет экономики и управления)

ISBN 978-5-91246-233-7 (ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России)

В вошедших в сборник материалах представлен широкий спектр вопросов, вынесенных на обсуждение участниками международной научно-практической конференции «Борьба с правонарушениями в сфере экономики: правовые, процессуальные и криминалистические проблемы» (г. Новосибирск, 15 мая 2024 года), проходившей в рамках VI Международного юридического форума «Право и экономика: национальный опыт и стратегии развития».

Для сотрудников правоохранительных органов, преподавателей, аспирантов и студентов высших учебных заведений юридического и экономического профиля.

УДК 343
ББК 67.408

ISBN 978-5-7014-1063-1

ISBN 978-5-91246-233-7

© Авторы статей, 2024

© Новосибирский государственный университет экономики и управления, 2024

© ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Ароян Д. А. Особенности мер уголовно-процессуального принуждения в российском и зарубежном законодательстве	5
Баландин А. В. Детерминанты служебных подлогов	8
Батуренко Л. В. Торговля людьми и ее основные особенности уголовно-правовой регламентации в международном и национальном аспектах	16
Борисова Е. А., Максимова Я. А. Частно-публичный порядок возбуждения уголовного дела по ряду экономических преступлений: проблемы соответствия конституционному равенству граждан.....	24
Братусева В. В. К вопросу об ответственности за незаконную предпринимательскую деятельность	29
Верченко Н. И., Золотарева А. П. Правовое регулирование организации и проведения азартных игр на примере зарубежных стран Европы (Эстония, Германия, Нидерланды, Франция).....	34
Витовская Е. С. Актуальные вопросы незаконного использования средств индивидуализации товаров (работ, услуг)	38
Горбачев Ю. А. Исторический аспект становления уголовной ответственности за получение взятки	45
Исаев А. А. Проблемы квалификации и правоприменения статьи 172.2 УК РФ	51
Кондраткова Н. В., Садовых К. В. Обзор изменений уголовного закона: ответственность предпринимателя в России	60
Коржова П. В., Матвеев И. В. Некоторые проблемы квалификации применения насилия в отношении представителя власти	65
Коровин Н. К. Особенности осмотра места преступления при расследовании преступлений на современном этапе	71
Лямкина Н. И., Соколов В. А. Особенности предмета преступлений, связанные с мошенническими действиями с применением информационных технологий.....	75
Матвеев И. В. Возможность применения судебного штрафа к должностным преступлениям	80
Метельский П. С. Пути и перепутья должностных преступлений в России.....	86
Михайлов Д. В. Особенности уголовной ответственности за содействие террористической деятельности в форме финансирования	95

Морозов М. В. 100 Использование аналогии при квалификации преступлений	100
Нехороших М. Е. 105 Особенности прекращения уголовного преследования по основаниям, предусмотренным ст. 28.1 УПК РФ	105
Радченко О. Ю. Особенности предотвращения преступлений, связанных с управлением транспортным средством в состоянии опьянения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющему судимость в современном уголовном праве Российской Федерации	111
Соболева А. Д. Коррупция в России на современном этапе ее развития.....	115
Смешкова Л. В. Особенности процессуальной работы с электронными носителями информации по уголовным делам об экономических преступлениях	118
Сопин И. О. Фармакология: уголовно-правовой и криминологические аспекты.....	122
Стукалин В. Б. Некоторые вопросы криминалистической характеристики мошенничества, совершаемого с использованием платежных карт	125
Суняйкина С. В. 131 Уголовно-правовая характеристика рейдерства и меры противодействия ему	131
У-Кон А. И. Проблемы частного обвинения в уголовном судопроизводстве	135
Ульянова В. В., Горбунова А. Я. Незаконный оборот наркотических средств и его взаимосвязь с коррупционными преступлениями.....	141
Храмушев И. И., Климачков А. В. Деятельность оперативных подразделений в процессе доказывания	146
Чамбулова В. Е. Особенности субъективной стороны доведения до самоубийства	153
Шахпаленков С. А., Лямкина Н. И. Исторические аспекты противодействия азартным играм в России	157
Шелест С. А., Сабитов Т. Р. Ответственность за организацию преднамеренного и фиктивного банкротства по законодательству зарубежных стран.....	162
Яковлева А. Ю., Ульянова В. В. Уголовно-правовая оценка финансирования экстремистской организации.....	168

ОСОБЕННОСТИ МЕР УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ В РОССИЙСКОМ И ЗАРУБЕЖНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Д. А. Ароян

Новосибирский государственный университет экономики и управления
магистрант
aroyan.dia@gmail.com

Аннотация: статья посвящена анализу института мер пресечения в Российской Федерации и стран Европы, СНГ с целью сопоставления иностранного и отечественного опыта. Автор приходит к выводу, что каждая из проанализированных уголовно-процессуальных законодательств имеет свои особенности. Исследована мера пресечения в виде домашнего ареста, выявлены различия в условиях и требованиях применения данной меры принуждения в зарубежных странах.

Ключевые слова: меры пресечения, домашний арест, заключение под стражу, меры уголовно-процессуального принуждения, превентивные меры, задержание, подозреваемый, обвиняемый.

Abstract: the article is dedicated to be analysis of the institution of preventive measures in the Russian Federation and European and CIS countries in order to compare foreign and domestic experience. The author comes to the conclusion that each of the analyzed criminal procedure legislation has its own characteristics. The preventive measure in the form of house arrest is investigated, differences in the conditions and requirements for the use of this measure of coercion in foreign countries are revealed.

Keywords: preventive measures, house arrest, detention, measures of criminal procedural coercion, preventive measures, detention, suspected, accused.

Правосудие — это гарант защищенности населения со стороны государства. У правового демократического государства правосудие должно быть эффективно, поскольку его главной целью выступает охрана и защита прав, свобод и законных интересов граждан.

Безопасность граждан обеспечивается посредством реальных механизмов. В российском законодательстве одними из таких механизмов выступают меры процессуального принуждения.

Под мерами уголовно — процессуального принуждения понимают принудительные механизмы, применяемые правоохранными органами к участникам уголовного судопроизводства для обеспечения надлежащего порядка производства по уголовному делу.

В зарубежных странах меры принуждения именуются превентивными мерами. Определение, трактуемое иностранными авторами схоже со взглядами отечественных юристов. Если быть точнее, превентивные меры — это ничто иное, как меры, применяемые правоохранными органами, направленные непосредственно на лишение или ограничение личной свободы подозреваемого или обвиняемого в целях обеспечения надлежащего судопроизводства [2].

Как представляется рассматривать институт мер уголовно-процессуального принуждения зарубежных стран следует начать с Китайской Народной Республики. Согласно уголовно-процессуальному за-

конодательству КНР, основными мерами пресечения выступают: передача под поручительство до судебного разбирательства, наблюдение по месту жительства, залог, задержание, заключение под стражу [1].

Уголовно-процессуальное законодательство Республики Казахстан предусматривает аналогичные меры процессуального принуждения как и УПК РФ, за исключением запрета на приближение. Запрет на приближение состоит в ограничении подозреваемого, обвиняемого, подсудимого разыскивать, преследовать, посещать, вести телефонные переговоры и общаться иными способами с потерпевшим и иными лицами, участвующими в деле.

Уголовно-процессуальное законодательство Таджикистана также схоже в мерах процессуального принуждения с УПК РФ, однако в нем отсутствует обязательство о явке.

Обратим внимание на уголовно-процессуальное законодательство Молдавии. В отличие от УПК РФ, законодатель Молдавии в соответствующей статье УПК предусмотрел специфические меры процессуального принуждения, не предусмотренные отечественным законодателем — это меры по обеспечению возмещения причиненного преступлением ущерба и меры по обеспечению гарантий исполнения наказания в виде штрафа. Однако, при более детальном анализе содержания норм становится очевидным, что первая мера реализуется путем конфискации имущества, а вторая — в виде ареста на движимое или недвижимое имущество.

В Румынии действует такая мера пресечения, как судебный надзор. Избирается данная мера принуждения на основании постановления прокурора или судьи. Заключается в явке в судебных орган, также в соответствующий правоохранительный орган; не посещения определенных мест; обязанность носить всегда электронное устройство, которое отслеживает каждое действие обвиняемого и другие условия.

Домашний арест применяется в европейских странах как мера пресечения, самостоятельная мера наказания и как мера воздействия на условно осужденного. Так применение домашнего ареста во Франции имеет свои особенности — лицо, к которому применили данную меру вправе выполнять свои обязанности по работе как непосредственно на рабочем месте, так и дистанционно, посещать кинотеатры, друзей.

Интересное мнение высказали по поводу меры пресечения в виде домашнего ареста Е. А. Семенов и М. Г. Давыдова. Авторы пришли к выводу, что правоприменительная практика показывает, что при избрании рассматриваемой меры пресечения предпочтение отдается подозреваемым или обвиняемым, занимающим высокий общественный и профессиональный статус.

Представляется, что домашний арест как мера пресечения в Россию пришла из англо-саксонского уголовно-процессуального права, в частности из английского Закона об уголовной юстиции 1991 г. При этом дан-

ный институт определяется не как домашний арест, а как «комендантский час».

«Комендантский час» популярен в США. Обычно он означает ограничение доступа правонарушителя к его дому в определенное время, обычно в вечерние часы. При домашнем заключении правонарушитель находится дома большую часть времени, за исключением учебы, работы, оправления религиозных служб, медицинского лечения или покупки продуктов питания. В США домашний арест применяется как форма предварительного заключения для обвиняемых, и так же используется в качестве уголовного наказания, назначаемого судьями при вынесении приговора [7].

Домашний арест становится в последнее время все более актуальным в различных странах. Так, мера пресечения в виде домашнего ареста в Грузии начала применяться с 2018 года. Она выступает альтернативой заключения под стражу. В качестве проблем применения отмечается, что используемые при исполнении данной меры пресечения устройства для идентификации и отслеживания местонахождения являются дорогостоящими. Исходя из этого, применение домашнего ареста не может избираться в отношении каждого подозреваемого (обвиняемого) [8].

На сегодняшний момент в Испании происходят кардинальные изменения в уголовно-процессуальном законодательстве, когда меры пресечения, как и меры наказания ужесточаются. Так мера пресечения в виде заключения под стражу может быть применена на срок до 4-х лет [9].

Задержание в качестве превентивной меры может быть принято на основании постановления уполномоченного органа с соблюдением прав и свобод граждан, которые являются высшими и гарантированными ценностями. Данная мера пресечения не может быть назначена на основании простых подозрений или предположений, поскольку для этого требуются веские доказательства.

Институт мер уголовно-процессуального принуждения являясь процессуальным институтом, затрагивающим наиболее существенные права и свободы человека и гражданина, требует дальнейшего совершенствования, основой которого может выступать не только российская правоприменительная практика, но зарубежный опыт применения аналогичных мер.

Литература

1. Киселева Д. Е. Меры уголовно-процессуального принуждения в законодательстве стран СНГ // Научно-образовательный журнал для студентов и преподавателей StudNet. — 2022. — № 8. — 9 с.
2. Перевозчиков М. Л. Сравнительно-правовая характеристика мер пресечения в России и Китае // Вестник науки. — 2023. — № 6 (63). — С. 587-607.

3. Семенов Е. А., Давыдова М. Г. Понятие и правовая природа домашнего ареста как меры процессуального принуждения // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. — 2019. — № 2 (36). — С. 472-479.
4. N. S Pana, A. M Pana Practical Application of the Provisions of the Code of Criminal Procedure regarding the Measure of Preventive Arrest // Logos Universality Mentality Educ.2021.№ 24. 24-31. [Электронный ресурс] — URL: <https://heinonline.org/HOL/LandingPage?handle=hein.journals/lumenlaw9&div=5&id=&page=> (дата обращения 31.01.2024).
5. Ionescu Larisa Cristina House arrest // Eximia Journal. 2023. № 11, 418-446. [Электронный ресурс] — URL: <https://www.eximiajournal.com/index.php/eximia/article/view/317/209> (дата обращения 31.01.2024).
6. Detention and alternatives to detention in international protection and return procedures // EMN Study. — 2020. — С. 20-34. [Электронный ресурс] — URL: (дата обращения 31.01.2024).
7. Gainey, Randy R.. "house arrest". Encyclopedia Britannica, 14 Aug. 2023. [Электронный ресурс] — URL: <https://www.britannica.com/topic/house-arrest>. Accessed 30 January 2024 (дата обращения 31.01.2024).
8. Mariam Gelashvili House Arrest as an Alternative to Prison Sentence in Modern Georgian Law // Law & World. 2023. № 27. [Электронный ресурс] — URL: <https://lawandworld.ge/index.php/law/article/view/388> (дата обращения 31.01.2024).
9. Alberto Alonso Rimo Is Prevention Better than Cure? The Ever-increasing Criminalisation of Acts Preparatory to an Offence in Spain // University of Valencia, Spain2021. № 10. 14 с. [Электронный ресурс] — URL: [file:///C:/Users/79520/Downloads/1502-Article%20Text-6894-1-10-20210219%20\(1\).pdf](file:///C:/Users/79520/Downloads/1502-Article%20Text-6894-1-10-20210219%20(1).pdf) (дата обращения 31.01.2024).

ДЕТЕРМИНАНТЫ СЛУЖЕБНЫХ ПОДЛОГОВ

А. В. Баландин

Омская областная коллегия адвокатов

адвокат

alexbalomsk@gmail.com

Аннотация: в статье рассматриваются основные факторы, обуславливающие состояние криминогенной обстановки в сфере служебной преступности, связанной с подлогами.

Ключевые слова: служебные подлоги, коррупция, должностные злоупотребления, фальсификация доказательств, незаконная регистрация мигрантов.

Abstract: the article examines the main factors that determine the state of the criminogenic situation in the field of official crime related to forgery.

Keywords: forgery, corruption, official abuse, falsification of evidence, illegal registration of migrants.

Криминогенная обстановка в рассматриваемой сфере представляет собой совокупность факторов, которые генетически связаны с неправомерным служебным поведением, а также создают благоприятные условия для его реализации. Главным среди криминогенных факторов, вне сомнения, является коррупция. В Национальной стратегии противодействия коррупции коррупция совершенно справедливо названа системной угрозой национальной безопасности [1]. Ее системный характер подтверждается многочисленными исследованиями [2; 3; 4; 5], а также результатами проведенного нами он-лайн опроса населения.

На вопрос «Кто в большей степени формирует коррупционные отношения?» респонденты ответили (в % к итогу):

- а) обыватели, стремящиеся решить свои личные проблемы (10,7);
- б) бизнесмены, которые считают деньги средством решения деловых проблем (26,5);
- в) чиновники, которые стремятся заработать на властных полномочиях (42,8);
- г) сотрудники правоохранительных органов (17,2);
- д) «решалы» (посредники при решении проблем -2,8).

Эти ответы указывают на существование триады субъектов, организующих коррупционные отношения: чиновников, бизнесменов и сотрудников правоохранительных органов, главная роль в которой принадлежит чиновникам.

Разумеется, что речь здесь идет, во-первых, о тех чиновниках, которые принимают решения, т. е. обладают реальной властью. Основная масса государственных и муниципальных служащих являются исполнителями и такой властью не обладают. Поэтому приклеивание ярлыка «коррупционер» всем чиновникам совершенно неправильно и несправедливо. Во-вторых, здесь имеются в виду те государственные и муниципальные служащие, которые подверглись негативному социальному воздействию и приобрели определенные негативные черты характера [6]. В этой связи вряд ли прав авторы, утверждающие, что коррупция становится стереотипной формой поведения всех, когда о ней не думают, как о коррупции, а рассматривают в качестве социальной модели, способствующей лучшему пониманию социальных авторов, вступивших в диалоговое взаимодействие в системе координат власть — общество [7]. О коррупции так много говорят, что о ней всегда думают, по крайней мере, имеют об этом свое мнение. В этом убеждают материалы проведенного опроса.

Представленная триада воплощает группу бенефициаров, для которых главное материальное богатство. Истоки этого богатства находятся в криминальной приватизации, тогда же начало складываться презрительное отношение к народу, трудами которого создавались приватизирован-

ные ценности. Ощущение несправедливости нажитого богатства является причиной отчуждения элиты от населения и формирования псевдоидеологии. На просьбу оценить суждение «Реальной идеологией в стране является погоня за богатством («поклонение золотому тельцу») более половины опрошенных высказались одобрительно (53,1%), меньшая часть отрицательно (26,7%), остальные уклонились от ответа. Не вызывает сомнения, что коррупционеры придерживаются именно такой идеологии.

Бизнес в России в значительной степени криминализирован [8] как в плане распространения многочисленных незаконных операций (в частности, обналичивания денежных средств и отмывания доходов, полученных преступным путем), так и вовлечения в орбиту незаконной предпринимательской деятельности родственников представителей бюрократии. Это, с одной стороны, способствует появлению у чиновников, принимающих решения и располагающих информацией о реальных доходах бизнесменов, желание создавать условия, вынуждающих последних «поделиться». С другой стороны, здесь видятся причины участия сотрудников правоохранительных органов в создаваемых ими ситуациях провокации взяток.

С утверждением «Провокация взяточничества со стороны сотрудников БЭП является типичным выражением полицейского произвола» согласились 57,8% респондентов, а не согласились — 14,2%. Это указывает на то, что коррупция среди сотрудников правоохранительных органов имеет совершенно определенные формы.

На вопрос: «В деятельности каких подразделений МВД чаще наблюдается коррупционный произвол» респонденты ответили (в %):

- а) оперативных уполномоченных — 12,5;
- б) следствия — 9,2;
- в) миграционной службы — 26,4;
- г) дорожно-патрульной службы — 46,5;
- д) участковых уполномоченных — 5,4.

Таким образом, наряду с БЭП, опрошенные называют еще две категории сотрудников МВД, наиболее пораженных коррупцией: работников миграционной и дорожно-патрульной службы. Если коррупция сотрудников ДПС — это своего рода мем, то коррупция в сфере миграции в последнее время приобретает особую актуальность.

Респонденты оценили коррумпированность сотрудников и других правоохранительных органов. Такие оценки, подверглись дисперсионному анализу и представлены в виде показателей со средним квадратическим отклонением: ФСБ (3,51+- 2,48); Прокуратура (4,72+-2,19); ФТС (5,12+-2,58); ФСИН (4,56+-3,24); СКР (4,43+-2,23). Первая из цифр приведенных показателей означает среднюю арифметическую взвешенную оценок, вторая — показывает «разброс» мнений. Интересно, что первое место (по распространенности коррупции) отдано Федеральной таможенной службе, в деятельности которой подлоги наиболее распространены.

В плане служебных подлогов интересно соотношение положительных и отрицательных ответов на следующие вопросы (приведены с скобками в %):

1. Коррупцию и подлоги в избирательном процессе следует признавать тяжким преступлением (да — 55,8, нет — 21,2);
2. Сотрудники подразделений по контролю за оборотом наркотиков нередко прибегают к фальсификации доказательств (да — 56,9, нет — 24,3);
3. Мигранты часто просто покупают российское гражданство (да — 62,7, нет — 18,9);
4. Фиктивная регистрация мигрантов по месту жительства — источник незаконного дохода сотрудников миграционной службы: (да — 70,1, нет — 7,9);
5. В системе «Омскэнерго» типично составление подложных квитанций с явно завышенными ценами и произвольно выставленными к оплате услугам (да — 65,1, нет — 27,8);
6. Откаты в экономической деятельности — это типичное преступление (да — 74,8, нет — 8,3).
7. Доверяете ли Вы сведениям, представленным в декларациях о доходах должностных лиц (да — 21,6, нет — 65,2).

На вопрос: «Как Вы полагаете, насколько распространена практика привлечения заведомо невиновного к уголовной ответственности?» респонденты ответили (в %):

- а) совсем не распространена — 4, 9;
- б) скорее не распространена, чем распространена — 40,9;
- в) затрудняюсь ответить — 17,3;
- г) скорее распространена, чем не распространена — 28,6;
- д) весьма распространена — 8,3.

Знакомство с этими ответами позволяет создать общее представление об умонастроениях населения по поводу служебной коррупции, в процессе которой используются подлоги: оно пронизано крайним скепсисом по отношению к представителям власти и лицам, исполняющим служебные обязанности. Такое недоверие, на наш, взгляд является типичным, тем более, что оно подтверждается результатами других криминологических исследований [9].

Непосредственным последствием служебной коррупции является тенденциозное отношение к раскрытию определенных видов преступлений. На вопрос: «Раскрытию каких видов преступлений мешает коррупция?» были получены такие ответы (в %):

- а) экономической преступности — 58,2;
- б) служебной преступности — 54,4
- в) преступности в сфере правосудия — 43,9;
- г) организованной преступности — 22,1;
- д) экологической преступности 16,6;

е) компьютерной преступности — 11,0.

Ответы подверглись ранжированию, которое позволило выявить тройку видов преступности, которые находятся в зоне коррупционных интересов: экономическую, служебную, в сфере правосудия. Их мотивация явно имеет корпоративную основу. Иными словами, здесь мы сталкиваемся с феноменом коррупционной корпоративности, которую образуют «связки»: «бизнес — крышевание», «свои — чужие», «цели — средства», «показатели — служебная карьера».

Связка «показатели — служебная карьера» имеет непосредственное отношение а именно к подлогам, поскольку в системе правоохранительных органов большое значение придается статистике. В служебном обиходе оперативных служб это называется «срубить палку». За этим выражением может находиться ситуация, когда малозначительное деяние, не представляющее общественной опасности (ч.2 ст. 14 УК РФ) представляется как серьезное преступление с целью сделать более благоприятной картину уголовной статистики. Однако чаще эту картину просто подделывают с помощью подлогов. О массовых манипуляциях в системе уголовно-статистического учета неоднократно говорил Генеральный прокурор РФ, причем указывалось на генеральную цель таких фальсификаций — приукрашивание реального состояния преступности и повышение показателей раскрываемости преступлений [10].

35,3 % респондентов выделили такой фактор служебной коррупции как безответственность. Думается, что этот фактор имеет более широкое значение, не обязательно связанное с коррупцией.

Безответственность, как фактор детерминации служебной преступности и такой его разновидности как подлоги, имеет как объективное, так и субъективное содержание. С объективной точки зрения это выражается в возникновении системы безответственности, когда внутри служебной структуры создается иерархия «крышевания» — вышестоящее начальство «крышит» подчиненных, а его в свою очередь «крышит» стоящее над ним руководство. Не всегда такие структуры имеют коррупционную основу, иногда мотивация их формирования связано с неверно понимаемым служебным долгом и вынужденной необходимостью, связанной с дефицитом кадров. Новичок, попадая в такую структуру, ставится перед выбором: покинуть ее или подчиниться неформальным требованиям.

Субъективная сторона безответственности имеет отношение как раз к этому выбору, но не только. Готовность нарушать служебные требования характеризует мировоззренческую основу, которую не сформировать кодексом профессиональной этики, если такая основа отсутствует. В идеальном мировоззрении служебного лица выделяют верность долгу, уважение к закону, патриотизм, альтруизм, правдивость, совесть, словом, те качества, которые являются антиподами свойств личности должностного преступника [11]. В этом перечне особую роль играет твердость в следовании законности, которая позволяет не выполнять не-

законные приказы, что очень важно при наличии латентных противоправных стандартов в организациях государственного и муниципального управления [12]. В то же время указание на склонность к игре как на качество личности должностного преступника представляется надуманным [13].

Негативные качества личности обладают кумулятивным эффектом — имеют свойство накапливаться и безнаказанность создает идеальные условия для этого.

Служебные подлоги детерминируются системой служебной деятельности, сложившейся и укоренившейся в данном органе власти. Эта система включает в себя, с одной стороны, авторитарный стиль руководства, который нередко переходит в грубое отношение к подчиненным. Для авторитарных руководителей в правоохранительных органах типично игнорирование объективных трудностей (двойная, тройная нагрузка на рядовых сотрудников) и требование достижение служебных результатов любой ценой, в том числе путем нарушения законов. С другой стороны, криминогенность служебной системы определяется готовностью подчиненных выполнять незаконные приказы [14].

Служебные подлоги обладают свойством порождать другие подлоги. Это хорошо видно на подлогах в сфере миграции. Для работодателей привлечение мигрантов — это не только возможности дешевой рабочей силы, а схема ухода от налогов. Криминогенная обстановка в миграционной сфере явно выходит за пределы служебных подлогов, выражающихся в незаконном получении российского гражданства, фиктивной регистрации и фиктивной постановке на учет иностранных граждан. Незаконная и неконтролируемая миграция содержит ряд угроз национальной безопасности, к которым относится формирование структур этнической организованной преступности, расширение масштабов теневой и криминальной экономики, рост межнациональной и межрелигиозной напряженности в обществе, экстремистских проявлений и актов терроризма, усиление ксенофобии, возрастание коррупционного давления на органы федеральной и муниципальной власти.

Состояние законности в подразделениях миграционной службы МВД РФ испытывает последствия периода, когда она была независимой структурой (Федеральной миграционной службой) в системе правоохранительных органов. Такая самостоятельность, как показывает исторический опыт, не всегда дает позитивные результаты. В данном случае она способствовала появлению нового коррупционного ресурса в лице огромной армии мигрантов.

Упразднение ФМС в 2015 г. — правильное управленческое решение, «потому что тем самым прекратило существование государственное учреждение, которое в силу чисто бюрократической логики (любая структура стремится к расширению поля приложения своих усилий, росту ресурсов и полномочий) было заинтересовано в увеличении мигра-

ционного потока. Чем сильнее захлестывало Россию миграционными волнами, тем больше было функций у ФМС — проверять и перепроверять, выдавать справки, разрешения и паспорта, анализировать и регулировать. Поэтому ФМС систематически лоббировала всевозможные миграционные амнистии и легализации» [15].

Наследие негативного опыта ФМС выражается не только в толерантном отношении сотрудников миграционной службы к несоблюдению требований законодательства по отношению к мигрантам — иностранным гражданам (незнание русского языка, нежелание познавать и соблюдать культуру принимающей стороны и др.) но и в правовом ригоризме по отношению к русским соотечественникам, бежавших от дискриминации из бывших республик СССР.

Устранение противоречий в миграционной, да в и целом в уголовной политике является закономерным итогом анализа факторов, определяющих состояние криминогенной ситуации в сфере служебной преступности, связанной с подлогами.

Выводы:

1. Криминогенная обстановка в рассматриваемой сфере представляет собой совокупность факторов, которые генетически связаны с неправомерным служебным поведением, а также создают благоприятные условия для его реализации. Главным среди криминогенных факторов является коррупция.

2. Опросы населения помогают определить «реперную точку» коррупции, к которой относится существование триады субъектов, организующих коррупционные отношения: чиновников, бизнесменов и сотрудников правоохранительных органов. Представленная триада воплощает группу бенефициаров, для которых главное материальное богатство. Главная роль в ней принадлежит чиновникам, принимающим решения.

3. Бизнес в России в значительной степени криминализирован как в плане распространения многочисленных незаконных операций (в частности, обналичивания денежных средств и отмывания доходов, полученных преступным путем), так и вовлечения в орбиту незаконной предпринимательской деятельности родственников представителей бюрократии.

4. Наиболее коррумпированными правоохранительными органами население признает Федеральную таможенную службу и МВД, в структуре которого «лидирующие позиции занимают подразделения борьбы с экономической преступностью и коррупцией и миграционная служба.

5. Существует феномен коррупционной корпоративности, которую образуют «связки»: «бизнес — крышевание», «свои — чужие», «цели — средства», «показатели — служебная карьера». Связка «показатели — служебная карьера» имеет непосредственное отношение именно к подлогам, поскольку в системе правоохранительных органов большое значение придается статистике.

6. Криминогенные факторы в сфере служебной преступности, связанной с подлогами, делятся на общие и специальные. Такое деление определяет характер мер предупреждения подлогов в служебной деятельности.

Литература

1. Указ Президента РФ от 13.04.2010 N 460 (ред. от 13.03.2012) «О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010 — 2011 годы» // Российская газета. 2010. 24 апр.
2. Клейменов М. П. Коррупция в оценках населения // Вестник Омского государственного университета. Серия «Право». 2023. № 2. С. 79-85.
3. Максименко А.А., Дейнека О.С., Крылова Д.В., Духанина Л.Н. Отношение россиян к коррупции // Вестник СПбГУ. Социология. 2020. № 4. С. 407-428.
4. Щедий М.В. Коррупция как социальное явление: социологический анализ. Дис. ... доктора. социол. наук. М., 2014. — 393 с.
5. Агламова Г.М. , Харисова Э.А. Проведение криминологических исследований о состоянии коррупции с позиции системно-комплексного подхода // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. 2018. № 3. С. 379-385.
6. Духанин С.А. Социально-психологическая обстановка в среде государственных служащих как фактор формирования мотивации к совершению коррупционного преступления // Юридическая психология. 2015. № 1. С. 30.
7. Ковалев В.В., Сажина Л.В., Иванова Н.Б. Любовь к видеорегистраторам в России: социокультурные особенности менталитета или защита от коррупции дорожной полиции? // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. № 1. С. 81-90
8. Артемьев Н.В. Криминализация малого бизнеса и экономическая безопасность России // Труды Академии управления МВД РФ. 2013. № 4.
9. Хлебников П. «Крышевание» бизнеса силовиками. Доказательная база и анализ судов // Административное право. 2020. № 1. С. 57 — 62
10. Генеральный прокурор РФ Юрий Чайка сообщил, что при учете преступлений российские правоохранители «теряют» каждое 14-е из них. URL: [nversia.ru>news/genprokuror-chayka](https://nversia.ru/news/genprokuror-chayka) (дата обращения. 25.05.2024)э
11. Галяутдинов Р.Р. Формирование психологии личности, совершающей должностные насильственные преступления (на примере сотрудника органов внутренних дел): мировоззрение и поведение // Юридические исследования. — 2023. — № 10. С. 82-86.
12. Клейменов М.П., Клейменов И.М. Детерминация служебной организованной преступности // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2019. № 1. С. 157 (156-166).

13. Кашкаров А.А. Должностная преступность в органах публичной власти и ее предупреждение в условиях смены государственной принадлежности территории. Автореф.доктора юрид. наук. Краснодар, 2019. С. 30. (44 с.).
14. Холмогоров Е. Ликвидация ФМС вызвана осознанием государством ущербности прежней миграционной политики. URL: <https://ruskline.ru/opp/2016/fms> (дата обращения 25.05. 2024).

ТОРГОВЛЯ ЛЮДЬМИ И ЕЕ ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ В МЕЖДУНАРОДНОМ И НАЦИОНАЛЬНОМ АСПЕКТАХ

Л. В. Батуренко

Новосибирский государственный университет экономики и управления
магистрант
lida-kom02@mail.ru

Аннотация: статья рассматривает проблему торговли людьми на международном и национальном уровне. Анализирует торговлю людьми, основные особенности ее уголовно-правовой регламентации в международном и национальном контексте, рассматривая существующие правовые механизмы и их эффективность. Приводится статистика, взятая у международных организаций МОТ и Walk Free, которая дает наглядные данные по рейтингу стран с наибольшим количеством людей, находящихся в рабстве. Статья подчеркивает историческое значение рабства в национальном законодательстве, а также рассматривая различные страны и их нормативно-правовые акты по защите прав и свобод человека.

Ключевые слова: работорговля, свобода, равенство, торговля людьми, эксплуатация.

Abstract: the article examines the problem of human trafficking at the international and national levels. Analyzes human trafficking, the main features of its criminal law regulation in the international and national context, considering the existing legal mechanisms and their effectiveness. The statistics are taken from the international organizations ILO and Walk Free, which provides visual data on the ranking of countries with the largest number of people in slavery. The article highlights the historical importance of slavery in national legislation, as well as considering various countries and their normative legal acts for the protection of human rights and freedoms.

Key words: slave trade, freedom, equality, human trafficking, exploitation.

В течении многих веков актуальной проблемой на международном и национальном уровне остается торговля людьми. Отрицательное по своей сути явление, которое охватывает миллионы людей по всей планете и которое с каждым веком становится более вовлеченным по количеству преступлений международного характера, так как имеет отношение практически к каждой стране в мире и захватывает целые континенты и различные нации. В 21 веке сложно сосчитать количество охватываемых лиц в данное преступление, поэтому на сегодняшний день можно считать, что вопрос сотрудничества на международной арене является очень

актуальным, так как преступление может быть спланировано на территории одного государства, осуществлено на территории другого, а для сокрытия преступления может быть использована третья страна. В таком случае угроза безопасности населения подвергается минимум три страны, поэтому можно считать, что это значительные угрозы, затрагивающие мировое сообщество.

Главным считается то, что в борьбе с данным видом преступления были достигнуты значительные успехи по созданию международных соглашений, которые направлены на защиту прав и свобод человека по противодействию торговле людьми в мире. Но также, как и в других видах преступления нормативно-правовые акты не защищают граждан и по последним данным на 2024 год 50 млн человек живут в рабстве.

По данным правозащитникам Walk Free и Международной организацией миграции в 2024 году ситуация среди лидирующих регионов Азия и Тихоокеанский регион составляет 29 миллионов человек содержащихся в рабстве. Если рассматривать страны по наиболее высокому распространению рабства, то лидером становится Северная Корея, Эритрее, Мавритания, Саудовская Аравия, Турция и Таджикистан.[11]

Эти страны являются одними из наименее развитых в мире. Исключением является Северная Корея, где отсутствуют официальные экономические данные. В Северной Корее около 2,64 миллиона человек вынуждены заниматься подневольным трудом по приказу государства. В данных также учтены жертвы детского и принудительного труда, ранние браки не по согласию молодоженов, а самое страшное торговля людьми и в последующем изъятие органов граждан, что является очень выгодным заработком для преступников. [4, с.68]

Торговля людьми является самым быстрорастущим нелегальным рынком. Если рассмотреть новости сообщенные правозащитниками о существовании в Ливии рынков рабов по докладу Международной организации миграции, где людей обманном путем заманивали в путешествии за которое они платили 320 долларов и хотели уехать в Европу, но подъехав к пункту назначения водитель автобуса заявлял, что денег за путешествие не поучал и в итоге отвозил людей на рынок Сабхи, где в дальнейшем всех людей продавали. [12]

По данным Международной организации труда (МОТ), в 2021 году в современном рабстве находилось около 50 миллионов человек. Из них 28 миллионов были заняты принудительным трудом, а 22 миллиона находились в условиях принудительного брака. Эти цифры представляют собой значительный рост по сравнению с предыдущими годами: в 2016 году аналогичные оценки были на 10 миллионов ниже.

Принудительный труд в основном встречается в частном секторе, где 86% случаев связано с коммерческой эксплуатацией, причем 63% приходится на труд в различных отраслях, а 23% — на сексуальную эксплуатацию. Около 14% принудительного труда обусловлены действиями

государства, а примерно один из восьми таких работников — ребенок, что составляет 3.3 миллиона детей.

Особенно уязвимы к принудительному труду мигранты. Они более чем в три раза чаще подвергаются эксплуатации по сравнению с не мигрантами. Эта ситуация усугубляется нерегулируемой миграцией и неэтичными практиками найма.

Также растет количество принудительных браков: с 2016 года их число увеличилось на 6.6 миллионов. Большая часть таких браков приходится на страны Азии и Тихоокеанского региона, но наибольшая распространенность наблюдается в странах Арабских государств.

МОТ подчеркивает важность совместных усилий для борьбы с этими явлениями. Необходимы национальные и международные стандарты, а также участие всех секторов общества — от профсоюзов и работодателей до гражданского общества и отдельных граждан.

Регулирование проблемы торговли людьми на международном уровне осуществляется через ряд значимых правовых актов: [2, с.10]

1. Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности (Палермский протокол). Этот протокол, принятый в 2000 году, является основным международным документом, направленным на борьбу с торговлей людьми. Он устанавливает меры для предотвращения торговли людьми, защиты жертв и наказания виновных.

2. Конвенция МОТ № 29 о принудительном или обязательном труде (1930 год). Конвенция запрещает использование принудительного труда и обязывает государства-участники устранять все формы принудительного или обязательного труда.

3. Конвенция МОТ № 105 о ликвидации принудительного труда (1957 год). Эта конвенция требует от государств-участников отмены использования любой формы принудительного труда как средства политического принуждения, экономического развития, социальной дисциплины или расовой, социальной, национальной или религиозной дискриминации.

4. Конвенция о правах ребенка (1989 год) и Протокол о продаже детей, детской проституции и детской порнографии (2000 год). Эти документы направлены на защиту детей от всех форм эксплуатации, включая торговлю детьми.

5. Конвенция Совета Европы о мерах против торговли людьми (2005 год). Этот документ обеспечивает защиту прав жертв торговли людьми и нацелен на предотвращение торговли людьми и преследование виновных.

Эти правовые акты создают основу для международного сотрудничества в борьбе с торговлей людьми, устанавливая обязательства для

государств по предупреждению торговли людьми, защите жертв и наказанию преступников.

Определение «торговля людьми» содержится в статье 3 Протокола от 15 ноября 2000 года, дополняющего Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности. В документе говорится, что торговля людьми включает вербовку, передачу, перевозку или получение людей с использованием угрозы применения силы, принуждения, мошенничества, похищения или подкупа для получения согласия лица, контролирующего другое лицо.

Российская Федерация ратифицировала этот Протокол в марте 2004 года, взяв на себя обязательства по борьбе с торговлей людьми в соответствии с его определением. В Уголовном кодексе РФ статья 127¹ должна соответствовать нормам Протокола, так как международное право не имеет прямого действия в уголовном праве.

Кроме того, Россия ратифицировала и другие международные акты, такие как: Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 года; Конвенцию о правах ребенка 1989 года; Дополнительную Конвенцию о ликвидации рабства, работорговли и институтов, сходных с рабством, 1956 года; Конвенцию МОТ № 29 о принудительном труде 1930 года и Конвенцию МОТ № 105 о ликвидации принудительного труда 1957 года.

Противодействие торговле людьми в российском законодательстве прошло значительную эволюцию, начиная с советского периода до наших дней.

Период СССР

В Советском Союзе проблема торговли людьми не была явно выделена как отдельное правонарушение. Основное внимание уделялось принудительному труду и эксплуатации через другие формы уголовного и административного права. Уголовный кодекс РСФСР включал статьи о принудительном труде, но конкретных упоминаний о торговле людьми не было.

Современная Россия

После распада СССР и формирования Российской Федерации законодательство начало адаптироваться к новым международным стандартам в области прав человека и противодействия торговле людьми.

Уголовный кодекс Российской Федерации

1. Статья 127.1 "Торговля людьми" (введена в 2003 году):

Введена Федеральным законом № 162-ФЗ от 08.12.2003 г. Эта статья предусматривает уголовную ответственность за торговлю людьми, то есть за покупку-продажу человека или его вербовку, перевозку, передачу, укрывание или получение в целях эксплуатации.

2. Статья 127.2 "Использование рабского труда":

Введена одновременно со статьей 127.1. Эта статья предусматривает ответственность за использование труда человека в условиях рабства или в условиях, сходных с рабством.[1]

Другие законодательные акты и инициативы

Федеральный закон № 119-ФЗ "О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства" (2004 год):

Закон предусматривает меры защиты для жертв торговли людьми, участвующих в уголовном процессе.

Национальный план противодействия торговле людьми включает меры по профилактике, защите жертв и преследованию виновных. Реализуется через различные программы и инициативы на федеральном и региональном уровнях. [6, с. 125]

Россия является участником ряда международных соглашений и конвенций, направленных на борьбу с торговлей людьми, включая:

Палермский протокол (2000 год), ратифицированный Россией в 2004 году.

Конвенция Совета Европы о мерах против торговли людьми (подписана в 2013 году).

Российское законодательство в области противодействия торговле людьми продолжает развиваться в соответствии с международными стандартами. Важно отметить, что успешная борьба с этим явлением требует не только совершенствования нормативно-правовой базы, но и эффективного применения законов на практике, а также межведомственного и международного сотрудничества. Эти меры являются важными шагами в борьбе с торговлей людьми и защитой прав человека в России. [3]

Изучая опыт Польши, как представителей романо-германской правовой семьи можно сказать, что Польша активно борется с торговлей людьми и современным рабством, принимая ряд мер на национальном и международном уровнях.

Законодательные и институциональные меры

1. Уголовный кодекс Польши. Польское законодательство предусматривает уголовную ответственность за торговлю людьми. В Уголовном кодексе предусмотрены статьи, прямо касающиеся этого преступления, включая наказания за принудительный труд и сексуальную эксплуатацию.

2. Национальный координатор Польши по противодействию торговле людьми. В 2003 году был назначен Национальный координатор, ответственный за координацию действий различных государственных органов в борьбе с торговлей людьми. Его задачи включают разработку стратегий и мониторинг их исполнения.

3. Национальная программа противодействия торговле людьми. Польша реализует национальные планы действий, направленные на

предотвращение торговли людьми, защиту жертв и преследование преступников. Эти планы обновляются каждые несколько лет с учетом новых вызовов и тенденций.

Центры помощи жертвам торговли людьми. В стране функционируют центры, предоставляющие поддержку жертвам торговли людьми, включая медицинскую и психологическую помощь, временное жилье и юридическое сопровождение. [7, с. 992]

Международное сотрудничество

1. Европейский Союз: Польша активно сотрудничает с другими странами ЕС в рамках директив и регламентов, направленных на борьбу с торговлей людьми. Польша также участвует в трансграничных операциях и обмене информацией через Европол и Интерпол.

2. Международные организации: Польша является активным участником инициатив ООН и Международной организации труда (МОТ) по борьбе с торговлей людьми. Она подписала и ратифицировала ключевые международные документы, такие как Палермский протокол и Конвенция МОТ № 29 о принудительном труде.

Усиление правоприменения и повышение осведомленности привели к улучшению выявления случаев торговли людьми и предоставлению помощи жертвам. Положительные результаты видны в увеличении числа расследований и судебных процессов по делам о торговле людьми. Польша сталкивается с рядом вызовов, таких как трудности в идентификации жертв, особенно среди мигрантов, и необходимость постоянного совершенствования законодательства и методов борьбы с новыми формами эксплуатации.

Польша продолжает активную работу по противодействию торговле людьми и ликвидации современного рабства, основываясь на комплексном подходе, включающем законодательные меры, социальную поддержку и международное сотрудничество. Эти усилия направлены на обеспечение защиты прав человека и поддержание национальной и международной безопасности.

В роли представителя англосаксонской правовой системы выбрана Австралия. Торговля людьми в Австралии остается актуальной проблемой, несмотря на усилия по ее предотвращению. Австралийское правительство, общественные организации и международные партнеры принимают активные меры для борьбы с этим явлением. [9, с.267]

1. Уголовный кодекс Австралии. Статьи 270 и 271 Австралийского уголовного кодекса касаются торговли людьми и принудительного труда. Эти статьи предусматривают серьезные наказания за вербовку, транспортировку и эксплуатацию людей с целью принудительного труда или сексуальной эксплуатации.

2. Закон о защите современного рабства принятый в 2018 году, этот закон обязывает крупные компании раскрывать информацию о своих усилиях по предотвращению современного рабства в их цепочках по-

ставок. Это позволяет повысить прозрачность и ответственность в корпоративной среде.

Австралийский центр по борьбе с торговлей людьми (Australian Federal Police Human Trafficking Team). Австралийская федеральная полиция ведет специализированную команду по борьбе с торговлей людьми, которая занимается расследованием и преследованием преступлений, связанных с торговлей людьми и эксплуатацией.

Австралия активно сотрудничает с другими странами и международными организациями, такими как ООН и Интерпол, в рамках глобальных инициатив по борьбе с торговлей людьми и современным рабством.

Жертвы торговли людьми имеют доступ к ряду программ поддержки, включая медицинскую помощь, психологическую поддержку, временное жилье и юридическое сопровождение. Эти программы помогают жертвам восстановиться и интегрироваться в общество.

Важной частью стратегии является повышение осведомленности населения о проблеме торговли людьми. Проводятся образовательные программы и информационные кампании, направленные на предотвращение и раннее выявление случаев торговли людьми.

Одной из основных трудностей является выявление жертв торговли людьми, особенно среди мигрантов и нелегальных работников. Часто жертвы боятся обращаться за помощью из-за угроз со стороны преступников или страха депортации.

Австралия активно борется с торговлей людьми, применяя комплексный подход, включающий законодательные меры, международное сотрудничество и поддержку жертв. Однако для окончательной победы над этим явлением требуется постоянное внимание и адаптация к новым вызовам.

В качестве представителя мусульманской правовой семьи выбраны Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ). Торговля людьми ОАЭ является значимой проблемой, несмотря на усилия правительства по ее предотвращению. В стране существует множество случаев трудовой и сексуальной эксплуатации, особенно среди иностранных рабочих, которые составляют значительную часть населения страны.

Федеральный закон № 51 от 2006 года «О борьбе с преступлениями торговли людьми». Этот закон был принят для борьбы с торговлей людьми и предусматривает строгие наказания за вербовку, перевозку, укрывание и эксплуатацию людей. Закон охватывает все формы торговли людьми, включая принудительный труд и сексуальную эксплуатацию.

Федеральный закон № 1 (2015 г.). Закон о борьбе с торговлей людьми был обновлен, чтобы усилить меры по защите жертв и улучшить механизмы расследования и судебного преследования. Он предусматривает создание специализированных судов для рассмотрения дел о торговле людьми.

В 2007 году был создан Национальный комитет по борьбе с торговлей людьми, который координирует усилия различных государственных учреждений и занимается разработкой стратегий и политик для борьбы с этим явлением. ОАЭ активно сотрудничает с международными организациями, такими как Интерпол и ООН, для обмена информацией и проведения совместных операций по борьбе с торговлей людьми.

В ОАЭ созданы приюты для жертв торговли людьми, где им предоставляется медицинская и психологическая помощь, юридическое сопровождение и временное жилье. Один из таких приютов — Ewaa Shelters for Women and Children — активно помогает жертвам торговли людьми. Жертвы торговли людьми получают поддержку в возвращении на родину и реинтеграции в общество. Эти программы включают профессиональное обучение и помощь в трудоустройстве.

Одна из основных проблем — это выявление жертв, особенно среди иностранных рабочих. Многие жертвы боятся обращаться за помощью из-за угроз депортации или репрессий со стороны работодателей. В ОАЭ трудовые мигранты часто сталкиваются с плохими условиями труда, задержками заработной платы и ограничением свободы передвижения. Правозащитные организации указывают на необходимость более жесткого контроля за условиями труда и защиты прав рабочих. [10, с.28]

Объединенные Арабские Эмираты прилагают значительные усилия для борьбы с торговлей людьми, принимая соответствующее законодательство и сотрудничая с международными организациями. Однако для полного искоренения этого явления требуется усиление мер по выявлению жертв, улучшение условий труда мигрантов и обеспечение защиты прав человека на всех уровнях.

В заключение можно сказать, что торговля людьми продолжает оставаться значительной проблемой для человечества. Даже в развитых экономически, политически и правовых странах это преступление имеет высокую степень скрытности, что затрудняет оценку его реальных масштабов. Международное сообщество приняло ряд нормативных актов, направленных на борьбу с этим явлением, однако не все страны, включая Российскую Федерацию, успешно выполняют свои международные обязательства в этой области.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (с изм. И доп.) — Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Пашкова Е.П. Рабство и работорговля людьми в современном международном уголовном праве // Юридические науки. 2019. С.10.
3. Преловский А.А., Орлова Д.С. Уголовно-правовая характеристика торговли людьми в современном российском законодательстве — 2023. — URL: [https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-pravovaya-](https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-pravovaya)

- harakteristika-torgovli-lyudmi-v-sovremennom-rossiyskom-zakonodatelstve (дата обращения: 25.12.2023).
4. Грицаев С.И. Торговля людьми: механизм совершения преступления // Государство и право. 2019. № 2 (26). С.68.
 5. Рункин Р.В. Коллизии национального и международного права: проблемы современности // Актуальные проблемы развития конституционализма. 2018. С.252.
 6. Клишков В.Б. Механизм противодействия торговле людьми в РФ на современном этапе развития общества // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 3 (75). С.125.
 7. Шмигирилова Д.Д. Генезис уголовной ответственность за торговлю людьми в Европе // Science Time. 2017. №3(39). С.492.
 8. Дроздова Е.А. Торговля людьми — актуальные проблемы: международный опыт // Социально-политические науки. 2019. № 1. С.101.
 9. Хабриева Т.Я. Национальное и международно-правовое регулирование противодействия торговле людьми и рабству. М.: ИНФРА-М. 2019. С.267.
 10. Волочкова М.Е. Функционирование мусульманской правовой системы в современном мире на примере ОАЭ и Марокко// Государственная служба и кадры. 2018. № 1. С.28.
 11. Inopressa.ru. "Le Temps: Безоружные и безликие: все больше мигрантов попадают в руки современных рабовладельцев". Inopressa.ru, 15 ноября 2017 года. URL: <https://www.inopressa.ru/pwa/article/15Nov2017/letemps/migrants.html?ysclid=ly40urc0jq181233829> (дата обращения 28.06.2024).
 12. Торговля людьми в мире: 45 миллионов рабов. Lenta.ru. 11 апреля 2017 года. URL: <https://m.lenta.ru/news/2017/04/11/momslavery/> (дата обращения 30.06.2024).

ЧАСТНО-ПУБЛИЧНЫЙ ПОРЯДОК ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПО РЯДУ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ПРОБЛЕМЫ СООТВЕТСТВИЯ КОНСТИТУЦИОННОМУ РАВЕНСТВУ ГРАЖДАН

Е. А. Борисова

Я. А. Максимова

Новосибирский государственный университет

Аннотация: в настоящем исследовании рассматривается частно-публичный порядок возбуждения уголовного дела по некоторым экономическим преступлениям. Как выяснилось, что отнесение некоторых преступлений к «частно-публичным» соответствует политике либерализации бизнес-сектора и предоставления предпринимателям более выгодного положения в сравнении с обычными гражданами. Избранный законодателем критерий отнесения экономических преступлений к преступлениям частно-публичного обвинения был оценен с точки зрения его конституционности.

Ключевые слова: уголовный процесс, возбуждение уголовного дела, частно-публичный порядок, экономические преступления, равенство граждан.

Abstract: this study examines the private-public procedure for initiating criminal proceedings for certain economic crimes. It turns out that classifying some crimes as “private-public” is in line with the policy of liberalizing the business sector and giving entrepreneurs a more advantageous position compared to ordinary citizens. The criterion chosen by the legislator for classifying economic crimes as crimes of private-public prosecution appreciated from the point of view of its constitutionality.

Keywords: criminal procedure, initiation of criminal proceedings, private-public order, economic crimes, equality of citizens.

В 2012 году законодатель внес изменения в ст. 20 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) [1] путем отнесения к преступлениям, уголовные дела по которым возбуждаются в частно-публичном порядке, некоторых преступлений против собственности [2]. В 2018 году перечень таких преступлений был расширен: в него вошли некоторые преступления в сфере экономической деятельности, а также преступление, состоящее в злоупотреблении полномочиями [3]. Таким образом, преступления, предусмотренные ч. 1-4 ст. 159, ст.ст. 159.1-159.3, 159.5, 159.6, 160, 165, ч. 1 ст. 176, ст.ст. 177, 180, 185.1, ч. 1 ст. 201 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) [4], являются уголовными делами частно-публичного обвинения.

Это означает, что они возбуждаются при наличии единственного повода — заявления о преступлении. Остальные поводы при возбуждении уголовных дел по таким преступлениям не обладают юридической силой. На практике это существенно ограничивает возможности правоохранительных органов в выявлении указанных преступлений, что повышает их латентность. При этом необходимо понимать, что оперативные сотрудники стараются обойти ст. 20 УПК РФ, что ставит под сомнение обоснованность рассматриваемой законодательной конструкции. Показательным является приговор Пятигорского городского суда Ставропольского края от 5 декабря 2019 г. по делу № 1-14/2017. В соответствии с материалами дела лицо обвинялось в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159.1 УК РФ. Поводом к возбуждению уголовного дела явилось заявление работника банка. В суде он пояснил, что заявление было им написано только после того, как сотрудник полиции сообщил ему о подложности документов, предоставленных в банк с целью незаконного получения кредита [5]. Таким образом, ч. 3 ст. 20 УПК РФ бюрократизирует уголовный процесс и приводит к усложнению деятельности правоохранительных органов.

Несмотря на возможные недостатки установленного порядка возбуждения уголовного дела и возникающие проблемы при выявлении преступлений, само по себе отнесение некоторых преступлений к тем, уголовные дела по которым возбуждаются в частно-публичном порядке, не противоречит Конституции РФ [6] и уголовно-процессуальному законодательству. Сомнения вызывает закрепление условий, касающихся

субъектного состава, при которых указанные преступления могут возбуждаться только по заявлению потерпевшего. Так, преступления, предусмотренные ч. 1-4 ст. 159, ст.ст. 159.1-159.3, 159.5, 159.6, 160, 165, ч. 1 ст. 176, ст.ст. 177, 180, 185.1, ч. 1 ст. 201 УК РФ, относятся к преступлениям, возбуждающимся в частно-публичном порядке, только если они совершены индивидуальным предпринимателем или членом органа управления организации в связи с осуществлением ими предпринимательской деятельности.

Как отмечал Л. В. Головкин, дифференциация уголовного процесса для предпринимателей в Российской Федерации соответствует политике *Doing Business*, в соответствии с которой реформирование уголовного процесса происходит в направлении либерализации бизнес-сектора [7, с. 33]. Такое утверждение бесспорно и доказывается самими уголовно-процессуальными нормами, которые призваны создать более благоприятные условия для преступников-предпринимателей (в частности, речь идет об отнесении некоторых преступлений к «частно-публичным», закреплении специального повода возбуждения уголовного дела по налоговым преступлениям, запрете применения заключения под стражу лиц, совершивших преступление при осуществлении предпринимательской деятельности и т. д.).

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в преамбуле к постановлению от 15 ноября 2016 г. № 48 постарался обосновать такой подход. В частности, он указал, что процессуальные гарантии призваны исключить возможность использования уголовного преследования в качестве средства для давления на предпринимательские структуры и решения споров хозяйствующих субъектов, оградить от необоснованного привлечения к уголовной ответственности предпринимателей [8]. Такое объяснение не кажется оправданием для ухода от публичности уголовного процесса и наталкивает на необходимость глубокого анализа сложившейся ситуации. В науке уже давно ведутся рассуждения относительно дальнейшего развития российского уголовного процесса. Здесь же не стоит уходить в обсуждения об обоснованности такой уголовно-процессуальной политики в целом, так как это неизбежно приведет к полемике относительно применимости уголовного права в сфере экономики вообще и натолкнется на разрешение различных политических вопросов, что не является целью настоящего исследования.

Закрепление законодателем субъектного условия, при котором то или иное экономическое преступление будет возбуждаться в частно-публичном порядке, вызывает несколько замечаний. Как уже было сказано, частно-публичный порядок возбуждения уголовных дел ограничивает возможности выявления преступлений, ставя привлечение к уголовной ответственности лиц в зависимость от желания потерпевшего. Учитывая нежелание экономических субъектов участвовать в длительном и дорогостоящем уголовном процессе, нетрудно предположить, что большинство

преступных деяний, совершенных индивидуальным предпринимателем или членом органа управления организации, останутся безнаказанными. В этой связи возникает закономерный вопрос: действительно ли совершение преступлений индивидуальным предпринимателем или членом органа управления причиняет меньший вред обществу, нежели совершение аналогичного деяния не предпринимателем? Попытаться обосновать такое решение законодателя меньшей общественной опасностью преступлений в сфере предпринимательской деятельности весьма трудно, так как это будет выглядеть абстрактно и декларативно. Это приведет к правдивости подобных высказываний: совершение обычным лицом, например, мошенничества в сфере кредитования обладает более высокой общественной опасностью, чем совершение того же преступления индивидуальным предпринимателем. Такое утверждение, как минимум, абсурдно и полностью противоречит учению об общественной опасности преступлений.

На самом же деле ч. 3 ст. 20 УПК РФ в современной ее редакции выглядит как шаг на пути к элитаризму и отходу от равенства граждан, так как представителям профессиональной группы предоставляются более благоприятные условия, чем обычным гражданам. Таким образом, рассмотрение правовой регламентации частно-публичного порядка возбуждения уголовного дела по экономическим преступлениям не может происходить сугубо в рамках уголовного процесса, оно всегда будет переходить в право конституционное. Российскому праву уже известны случаи столкновения политики *Doing Business* с конституционными основами. Речь идет о признании Конституционным Судом Российской Федерации неконституционной ст. 159.4 (мошенничество в сфере предпринимательской деятельности) УК РФ [9]. Решение суда было основано на том, что установление более мягкого наказания для лиц, принадлежащих к группе предпринимателей, чем наказание, предусмотренное общим составом мошенничества, нарушает ст. 19 Конституции РФ.

Такие соображения в полной мере применимы и к рассматриваемому законоположению. Персонифицированный подход законодателя к установлению перечня «частно-публичных» преступлений не совместим с конституционным равенством граждан и прямо его нарушает. Дальнейшее уточнение ч. 3 ст. 20 УПК РФ приведет к дальнейшей стратификации населения и признанию заведомо более выгодного положения предпринимателей.

Не ставя цели подвергнуть критике частно-публичный порядок возбуждения уголовных дел вообще, стоит сказать, что ч. 3 ст. 20 УПК РФ требует скорейших изменений. Уточнения по поводу субъектного состава должны быть исключены. Хотя, безусловно, учитывая современную социально-экономическую политику государства, имеются опасения, что законодатель все-таки проигнорирует замечания научного сообщества и пойдет по пути дальнейшего расширения перечня экономиче-

ских преступлений, уголовные дела по которым возбуждаются в частно-публичном порядке.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 22.04.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 24.12.2001. — № 52 (ч. I). — Ст. 4921.
2. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 29.11.2012 № 207-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Российская газета. — 03.12.2012. — № 278.
3. О внесении изменений в статьи 76.1 и 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 27 дек. 2018 г. № 533-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 31.12.201. — № 53 (I). — Ст. 8459.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 17.06.1996. — № 25. — Ст. 2954.
5. Приговор Пятигорского городского суда Ставропольского края от 05.12.2019 по делу № 1-14/2017. — URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 11.05.2024).
6. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 11.05.2024).
7. Головки Л. В. Два альтернативных направления уголовной политики по делам об экономических и финансовых преступлениях: Crime Control и Doing Business // Закон. 2015. № 8. С. 32-45.
8. О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.11.2016 № 48 (ред. от 11.06.2020) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 2017. — № 1.
9. По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11.12.2014 г. № 32-П // Собрание законодательства Российской Федерации. — 29.12.2014. — № 52 (I). — Ст. 7784.

К ВОПРОСУ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННУЮ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В. В. Братусева

Новосибирский государственный университет экономики и управления
магистрант

miss.bratusewa2016@gmail.com

Научный руководитель: Н. В. Кондраткова

Новосибирский государственный университет экономики и управления
доцент кафедры уголовного права и национальной безопасности,
кандидат экономических наук, доцент

Аннотация: на основе изучения и сопоставления отраслевого законодательства автором определено понятие предпринимательской деятельности, выделены признаки, позволяющие, отграничить данную деятельность от иных видов экономической деятельности. Наряду с проработкой теоретических вопросов автор рассматривает практические трудности, возникающие при квалификации и отграничении незаконного предпринимательства от смежных составов преступлений.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, самостоятельность, риск, получение прибыли, регистрация, уголовная ответственность, проблемы квалификации.

Abstract: based on the study and comparison of sectoral legislation, the author defines the concept of entrepreneurial activity, identifies signs that allow distinguishing this activity from other types of economic activity. Along with the elaboration of theoretical issues, the author examines the practical difficulties that arise in the qualification and differentiation of illegal entrepreneurship from related crimes.

Keywords: entrepreneurial activity, independence, risk, profit, registration, criminal liability, problems of qualification.

Общеизвестно, что эффективность правоприменения зависит от качества закона, точности и ясности законодательных предписаний и наличия соответствующих механизмов реализации. Вместе с тем, не всегда по объективным причинам изложение уголовно-правовых норм является полным, исчерпывающим для понимания, особенно это справедливо для преступлений в сфере экономической деятельности. Так, в Уголовном кодексе РФ (далее — УК РФ) отсутствует определение предпринимательской деятельности, поэтому для применения запрета, установленного в статье 171, необходимо обратиться к Гражданскому кодексу РФ. Согласно положениям статьи 2 ГК РФ, можно выделить следующие признаки, которые позволят отграничить предпринимательскую деятельность от других видов экономической деятельности:

- самостоятельность (независимость в выборе предмета деятельности, автономность в принятии решений);
- риск (ответственность за результаты, защита собственных интересов, а также вероятность потерпеть убытки или не получить ожидаемую прибыль);

- систематичность (регулярный доход, постоянное ведение деятельности);
- регистрация лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность.

Согласно статье 171 УК РФ под незаконным предпринимательством понимается осуществление предпринимательской деятельности без регистрации или без лицензии либо без аккредитации в национальной системе аккредитации или аккредитации в сфере технического осмотра транспортных средств, когда лицензия или аккредитация необходимы. Криминообразующий признак — крупный ущерб гражданам, организациям или государству. Важно понимать, что за отсутствием регистрации не следует прекращение финансово-хозяйственной деятельности. Если бы этот факт был единственным критерием, то привлечение к ответственности по данной статье было бы невозможным из-за отсутствия формального статуса. Несмотря на то, что ведение деятельности без регистрации становится незаконной, она все равно остается предпринимательской. Поэтому для разграничения исследуемой деятельности от других видов экономической деятельности, следует руководствоваться первыми тремя признаками, упомянутыми ранее.

Самостоятельность — это признак, включающий в себя, отсутствие ограничений в выборе графика работы, уровня цен и тарифов на услуги и продукцию, а также каналов их сбыта и иные признаки, которые позволяют отделить предпринимательскую деятельность от трудовых отношений. Самостоятельность характеризует не только предпринимательскую деятельность, но и походит для описания нотариальной деятельности, которая тем не менее определена в Законе не как предпринимательская, а частная практика. Законодательство не дает определения и этому понятию. По словарю С.И. Ожегова, слово «частный» трактуется, как: «принадлежащий отдельному лицу, не обществу, не государству» [1, с. 255]. Значение слова «практика», в свою очередь, толкуется, как «деятельность людей... деятельность по применению чего-нибудь в жизни, опыт» [1, с. 166]. Таким образом, можно предположить, что частной практикой считается профессиональная деятельность, не предполагающая привлечение наемных работников.

Кроме того, нотариальная деятельность, сопряжена с рисками и ориентирована на получение дохода, то есть, соответствует трем признакам, что делает ее схожей с предпринимательской деятельностью. Тем не менее, она не классифицируется как предпринимательская. Это, может быть, связано с тем, что нотариальные услуги оказываются в рамках особой функции, связанной с удостоверением подлинности документов и фактов, имеющих юридическое значение; регулируются отдельными законодательными актами, устанавливающими специальные требования к осуществлению этой деятельности, включая наличие профессионального

образования, прохождение аттестации, соблюдение этических норм и обязательное страхование ответственности.

Стоит отметить, что к лицам, занимающимся частной практикой, помимо нотариусов относят также частных детективов и частных охранников. В соответствии со статьей 1.1 Федерального закона «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации», граждане и юридические лица, осуществляющие такую деятельность, считаются предпринимателями. Таким образом, несмотря на наличие всех признаков предпринимательства, нотариальная деятельность не относится к таковой.

Наличие рисков — второй признак, индивидуализирующий предпринимательскую деятельность. Любая деятельность сопряжена с большим количеством рисков. Поскольку в законодательстве отсутствует определение понятия «риск», обратимся к словарю С.И. Ожегова. Риск — это возможная опасность или действие наудачу в надежде на счастливый исход дела, а также возможный убыток или неудача в каком-либо деле. Вероятнее всего, в статье 2 ГК РФ рассматривается финансовый риск, подразумевающий потерю денежных средств, а не надежду на счастливый исход дела в виде отсутствия государственной регистрации [8, с. 378]. Финансовый риск является неотъемлемой частью любой экономической операции, поэтому его наличие нельзя рассматривать как признак, позволяющий отграничить предпринимательскую от иной экономической деятельности.

Третьим признаком является систематичность. В целом УК РФ под систематичностью понимает совершение деяния более двух раз. Таким образом, систематическое получение прибыли от деятельности означает получение денежных средств, два раза и более, в течение года.

К примеру, в ФЗ «О защите конкуренции» под систематическим осуществлением монополистической деятельности понимается ее выявление более двух раз в течение трех лет. Интерпретация определения в каждом законодательном акте дается разная, что, на наш взгляд, усложняет использование данного признака.

При определении соотношения статьи 171 УК РФ с некоторыми составами преступлений, появляются сложности из-за трудностей, связанных с разграничением различных видов деятельности. Например, возникает вопрос о разграничении ответственности между статьями 235 и 171 УК РФ, так как частная медицинская практика считается предпринимательской деятельностью. Однако, первая из названных статей устанавливает ответственность за незаконное осуществление медицинской или фармацевтической деятельности, повлекшее причинение вреда здоровью или смерть человека. Тогда как, в соответствии со второй преступлением считается причинение крупного ущерба гражданам, организации, а также государству. Следовательно, момент окончания преступления регламентируется по-разному. Как было отмечено выше, частная медицинская

практика по своей природе является предпринимательской, поскольку нацелена на извлечение прибыли. Поэтому такую деятельность без лицензии, если действия не повлекли вред здоровью или причинение смерти человеку, следует квалифицировать только по статье 171 УК РФ [2]. Так, ФИО, не имея лицензии на оказание медицинского массажа, оказывал данную услугу малолетнему. В процессе произошло нарушение целостности ключицы со смещением отломков [3]. В данном случае, ФИО, осознавая, что осуществляемый им вид деятельности подразумевает наличие лицензии, проявил преступную небрежность. В результате чего, причинил вред здоровью. Ванинский районный суд справедливо признал его виновным в совершении преступления, предусмотренного частью 1 статьи 235 УК РФ. В другом деле за самостоятельное осуществление фармацевтической деятельности и последующую торговлю лекарственными препаратами, мужчину осудили по пункту «б» части 2 статьи 171 УК РФ, что верно, так как у него отсутствовала регистрация (лицензия), а также не наступили последствия, предусмотренные ст. 235 УК РФ [5].

В соответствии с пунктом 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ, в тех случаях, когда незаконная предпринимательская деятельность была связана с производством, хранением или перевозкой в целях сбыта либо сбытом товаров и продукции, выполнением работ или оказанием услуг, не отвечающими требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей, содеянное образует совокупность статей 171 и 238 УК РФ. Например, ФИО1 с целью производства стеклоомывающей незамерзающей жидкости, осуществляя незаконную предпринимательскую деятельность без регистрации и без лицензии, приобретал легковоспламеняющиеся жидкости. В данном случае, мы можем наблюдать, что, пренебрегая регистрацией и разрешением на эксплуатацию взрывопожароопасных веществ, обвиняемый осуществлял хранение, розлив и фасовку незамерзающей стеклоомывающей жидкости с целью осуществления дальнейшей реализации полученной продукции [4]. Суд признал его виновным в совершении преступлений, предусмотренных пунктом «б» части 2 статьи 171, пунктом «а» части 2 статьи 238 УК РФ, что полностью соответствует озвученной позиции ВС РФ.

Однако есть и иная практика. В приговоре от 3 июня 2021 г. по делу № 1-50/2021 [7] указано следующее: «движимый корыстными побуждениями...осуществил деятельность путем хранения и переработки растительного сырья, в процессе которых образуются взрывоопасные пылевоздушные смеси, способные самовозгораться ..., а также хранение зерна, продуктов переработки..., склонных к самосогреванию и самовозгоранию». Аналогично первому примеру, ФИО не соблюдал необходимые требования для реализации легальной деятельности и хранил продукцию, не отвечающую стандартам безопасности для жизни и здоровья потребителей. В обоих случаях обвиняемые производили эксплуатацию взрывопожароопасных веществ без лицензии. При этом, в первом примере лицо

признается виновным в совершении совокупности преступлений, во втором суд ограничился квалификацией по пункту «б» части 2 статьи 171 УК РФ. Еще один интересный пример — ФИО 1 осуществлял деятельность без регистрации, оборудовав «квартиру под помещение для предоставления социальных услуг без обеспечения проживания для детей в возрасте до трех лет». В данном случае, деятельность осуществлялась в помещении, которое не отвечало требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей (не были соблюдены санитарно-эпидемиологические правила и нормы, направленные на охрану здоровья детей). Несмотря на разъяснения ВС РФ, суд признал его виновным в совершении преступления, предусмотренного только частью 3 статьи 238 УК РФ [6].

Изложенное свидетельствует о том, что проблема уяснения уголовно-правовых норм об ответственности за незаконную предпринимательскую деятельность и правильного их применения не теряет своей актуальности. Особенно в связи с тем, что в зависимости от последствий, преступное деяние может одновременно охватываться несколькими статьями. Видится, что для избежания квалификационных ошибок требуется более тщательная теоретическая проработка вопроса с последующим оформлением научных изысканий.

Литература

1. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова // РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 2003. № 4 С. 166-255.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 ноября 2004 г. № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 271. 2004.
3. Приговор Ванинского районного суда от 3 июня 2021 г. по делу № 1-131/2021 URL: [//sudact.ru/regular/doc/LhkydWWnO0mW/](https://sudact.ru/regular/doc/LhkydWWnO0mW/) (дата обращения: 04.05.2024).
4. Приговор Кстовского городского суда от 21 июля 2020 г. по делу № 1-103/2020 URL: [//sudact.ru/regular/doc/Tl55vjNz3wow/](https://sudact.ru/regular/doc/Tl55vjNz3wow/) (дата обращения: 01.05.2024).
5. Приговор Кумторкалинского районного суда от 4 марта 2021 г. по делу № 1-23/2021 URL: [//sudact.ru/regular/doc/VVOUsSDiSwJt/](https://sudact.ru/regular/doc/VVOUsSDiSwJt/) (дата обращения: 04.05.2024).
6. Приговор Ленинского районного суда г. Смоленска от 24 января 2020 г. по делу № 1-105/2019 URL: [//sudact.ru/regular/doc/OTF5okQb9qmf/](https://sudact.ru/regular/doc/OTF5okQb9qmf/) (дата обращения: 01.05.2024).
7. Приговор Троицкого районного суда от 3 июня 2021 г. по делу № 1-50/2021 URL: <https://sudact.ru/regular/doc/nMeHvTPCkFgC/> (дата обращения: 01.05.2024).

8. Харькова Н.В. Методологическая основа анализа бизнес-планирования, общие задачи анализа и проблемы бизнес-планирования / Н.В. Харькова, В.В. Тараев // Актуальные проблемы финансов глазами молодежи: материалы III Всероссийской студенческой научно-практической конференции. 2017. № 3 С. 376-379.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЯ АЗАРТНЫХ ИГР НА ПРИМЕРЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН ЕВРОПЫ (ЭСТОНИЯ, ГЕРМАНИЯ, НИДЕРЛАНДЫ, ФРАНЦИЯ)

Н. И. Верченко

Новосибирский государственный университет экономики и управления
доцент кафедры уголовного права и национальной безопасности,
кандидат юридических наук, доцент
n.verchenko@yandex.ru

А. П. Золотарева

Новосибирский государственный университет экономики и управления
магистрант
zolotarevaaa@20yandex.ru

Аннотация: данная научная статья исследует правовое регулирование организации и проведения азартных игр в Эстонии, Германии, Нидерландах и Франции. В исследовании анализируются существующие законодательные рамки, лицензионные требования, налоги и меры по борьбе с зависимостью от азартных игр в каждой стране. Сравнительный анализ выявляет различия и сходства в подходах этих стран к правовому регулированию азартных игр. Результаты исследования имеют практическое значение для формирования эффективных и ответственных систем регулирования азартных игр в других странах.

Ключевые слова: игорная деятельность, правовое регулирование азартных игр, проблемы квалификации, договор о гемблинге, ставки.

Abstract: this scholarly article explores the legal regulation of the organization and conduct of gambling in Estonia, Germany, the Netherlands, and France. The study analyzes existing legal frameworks, licensing requirements, taxation, and measures to combat gambling addiction in each country. The comparative analysis reveals the differences and similarities in these countries' approaches to gambling regulation. The research findings have practical implications for the development of effective and responsible gambling regulation systems in other jurisdictions.

Key word: gambling activities, legal regulation of gambling, qualification issues, gambling agreement, bets.

В зависимости от политики государства в разные периоды сфера игровой деятельности подвергалась различным способам регулирования, ее подвергали легализации, ограничению или запрету, несмотря на это популярность азартных игр росла с каждым днем, распространяясь среди разных слоев населения. Существует три модели правового регулирования азартных игр в европейских странах, полную легализацию, частич-

ную и полный запрет на такой род деятельности [5, с. 3]. Рассмотрим первые модели более подробно.

К первой модели такого правового поведения можно отнести Эстонию, где азартные игры регулируются Уголовным Кодексом и Федеральным законом «Об азартных играх». Сами средства, которые получены в результате налогообложения, направляются на усовершенствование социальных программ, медицинских учреждений и поддержку культуры и спорта. Игорный бизнес в этой стране можно разделить на три категории:

Первая — стандартные азартные игры, моделирование которых осуществляется через интерактивную деятельность, например рулетка или Black Jack.

Вторая — нестандартный азартный симулятор. Интерактивная игра включает в себя преднамеренные ставки на определенный результат, содержащий виртуальную валюту. Игроки зарабатывают очки и опыт [8, с. 367].

Третья — сетевые видеоигры с элементами непрямой азартной игры. Такие игры обычно поддерживаются веб-сайтами, сопровождающими такие игры. Например, ставки делаются на боковой линии, а выигрыши и проигрыши происходят в игровом пространстве. К азартным играм относятся ставки на спорт, то есть ставки на результат поединка или боя [9, с. 10].

Разрешение на организацию азартных игр выдается специальным органом — Эстонским комитетом по азартным играм (Estonian Gambling Committee). Для получения лицензии на организацию азартных игр необходимо соответствовать определенным требованиям, включая финансовую устойчивость, соблюдение правил безопасности и ответственной игры, а также определенные налоговые обязательства [6, с. 76].

Вторым ярким представителем первой модели можно считать Германию. На сегодняшний день государство заняло благоприятную позицию по отношению к игорной деятельности. Само регулирование осуществляется на федеральном уровне, посредством государственного договора о гемблинге (Glücksspielstaatsvertrag). Согласно этому договору, азартные игры разделены на две категории: игры с высокой степенью риска и игры с низкой степенью риска [1]. К играм с высоким уровнем относятся казино, игровые автоматы и покер. К низкому уровню относятся лотереи и спортивные пари.

Регулирование казино находится на уровне федеральных земель, которое состоит из Spielbankgesetz (Закон о казино) и Spielordnung (Правила игры). Эти правила регулируют, кто может управлять казино. Помимо этого различают концессионную модель и государственную монополию. В случае государственной монополии местоположение определяется непосредственно федеральными землями. В случае модели концессии местоположение определяется косвенно, посредством регулирования [10, с. 554].

Органом, ответственным за регулирование азартных игр в Германии, является Государственный комитет по играм и лотереям (Glücksspielkollegium). Он состоит из представителей всех 16 федеральных земель и координирует деятельность по контролю над азартными играми. Само регулирование направлено на защиту игроков от проблем с азартной зависимостью, предотвращением мошенничества и легализацию азартных игр для получения дополнительных доходов для государства [11].

Если обращаться ко второй модели, то можно сказать, что развитие игорного бизнеса способно позитивно изменить экономическую составляющую страны. Так, Нидерланды представляет собой европейскую страну с либеральной политикой по вопросу азартных игр.

Согласно закону «О дистанционных ставках и азартных игр» в Нидерландах, азартные игры — это возможность побороться за призы или премии, если победители определяются посредством любого расчета вероятности, с помощью которого участники не могут предугадать. Под призами и премиями выступает все, что представляет экономическую ценность, то есть это вещи, которые имеют натуральную форму, а также денежный эквивалент. Оплата доли не требуется [12].

В дополнение к этому закон определяет только те азартные игры, на предложение которых может быть выдана одна или несколько лицензий. На сегодняшний день доступен только один тип лицензирования, включающий в себя ставки на спорт, ставки на скачки, игры в казино, ставки на виртуальный спорт (когда результат генерируется через случайные числа) и киберспорт. Следовательно, в стране не распространяется покер, игровые автоматы, ставки на бирже, ставки тотализаторы, а также онлайн-лотереи. Сама политика регулирования азартных игр основана на предложении законной альтернативы к незаконным предложениям, с помощью которой можно снизить спрос на такой род деятельности [13, с. 121].

Регулирование азартных игр осуществляется Комиссией по азартным играм (Kansspelautoriteit, KSA). Она является независимым органом, ответственным за выдачу лицензий по проведению азартных игр, контроль и надзор за операторами игорного бизнеса [14].

Таким образом, игорный бизнес в Нидерландах разрешен, но с огромным количеством всевозможных «но» и ограничений. Игорным заведениям запрещено осуществлять некоторые финансовые операции, например, выдачу кредитов своим клиентам. Сами операции могут проводиться только с установленными специальными правилами [3].

Вторым примером модели частичной легализации игорного бизнеса, можно рассмотреть Францию. Государственный орган по надзору данной деятельности является Администрация по контролю за играми (ARJEL). ARJEL была создана в 2010 году и отвечает за выдачу лицензий на проведение азартных игр, контроль над соблюдением правил и зако-

нодательства в этой сфере, а также за борьбу с незаконными организациями. Она преследует четыре цели: предотвращение чрезмерной игры и обеспечение защиты несовершеннолетних, обеспечение баланса между различными игровыми секторами, обеспечение целостности игровых операций и предотвращение мошеннической деятельности[15].

Франция имеет строгие правила и законы, касающиеся азартных игр, например, игорные заведения дозволены лишь в крупнейших городах с населением 500 тыс. человек и в ряде городов на Лазурном берегу. Помимо этого только организаторы, имеющие лицензию ARJEL, могут предлагать свои услуги французским игрокам. Лицензии выдаются на определенный период времени и могут быть продлены при соблюдении всех требований [4, с. 93].

Законодательство также относит к азартным играм: ставки на спорт, скачки и лотереи. С 2010 года были легализованы онлайн ставки на скачки, спорт и лотерею [7].

В заключении можно сказать, что глобальное распространение современных информационных технологий играет неопределимую роль в развитии и восприятии человечества. С каждым годом популяризация игорных зон увеличивается, а принятые в последнее время законодательные акты становятся толчком в развитии теневой деятельности в этой области. Проведенный анализ вскрывает перед нами острую социальную и экономическую проблему, требующую законодательного урегулирования и принятия единого нормативно-правового акта по этому вопросу.

Литература

1. Богданов Е. А. Незаконные организация и проведение азартных игр как угроза экономической безопасности на примере законодательства зарубежных стран // Вопросы развития современной науки и техники. — 2021. — №. 1. — С. 89-93.
2. Иванова О. А. Уголовная ответственность за незаконные организацию и проведение азартных игр // Autoreferat al tezei pentru apărarea gradului științific în științe juridice, Saratov. — 2016. — 24 с.
3. Жданова О.В. Анализ Мировой Практики Государственного Регулирования Деятельности в Сфере Азартных Игр и Практики Управления Игорными Зонами // Available at SSRN. — 2016. — С. 55.
4. Катков К. А. Зарубежный опыт налогообложения игорного бизнеса // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. — 2008. — №. 4. — С. 92-94.
5. Кормильцева С. О. Ответственность за организацию и проведение азартных игр на примере ряда зарубежных стран (Эстония, Дания, Бельгия) // Пробелы в российском законодательстве. — 2016. — №1. — С.3-7.
6. Максимов Д. В., Жуликов А. А., Максимова А. Д. Особенности организации и размещения игорных зон в различных странах // Известия

- вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Естественные науки. — 2021. — №2 (210). — С. 73-80.
7. Рябикин А. А. К вопросу об истории отношения государства к азартным играм // Формирование правовой культуры молодежи в условиях современной образовательной среды. — 2021. — С. 59-63.
 8. Pijetlovic K. E. Regulation of Sports Betting Under the New Gambling Act // CHAP — 2012. — P.363-382.
 9. Karulaas T. Legal regulation of eSports and online gambling in the Republic of Estonia // Tallinn University of technology Faculty of Social Sciences Tallinn Law School Tallinn — 2019. — 69 P.
 10. Ludwig M, Kräplin A, Braun B, Kraus L. Gambling experiences, problems, research and policy: gambling in Germany // Addiction — 2013. — №108 (9) — P. 554-572.
 11. Strohäker T., Becker T. Casino Gambling in Germany: Development, Legal Conditions and the Exclusion System // Working Paper — 2018. — P. 11-18.
 12. Goudriaan AE. Gambling and problem gambling in The Netherlands // Addiction. — 2014. — №109(7). — P. 1066-1080.
 13. Littler A. A general introduction to gambling law in Netherlands // Kalff Katz & Franssen — 2022. — P.100-126.
 14. Kingma S. F. The liberalization and regulation of gambling in the Netherlands: National consequences of the changing European context // Regulation and Governance. — 2008. — №2(4). — P.445-458.
 15. Massin S., Maxence M. L'enjeu de l'emploi dans la régulation des jeux de hasard et d'argent en France : une analyse entrée-sortie — Revue d'économie politique. — vol. 132. — 2022. — P. 491-514.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ НЕЗАКОННОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СРЕДСТВ ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ ТОВАРОВ (РАБОТ, УСЛУГ)

Е. С. Витовская

ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин,
кандидат юридических наук
Jane-vit@mail.ru

Аннотация: в статье раскрываются особенности незаконного использования средств индивидуализации товаров (работ, услуг). На основании научного анализа относительно элементов указанного состава преступления, обозначаются спорные моменты, раскрываются возможные пути их решения. Исследуется процедура регистрации товарного знака. Особое внимание уделено крупному ущербу как признаку незаконного использования товарного знака. Автор приходит к выводу, что вопросы индивидуализации товаров (работ, услуг) представляют большой интерес теоретический и практический интерес, что обуславливает их дальнейшее изучение.

Ключевые слова: экономическая деятельность; индивидуализация продукции; товарный знак; крупный ущерб; неоднократность.

Abstract: the article reveals the peculiarities of the illegal use of means of individualization of goods (works, services). Based on scientific analysis regarding the elements of the specified corpus delicti, controversial issues are identified, possible ways to solve them are revealed. The trademark registration procedure is being investigated. Particular attention is paid to major damage as a sign of illegal use of a trademark. The author concludes that the issues of individualization of goods (works, services) are of great interest to theoretical and practical interest, which determines their further study.

Key words: economic activities; individualization of products; trademark; major damage; repetition.

На сегодняшний день отечественная уголовная политика ориентирована на либерализацию ответственности за преступления в сфере экономической деятельности. Однако не стоит забывать, что общественная опасность данных преступных деяний по-прежнему, остается высокой, поскольку они представляют угрозу экономической безопасности государства.

В мире глобализации наблюдается перенасыщенность рынка товаров и услуг, что обуславливает необходимость идентификации продукции, созданной конкретным производителем. Крупные компании и предприниматели активно используют различные средства индивидуализации создаваемых ими товаров и услуг. Речь идет о товарных знаках, брендах, логотипах, слоганах, знаках обслуживания и других объектах гражданских прав. Использование зарегистрированных оригинальных обозначений является одним из эффективных способов повышения статуса организации в современных условиях развития бизнеса.

Вместе с тем средства индивидуализации создаваемых товаров и услуг не является новым объектом права, изучаемым в правовой науке. К примеру, Пражская Конвенция от 20.03.1883 г. «По охране промышленной собственности» в числе объектов охраны промышленной собственности называет товарные знаки, знаки обслуживания, фирменные наименования и указания происхождения или наименования места происхождения. В соответствии со ст. 9 данного акта предусмотрено наложение ареста при ввозе в те страны Союза, в которых этот знак или фирменное наименование имеют право на законную охрану, а также наложение ареста в стране, где была осуществлена незаконная маркировка, или в странах, куда был ввезен продукт. В Конвенции, учреждающей всемирную организацию интеллектуальной собственности, подписанную в Стокгольме 14.07.1967 г. отмечено, что права, относящиеся к товарным знакам, знакам обслуживания, фирменному наименованию и коммерческому обозначению являются объектом интеллектуальной собственности. И наконец, в Договоре о проведении согласованной антимонопольной политики, подписанном в Москве 25.01.2000 г. к действиям, представляющим проявления недобросовестной конкуренции относятся самовольное использование товарного знака, фирменного наименования или маркировка товара другого хозяйствующего субъекта. Положения указанных актов, проблемы установления единого правового режима средств инди-

видуализации товаров и услуг, ответственность за их незаконное использование вызывали большой теоретический и практический интерес.

Действующее законодательство Российской Федерации дает основу правовой охраны разных средств индивидуализации предпринимательской или иной хозяйственной активности субъектов, как юридических, так и физических лиц. Так, ст. 180 Уголовного кодекса РФ предусматривает ответственность за незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг), если это деяние совершено неоднократно или причинило крупный ущерб. Указанное преступное деяние является одним из общественно опасных проявлений недобросовестной конкуренции, нарушающим порядок осуществления предпринимательской деятельности, подрывающим авторитет субъектов экономической деятельности, причиняющий ущерб потребителям товаров, работ (услуг).

Объектом преступления, предусмотренного ст. 180 Уголовного кодекса РФ являются общественные отношения, регулирующие добросовестную конкуренцию и исключительное право субъекта экономической деятельности на использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг). Ряд авторов в качестве факультативного объекта преступления называют права и интересы потребителей товаров, работ (услуг) [1, с. 161; 2, с. 46].

Предметом преступления, согласно ст. 180 Уголовного кодекса РФ являются товарный знак, знак обслуживания, наименование места происхождения товара или сходных с ними обозначений для однородных товаров. Определение каждого из средств индивидуализации приведено в гражданском законодательстве.

Товарный знак и знак обслуживания являются обозначениями, служащими для индивидуализации товаров и выполняемых работ или оказываемых услуг (ст. 1477 Гражданского кодекса РФ). Наименование места происхождения товара — это обозначение представляющее собой современное или историческое, официальное или неофициальное, полное или сокращенное наименование страны, городского или сельского поселения, местности или другого географического объекта, включающее такое наименование или производное от такого наименования и ставшее известным в результате его использования в отношении товара, особые свойства которого исключительно определяются характерными для данного географического объекта природными условиями и (или) людскими факторами (ст. 1516 Гражданского кодекса РФ).

Так, гражданское законодательство предусматривает следующие виды толкования знаков: словесные, изобразительные, объемные и другие обозначения, а также их комбинации. Товарный знак может быть зарегистрирован в любом цвете или цветовом сочетании. Выбор вида товарного знака, не имеет принципиального значения, достаточно лишь его соответствие критериям охраноспособности, и не менее важна различительная способность товарного знака. Это означает, что товарный знак

должен быть понятен и не должен вводить в заблуждение потенциального покупателя товара или услуги.

В соответствии со ст. 12311 Гражданского кодекса РФ не предоставляется правовая охрана в качестве средства индивидуализации объектам, включающим, воспроизводящим или имитирующим официальные символы, наименования и отличительные знаки либо их узнаваемые части. Например, государственным символам и знакам (флаги, гербы, ордена, денежные знаки и др.). Подобная практика встречается во многих зарубежных странах.

Так, в Израиле не подлежат регистрации товарные знаки, связанные с президентом страны и его семьей, флаги, гербы, а также знаки, которые могут нанести ущерб нравственности или государственной политике [7]. В Китайской Народной Республике установлен запрет на регистрацию товарных знаков схожих с общеизвестными брендами (торговыми марками) широко известными в стране [8].

В деянии, предусмотренном ч. 2 ст. 180 Уголовного кодекса РФ предметом выступает предупредительная маркировка, которая проставляется рядом с товарным знаком. Предупредительная маркировка указывает на то, что знак под охраной.

Товары, этикетки, упаковки товаров, на которых незаконно размещены товарный знак или сходное с ним до степени смешения обозначение, являются контрафактными. Таким образом, в ст. 1515 Гражданского кодекса РФ содержится легальное понятие «контрафакта». Стоит отметить, что ст. 1515 Гражданского кодекса РФ не применяется в отношении перечня товаров, указанных в Приказе Минпромторга России от 21.07.2023 № 2701, при условии введения их в оборот за пределами РФ правообладателями (патентообладателями), а также с их согласия. В перечне таких товаров живые деревья и другие растения; луковицы, корни и прочие аналогичные части растений; срезанные цветы и декоративная зелень; соль; сера; земли и камень; штукатурные материалы, известь и цемент; продукты неорганической химии; соединения неорганические или органические драгоценных металлов, редкоземельных металлов, радиоактивных элементов или изотопов и др.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 180 Уголовного кодекса РФ заключается в незаконном использовании средств индивидуализации товаров (работ, услуг). В соответствии со ст. 1229 Гражданского кодекса РФ гражданин или юридическое лицо, обладающие исключительным правом на средство индивидуализации (правообладатель), вправе использовать такое средство по своему усмотрению любым не противоречащим закону способом. Правообладатель может распоряжаться исключительным правом на средство индивидуализации, при этом он может по своему усмотрению разрешать или запрещать другим лицам использование средства индивидуализации. Отсутствие запрета не считается согласием (разрешением).

Под незаконным использованием чужого товарного знака, знака обслуживания, наименования места происхождения товара или сходных с ними обозначений для однородных товаров следует понимать несанкционированное применение средств индивидуализации на однородных товарах, в том числе на этикетках, упаковках товаров, которые производятся, предлагаются к продаже, продаются, демонстрируются на выставках и ярмарках или иным образом вводятся в гражданский оборот на территории России либо хранятся или перевозятся с этой целью, либо ввозятся на территорию России; при выполнении работ, оказании услуг; на документации, связанной с введением товаров в гражданский оборот; в предложениях о продаже товаров, о выполнении работ, об оказании услуг, а также в объявлениях, на вывесках и в рекламе; в сети «Интернет», в том числе в доменном имени и при других способах адресации.

Процедура регистрации средств индивидуализации регламентирована постановлением Правительства РФ от 10.12.2008 № 941. Например, процедура регистрации товарного знака включает экспертизу заявки на регистрацию товарного знака, проведение экспертизы, вынесение решения по заявке и выдачу свидетельства о регистрации товарного знака.

Во-первых, проводится проверка заявки и комплекта документов, прилагаемых в ней. В заявке указываются следующие данные: информация о заявителе, предоставляется обозначение и описание товарного знака (трехмерная модель в электронной форме), его цветовая гамма, шрифт, наименование, расшифровка, указывается перечень товаров, в отношении которых испрашивается государственная регистрация товарного знака и которые сгруппированы по классам Международной классификации товаров и услуг для регистрации знаков. Например, стоимость регистрации заявки на регистрацию товарного знака составляет 3500 руб. и 1000 руб. за каждый из каждого класса указанной классификации.

Во-вторых, проводится экспертиза заявленного товарного знака. Главная задача в том, чтобы протестировать товарный знак на охраноспособность. На этой стадии могут быть приняты следующие виды решений: положительное решение о регистрации товарного знака либо отказ в такой регистрации. Стоимость экспертизы товарного знака составляет 11500 руб. и 2500 руб. за каждый из каждого класса указанной классификации.

В-третьих, в случае положительного решения производится непосредственная регистрации товарного знака, о чем вносится информация в государственный реестр товарных знаков. Стоимость этой процедуры составляет 16000 руб. и 1000 руб. за каждый из каждого класса указанной классификации.

Несмотря на вполне понятную и относительно недорогую процедуру, не все предприниматели реализуют возможность регистрации в качестве товарных знаков обозначений, используемых в своей деятельности.

Причинами такого пренебрежения может явиться недостаток информации о процедуре, особенностях регистрации товарного знака и негативных финансовых последствиях.

Наряду с незаконным использованием чужого товарного знака, знака обслуживания, наименования места происхождения товара или сходных с ними обозначений для однородных товаров, обязательными признаками объективной стороны, названы неоднократность или причинение крупного ущерба. В юридической литературе такую конструкцию называют формально-материальной. Таким образом, преступление считается оконченным либо с момента неоднократного совершения указанных в диспозиции статьи действий (формальный состав), либо с момента наступления последствий — причинения крупного ущерба (материальный состав).

В данной правовой норме нельзя признать неоднократным деяние, если товарный знак изготавливался для постоянного применения, поскольку наличествует единый умысел. Другим спорным вопросом видится причинение крупного ущерба. Несмотря на принятие постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.04.2007 № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака» эта сложная проблема осталась не решенной и напротив породила новые вопросы. В п. 24 указанного постановления и в примечании к ст. 180 Уголовного кодекса РФ отмечено, что крупным считается ущерб, превышающий двести пятьдесят тысяч руб. Сказанное подводит нас к вопросу, о каком ущербе идет речь? Реальном ущербе или упущенной выгоде, причиненном правообладателю или приобретателю товара, с учетом стоимости контрафактных товаров или без учета такой стоимости? Значительная часть ученых настаивают, что следует учитывать именно упущенную выгоду, при этом обходят стороной вопрос о том, как исчислять такую выгоду [6, с. 109].

Например, если у продавца, незаконного использующего товарный знак *Zarina* изъяли двести пятьдесят платьев по 800 руб. за каждое, то каким будет ущерб. Если определять по стоимости контрафактных изделий, то крупного ущерба не будет, если же по стоимости оригинала — наличествует состав преступления, предусмотренный ст. 180 Уголовного кодекса РФ. Есть мнение, что ущерб можно исчислять путем умножения количества выявленной контрафактной продукции на цену правообладателя за единицу такого товара [4, с. 119]. По нашему мнению, такая позиция вызывает сомнения, поскольку нельзя утверждать, что товар по такой высокой цене мог быть приобретен.

Не менее интересен подход, при котором ущерб определен доходом, полученным лицом, незаконно использующим товарный знак [3, с. 17; 5, с. 73]. Однако такое мнение недостаточно продуманное, поскольку в этом случае наличествует совокупность преступных деяний,

предусмотренных ст. ст. 146 и 180 Уголовного кодекса РФ, а следовательно, необходимо определять как стоимость контрафактного товара, так и стоимость оригинала. Не исключено, что последствия могут выражаться в причинении ущерба деловой репутации.

Субъективная сторона рассматриваемого преступления характеризуется умышленной формой вины, что говорит о повышении степени общественной опасности преступного деяния.

Субъектом преступления может быть любое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста.

Подводя итог отметим, что в настоящей работе мы ограничились лишь постановкой проблемы установления объективной стороны преступления и обозначением возможного пути ее устранения. При этом обратили внимание на то, что для юридических лиц и индивидуальных предпринимателей регистрация средств индивидуализации товаров (работ, услуг) процедура необходимая, поскольку направлена как на повышение конкурентоспособности, устранение рисков и негативных последствий в современных условиях развития бизнеса, правовую защиту имущественных отношений, так и на борьбу с преступлениями в экономической сфере.

Литература

1. Аушева М. О. Проблемы квалификации и совершенствования нормы о незаконном использовании товарного знака // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2010. № 4(53). С. 160-165.
2. Дерябина Т. П. Объект и предмет состава преступления незаконного использования товарного знака // Успехи в химии и химической технологии. 2007. Т. 21. № 10(78). С. 45-48.
3. Долотов Р. О., Пархоменко С. Д. Уголовная ответственность за незаконное использование товарных знаков: толкование признаков «неоднократность» и «крупный ущерб» // Уголовное право. 2023. № 11(159). С. 10-24.
4. Казакова Е. В. Методики оценки ущерба от преступления за незаконное использование средств индивидуализации товаров // Наука, инновации, образование: актуальные вопросы XXI века : сборник статей IV Международной научно-практической конференции, Пенза, 10 декабря 2022 года. Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2022. С. 117-119.
5. Мотылькова А. В. Незаконное использование товарного знака и нарушение исключительного права на товарный знак: соотношение понятий // Бизнес в законе. 2012. № 1. С. 72-75.
6. Никитина Л. К. Неоднократность и крупный ущерб как конструктивные признаки состава незаконного использования товарного знака (ст. 180 УК РФ) // Общество и право. 2009. № 2(24). С. 108-112.

7. Регистрация товарного знака [Электронный ресурс] // Официальный сайт Израильского патентного бюро. URL: <https://masad-eng.com/ru/патенты-и-сертификация/israel-patent-office/> (дата обращения: 30.03.2024 г.).
8. Регистрация товарного знака в Китае [Электронный ресурс] // Официальный сайт патентного бюро «Защита Интеллектуальной Собственности». URL: <https://intellectprava.ru/registracia-tovarnogo-znaka/chinese> (дата обращения: 30.03.2024 г.).

ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СТАНОВЛЕНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПОЛУЧЕНИЕ ВЗЯТКИ

Ю. А. Горбачев

Новосибирский государственный университет экономики и управления

магистрант

gorba4vyu@yandex.ru

Аннотация: в статье последовательно проанализирован исторический опыт становления уголовной ответственности за получение взятки в России. Показано, что отдельные аспекты уголовного регулирования взяточничества содержались уже в источниках права Древней Руси. Выделена роль дореволюционного законодательства, советского уголовного закона, а также действующего уголовного закона, подвергнувшегося заметным нововведениям в части регулирования ответственности за получение взятки.

Ключевые слова: уголовная ответственность, взятка, история законодательства.

Abstract: the article consistently analyzes the historical experience of the formation of criminal liability for bribery in Russia. It is shown that individual aspects of criminal regulation of bribery were already contained in the sources of law of Ancient Rus. The role of pre-revolutionary legislation, Soviet criminal law, as well as the current criminal law, which has undergone significant innovations in terms of regulating liability for bribery, is highlighted.

Keywords: criminal liability, bribe, history of legislation.

Получение взятки является одним из самых распространенных преступлений коррупционного характера, борьбе с которым уделяется большое внимание не только на государственном, но и на межгосударственном, глобальном уровнях. По данным генеральной прокуратуры РФ, в Российской Федерации количество преступлений, квалифицируемых как получение взятки ежегодно увеличивается, — если в 2022 году по поводу получения взяток за год было возбуждено 5540 уголовных дел, что на 10,36% выше показателя предшествующего 2021 года [9], то только за девять месяцев 2023 года количество таких судебных дел составило 5353.

Причины столь большого количества совершаемых и выявляемых преступлений, квалифицируемых как получение взятки, многообразны. К их числу специалисты относят несовершенство законодательства, эконо-

мико-политические условия, не способствующие сокращению взяточничества, недостаточность мер превентивного характера, в том числе обучающих и просветительских мероприятий, и ряд других. Одно из наиболее значимых причин широкого распространения в Российской Федерации рассматриваемого преступления является сложившийся менталитет населения и исторические традиции взаимодействия граждан и властных структур в нашем государстве. Взяточничество в России, как и многих других государствах, носит закоренелый исторически обусловленный характер. Именно обращение к историческим аспектам становления уголовной ответственности за получение взятки позволяет проследить движение юридической доктрины в данном направлении, выявить особенности нормативной регламентации установления ответственности за получение взятки в разные периоды исторического развития государства, выделить наиболее действенные меры, применяемые в отношении взяточничества и установить ошибки, которые целесообразно избегать в современной практике законодательного регулирования уголовной ответственности за получение взятки.

Доподлинно современной наукой не установлено когда в истории государственного развития возникло взяточничество. Вместе с тем, по мнению многих историков, получение взятки — процесс, становление которого шло одновременно с развитием чиновничьего аппарата. О взяточничестве как противоправном явлении упоминалось уже в первых книгах канонической христианской и еврейской Библии (в Законе Моисея [5]), исследователями выносятся обоснованные предположения о том, что незаконные вознаграждения представителей царской администрации преследовались и в эпоху шумеров, штрафы за предвзятые судебские решения предусматривали Законы царя Хаммурапи (Вавилон, 1755-1752 гг. до н.э.), конфискация следовала за схожими правонарушениями, допускаемыми судьями по Законам Ману (Индия, II в. до н.э.), штрафы и иные уголовные наказания — по Своду законов Юстиниана (Византия, 526-534 гг. до н.э.) [17].

В первом писаном источнике римского права — Своде законов Древнего Рима 451-450 гг. до н.э. (Законах XII таблиц), регулирующих практически все отрасли общественных отношений своего времени, за получение взятки виновному грозила смертная казнь, — согласно содержанию таблицы IX, «... постановление закона, карающее смертной казнью того судью или посредника, которые были назначены при судоговорении (для разбирательства дела) и были уличены в том, что приняли денежную мзду по делу?» [6].

На Руси запрет на принятие «тайной мзды» (в отношении князей) установлен был в правовой системе Псковской и Новгородской республик (источники которой в отечественной историографии признаются достаточно развитыми для своей эпохи). В регулировании ответственности за нарушения, содержание признаки получения взятки, Псковская и Нов-

городская ссудные грамоты опирались на интересы князей по ограничению произвола бояр в пользу власти князя.

С усилением тенденций централизации земель Руси, активной политики объединения территорий вокруг Москвы, проводимой Иваном III, возникла и необходимость проработки механизмов, содержащих запреты принимать и давать взятку. Это свидетельствует об укоренении проблемы взяточничества в эпоху создания основ единого русского государства. Закрепление нормы о преследовании за получение взятки нашли в ст. 1 Судебника 1497 года: «судьям частных вознаграждений (взятки) боярам, и окольничим, и дьякам от суда и от содействия (в разрешении дела) не брать; ... судом не мстить, не дружить никому» [12], а согласно содержанию статьи 33 неделщикам (судебным приставам), запрещалось «на суде в пользу боярина и окольничих, дьяков вознаграждения просить и брать» [12], равно как и предлагать взятки. При этом примечательно, то, что при явном присутствии проблемы взяточничества в государстве, Судебник 1497 года содержал только запрет на получение и дачу взятки, но специального наказания за совершение этих действий не предусматривал.

Все следовавшие за Судебником 1497 года документы, положенные в основу регулирования государственного уголовного права в России, включали нормы, предусматривавшие ответственность за взяточничество и борьбу с данной проблемой.

В новом своде законов, принятом при втором русском царе династии Романовых Алексее Михайловиче, Соборном уложении 1649 года (действовавшем до 1832 года), был установлен не только запрет на получение взятки, но и зафиксирована ответственность за совершение данного, преследуемого по закону нарушения. В данном источнике уголовного права система преступлений в целом была усложнена и дополнена. Должностные преступления, несущие в себе угрозу феодальному обществу, занимали особое место, среди таковых выделялось «лихоимство» и «мздоимство». Глава X Соборного уложения 1649 года «О суде» ответственность за получение взятки предусматривала в том числе для должностных лиц местной власти [11].

Наказание за получение взятки в соответствии с нормами Соборного уложения 1649 года, носило характер дифференцированный, для лиц, обладающих более высоким чином, предусмотрен был более мягкий его характер. Вследствие данного подхода законодателя, возможность получения взяток воеводами и приказными чинами была ограничена, тогда как на более высоких должностях — продолжала присутствовать [8].

Неправомерное использование служебного положения чиновникам и получение ими взяток сопровождало развитие российского уголовного права в эпоху правления Петра I. Указом Петра I от 1714 года полагалось, что «взяточник должен быть весьма жестоко наказан, всего имения лишен, исключен из числа добрых людей низвергнут или казнен» [2]. В период правления Петра I был введен в действие специальный документ

уголовного права Артикул воинский 1715 года, в котором уголовная ответственность за должностные преступления была дифференцирована, а взяточничество выделено в отдельную норму (арт. 184). Данной нормой в отношении лиц «кто ради получения подарка пропустит там и того, где не полагается пропускать...» [1] предусматривалась смертная казнь. Такое развитие уголовного закона позволяет констатировать распространенность взяточничества не только в системе государственного управления, но и в централизованной и достаточно сильной армии, построенной Петром I. Необходимо также отметить, что именно в данном документе взяточничество было выделено из группы преступлений против судопроизводства в отдельный состав. Суровость законов данного времени в большей степени была направлена не на решение задач о возмездии, а на устрашение виновных. В период между правлением Петра I и Екатерины II виновных в рассматриваемых преступлениях наказывали мягче, используя штрафы, конфискацию имущества, телесные наказания.

При Екатерине II, пришлось справляться с проблемой пустой казны, что не могло содержать государственных служащих от получения взяток, на борьбе со взятками был сделан большой акцент [3]. Помимо суровости наказания в этот период была введена ежегодная смена лиц, занимающих материально ответственные должности и установлена строгая дисциплина и отчетность.

При Николае I в 1826 году лихоимство (или взятка) в этот период получило законодательно утвержденное определение. Вместе с тем, вплоть до этого периода тяжесть наказания, предусматриваемого за получение взятки, зависела от того, гражданскую или общественную должность занимал чиновник.

«Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» принятое в 1845 году и действующее до 1917 года, уравнило виновных в получении взятки перед законом. Наказание назначалось в зависимости от характера и тяжести деяния [10].

Со сменой государственной власти, имевшей место вследствие революции 1917 года, произошел отказ от дореволюционного законодательства. В целях регулирования ответственности за взяточничество принят был Декрет Совета народных комиссаров РСФСР от 08.05.1918 г. «О взяточничестве» [4]. В соответствии с нововведениями того времени, уголовное преследование касалось не только получателей взятки, но и тех, кто ее давал, а с принятием Декрета СНК РСФСР от 16.08.1921 г. «О борьбе с взяточничеством» и тех, кто выступал в роли посредника.

Первые нормативные акты советского периода, предусматривающие ответственность за получение взятки, послужили базой для закрепления соответствующих норм в УК РСФСР 1922 г. Помимо установления ответственности за получение взятки и других преступлений данной группы было закреплено понятие субъекта взяточничества (должностного лица). УК РСФСР 1926 г. во многом сохранил преемственность

предыдущего закона, взяткополучатели не могли быть освобождены от уголовной ответственности [14].

Нормы советского законодательства, зафиксированные УК РСФСР 1960 г., определили и утвердили понятие должностного лица исходя из выполняемых функций. Согласно последней редакции УК РСФСР 1960 г. за получение взятки предусматривалась ответственность в виде лишения свободы на срок до десяти лет с конфискацией имущества, а при квалифицирующих признаках — на срок до пятнадцати лет с конфискацией имущества [13]. С 1993 года была отменена смертная казнь за взяточничество при отягчающих обстоятельствах.

Принятый в 1996 г. УК РФ установил ответственность только за два проявления взяточничества: дачу взятки (ст. 291) либо за ее получение (ст. 290 УК РФ). На протяжении длительного времени указанные уголовно-правовые нормы действовали без существенных изменений и лишь с принятием Федерального закона от 04.05.2011 г. № 97-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции» были дополнены положениями, расширяющими перечень субъектов получения взятки, квалифицирующими признаками, самостоятельной нормой, предусматривающей ответственность за посредничество при взяточничестве и др. [16].

Федеральный закон от 03.07.2016 г. № 324-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» дополнил действующие уголовные нормы статьей об ответственности за мелкое взяточничество [15].

Таким образом, проведенное исследование показало, что ответственность за взяточничество в истории развития российского уголовного закона существовала всегда. Несмотря на то, что регулирование уголовной ответственности за получение взятки в дореволюционный период не отличалось глубиной проработки, эти нормы нашли воплощение в дальнейшем развитии законодательства об ответственности за рассматриваемый вид преступления.

Обращение к историческому опыту борьбы со взяточничеством доказывает не только необходимость учета накопленных знаний в разработке актуальных мер противодействия и превентивного характера в отношении рассматриваемого преступления, но и важность рассмотрения системного характера уголовного преследования за получение взятки. В соответствии с ним принимать во внимание необходимо устройство всей социальной системы и лояльность ко взяточничеству, во многом «традиционную» для российского общества.

Литература

1. Артикул воинский 1715 года, 26 апреля. Список актов конституционного значения. История [Электронный ресурс] // Официальный сайт Конституции РФ. — Режим доступа: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/2008/> (дата обращения: 01.03.2024).
2. Бочаров, А.А. Взятка: исторический аспект проблемы в дореволюционной России / А.А. Бочаров // Наука через призму времени. — 2018. — № 1 (10). — С. 128-130.
3. Буракова, Е.Е., Кукса И.И. Возникновение и развитие ответственности за взяточничество в дореволюционный период / Е.Е. Буракова, И.И. Кукса // Научные исследования. — 2020. — № 1 (32). — С. 6-10.
4. Декрет Совета народных комиссаров РСФСР от 08.05.1918 г. «О взяточничестве» (утратил силу в связи с изданием Постановления ВЦИК, СНК РСФСР от 25.01.1928) // Правда. — 1918. — № 92.
5. Закон Моисея [Электронный ресурс]. — Режим доступа <https://azbyka.ru/zakon-moiseya> (дата обращения: 12.02.2024).
6. Законы XII таблиц [Электронный ресурс] // Проект «История Древнего Рима». — Режим доступа: <https://ancientrome.ru/ius/i.htm?a=1446588975> (дата обращения: 12.02.2024).
7. Замалеева С.В. Анализ истории развития криминализации взяточничества по российскому уголовному законодательству / С.В. Замалеева // Право и государство: теория и практика. — 2021. — № 1 (193). — С. 278-280.
8. Мельников, В.С. История развития законодательства, дачи и получения взятки / В. С. Мельников // Молодой ученый. — 2020. — № 4 (294). — С. 397-399.
9. Показатели преступности России [Электронный ресурс] // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. — Режим доступа: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/crimestat> (дата обращения: 15.01.2024).
10. Сафонова, А.М. Исторический обзор законодательства об ответственности за взяточничество в России / А.М. Сафонова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2022. — № 2-2 (65). — С. 170-173.
11. Соборное уложение 1649 года. Список актов конституционного значения. История [Электронный ресурс] // Официальный сайт Конституции РФ. — Режим доступа: https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/2001/#sub_para_N_10 (дата обращения: 01.03.2024).
12. Судебник 1497 год [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://his95.narod.ru/1497.htm> (дата обращения: 01.03.2024).

13. Уголовный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. (утратил силу в связи с принятием Уголовного Кодекса 1996 года) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. — 1960. — № 40. — Ст. 591.
14. Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926 года (с изменениями по состоянию на 1 марта 1957 года) (утратил силу в связи с принятием Уголовного Кодекса 1960 года) // Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР. — 1926. — № 80. — Ст. 600.
15. Федеральный закон от 3 июля 2016 г. N 324-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2016. — № 27 (часть II). — Ст. 4257.
16. Федеральный закон от 4 мая 2011 г. N 97-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции» (ред. от 4 июня 2014 г. N 143-ФЗ) // парламентская газета. — 2011. — № 23.
17. Хлус, А.М. Представление о коррупции и взяточничестве в древних источниках права и произведениях философов / А.М. Хлус // ЭПО-МЕН. — 2021. — № 59. — С. 238-255.

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ СТАТЬИ 172.2 УК РФ

А. А. Исаев

Новосибирский государственный университет экономики и управления
старший преподаватель кафедры уголовного права и национальной
безопасности

andrey.isayev.72@list.ru

Аннотация: финансовые пирамиды являются актуальной проблемой во всем мире. В России ответственность за создание финансовой пирамиды предусмотрена ст. 172.2 УК РФ. Данный состав преступления практически не вменяется, однако, при этом, зачастую его признаки усматриваются в приговорах, в которых деяние квалифицировано по ст. 159 УК РФ. На основе этого становится очевидно, что необходимо исследовать вопросы разграничения состава ст. 172.2 УК РФ со смежными составами.

Ключевые слова: организация деятельности, финансовая пирамида, привлечение денежных средств, собственность, мошенничество.

Abstract: financial pyramids are a pressing issue worldwide. In Russia, liability for the creation of a financial pyramid is provided for by Article 172.2 of the Criminal Code of the Russian Federation. This crime is practically not charged, however, at the same time, its features are often seen in sentences in which the act is qualified under Article 159. Based on this, it becomes obvious that it is necessary to study the issues of distinguishing the crime

provided for in Article 172.2 of the Criminal Code of the Russian Federation from related crimes.

Keywords: organization of activities, financial pyramid, attraction of funds, property, fraud.

Статья 172.2 УК РФ была введена федеральным законом от 30 марта 2016 года [1], и с этого момента в данную норму изменения не вносились. При этом предложенная законодателем формулировка [2] в большинстве случаев не позволяет правильно квалифицировать данный состав ввиду отсутствия определений используемых в нем понятий.

Трудными для понимания предстают понятия «организация деятельности», «иное имущество» и «иная деятельность», так как ни в уголовном законодательстве, ни в разъяснениях Верховного суда РФ не даны их определения. В научном сообществе этот вопрос также является предметом споров. Так, ряд авторов предлагают конкретизировать понятие «организация деятельности», включив в него также такие термины как «создание», «руководство», «финансирование» [4], другие авторы, наоборот, предпочитают ограничиться минимальным количеством терминов [8].

Перечисленные выше понятия ввиду своей неопределенности наделяют диспозицию ст. 172.2 УК РФ абстрактным характером, что порождает в правоприменительной практике проблемы, связанные с ограничением данного состава преступления от мошенничества.

Для решения вышеуказанных проблем, связанных с определением используемых понятий, следует внести изменения в формулировку диспозиции ч. 1 ст. 172.2 УК РФ, конкретизируя организацию деятельности такими понятиями как «создание, руководство, финансирование». При этом, необходимо внести следующие разъяснения Верховного Суда РФ: «под «созданием» по смыслу статьи 172.2 УК РФ следует понимать разработку структуры такой организации, определение вариантов взаимодействия ее участников, а также подыскание таких участников и наделение их определенными полномочиями; под «руководством» по смыслу статьи 172.2 УК РФ следует понимать процесс управления деятельностью участников организации, контроль за такой деятельностью; под «финансированием» по смыслу статьи 172.2 УК РФ следует понимать обеспечение осуществления преступной деятельности путем предоставления денежных средств и (или) иного материального обеспечения».

Также достаточным будет внести разъяснения ВС РФ в следующих формулировках: 1) «под «иным имуществом» по смыслу статьи 172.2 УК РФ следует понимать движимое и недвижимое имущество, а также право на имущество и иные права, предусмотренные гражданским законодательством Российской Федерации»; 2) «под «иной деятельностью» в рамках состава преступления, предусмотренного статьей 172.2 УК РФ, следует понимать любую незаконную деятельность, связанную с использованием привлеченных денежных средств».

Деятельность по привлечению денежных средств и (или) иного имущества иначе называют финансовой пирамидой.

В настоящее время по данным Центрального Банка России существует 2176 финансовых пирамид. За девять месяцев 2023 года таких проектов было выявлено на 47% больше, чем за такой же период 2022 года, а по сравнению с 2021 годом рост составил 250% [9], что подтверждает актуальность проблемы финансовых пирамид.

Деятельность финансовых пирамид важно отличать от деятельности законных финансовых организаций, поэтому научным сообществом были определены признаки такой деятельности. Первым и основным признаком является отсутствие лицензии Банка России на осуществление подобной деятельности. Вторым важным признаком является высокая доходность от участия в таких организациях. Следующим признаком выступает наличие многочисленной агрессивной рекламы в СМИ и сети Интернет [5]. Также выделяют такие признаки как отсутствие у организации собственных средств и ценных активов и отсутствие в свободном доступе сведений о руководителе компании [6].

Финансовые пирамиды оказывают крайне негативное влияние на общество: в общем смысле общественная опасность состоит в подрыве нормального функционирования банковской системы РФ, выводе в «теневую» экономику значительного объема денежных средств, утрате доверия граждан к легитимным финансовым институтам.

Рассматривая влияние финансовых пирамид непосредственно на реализацию лицом права собственности следует отметить, что больший акцент делается на том, что финансовые пирамиды и их деятельность больший ущерб наносят отношениям собственности, вопреки тому, что родовым объектом являются отношения в сфере экономической деятельности [7]. На мой взгляд, можно говорить о следующем: начиная деятельность в рамках финансовой пирамиды, вкладчик реализует права пользования и распоряжения в отношении вкладываемых им денежных средств, своего имущества, при негативном исходе такой деятельности полностью нарушается возможность реализации права пользования, так как внося деньги в оборот финансовой пирамиды, лицо добросовестно надеется на получение инвестиционной прибыли, но, как правило, финансовая пирамида такого ожидаемого дохода не дает.

Финансовые пирамиды являются также проблемой большинства зарубежных стран. Особое внимание стоит уделить законодательству Республики Казахстан.

В Уголовном кодексе Республики Казахстан (УК РК) [3] ответственность за создание и руководство финансовой (инвестиционной) пирамиды закреплена ст. 217. Явные отличия ст. 217 УК РК от ст. 172.2 УК РФ состоят в следующем. Во-первых, в УК РК используются более однозначные термины "создание" и "руководство". Во-вторых, в ст. 217 УК РК говорится лишь о том, что привлеченные средства не должны быть

направлены на предпринимательскую деятельность, что сужает круг отношений, попадающих под финансовую пирамиду. В-третьих, ответственность по ст. 217 УК РК наступает независимо от величины причиненного ущерба, в отличие от ст. 172.2 УК РФ.

Следует отметить, что УК РК также предусматривает ответственность за рекламу финансовой пирамиды. Полагаю, что в российском законодательстве должна присутствовать такая норма ввиду наличия агрессивной пропаганды пирамид. В связи с этим предлагается дополнить УК РФ ч. 3 статьи 172.2 УК РФ в следующей формулировке:

«Реклама деятельности, предусмотренной частью 1 статьи 172.2 настоящего Кодекса, то есть публичное распространение информации о такой деятельности, осуществляемое лично или с использованием средств массовой информации, в том числе путем размещения в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», повлекшее вовлечение в нее лиц с причинением этим лицам крупного ущерба —

наказывается штрафом в размере до семисот пятидесяти тысяч рублей, или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до двух лет, либо принудительными работами на срок до трех лет, либо лишением свободы на тот же срок с ограничением свободы на срок до одного года или без такового».

Такие меры наказания и их размер, на мой взгляд, являются достаточными для достижения целей уголовного наказания, в частности, предупреждения совершения новых преступлений.

Для полного и всестороннего изучения состава преступления, предусмотренного ст. 172.2 УК РФ, а также для правильной квалификации деяния принято характеризовать его с точки зрения объективных и субъективных признаков.

Начнем с описания объекта преступного посягательства ст. 172.2 УК РФ. Наиболее конкретизированным видом объекта состава преступления является его непосредственный объект. В рамках ст. 172.2 УК РФ определить непосредственный объект представляется весьма сложным. Мы полагаем, что в составе ст. 172.2 УК РФ можно выделить несколько групп общественных отношений: общественные отношения, возникающие в сфере экономической деятельности, связанной с привлечением денежных средств или иного имущества выделять в качестве основного непосредственного объекта, а отношения собственности — в качестве дополнительного непосредственного объекта рассматриваемого состава преступления.

Предметом рассматриваемого состава преступления являются денежные средства и (или) иное имущество, что прямо вытекает из диспозиции статьи 172.2 УК РФ.

Перейдем к объективной стороне состава преступления.

Диспозиция рассматриваемой статьи в качестве общественно-опасного деяния предусматривает некую двухфазную структуру:

Первая часть состоит в организации деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества в крупном размере. Понятие «организация деятельности», как было сказано ранее, является оценочным и установление его содержания осуществляет суд в каждом конкретном случае. Так, например, Автозаводской суд города Тольятти [12] квалифицировал действия обвиняемого по ст. 172.2 УК РФ на основании создания им организации деятельности для привлечения прибыли и осуществления руководства ее деятельностью. Советский районный суд города Самары [15] помимо вышеописанного основания также указывал на то, что обвиняемый занимался подысканием сотрудников такой фирмы, осознавая, что их деятельность не будет отвечать признаку законности и будет отвечать признакам финансовой пирамиды.

Вторая часть структуры состоит в том, что доход от такой деятельности возникает за счет привлеченных предметов преступления при отсутствии инвестиционной и (или) иной законной предпринимательской или иной деятельности, в объеме, сопоставимом с объемом привлеченных денежных средств и (или) иного имущества.

По смыслу диспозиции ст. 172.2 УК РФ для вменения данного состава преступления не обязательно наступление общественно-опасных последствий, состав преступления является формальным. Что же касается места, времени, способа, обстановки, средств и орудий совершения преступления, то в рассматриваемом составе они не имеют квалифицирующего значения.

Характеризуя объективные признаки ст. 172.2 УК РФ хочется сказать, что в большинстве своем они являются оценочными, а их определение осуществляется по внутренним и правовым убеждениям и знаниям суда.

Характеристика субъективных признаков состава преступления состоит из описания субъекта рассматриваемого преступления и его субъективной стороны.

Говоря о субъекте ст. 172.2 УК РФ следует отметить, что в силу указания закона им является вменяемое физическое лицо, достигшее 16 лет ко времени совершения преступления — субъект преступления общий.

Для более подробного описания субъекта предлагаю составленный на основе анализа материалов судебной практики его краткий криминологический портрет. Так, удалось выявить частые условные признаки субъекта преступления: мужской пол [н-р, см. 14] и замещение должности в организации, позволяющей лицу начать организацию деятельности по привлечению денежных средств [н-р, см. 13].

Переходя к характеристике субъективной стороны состава преступления, предусмотренного статьей 172.2 УК РФ первоначально следует говорить о форме вины. Согласно диспозиции рассматриваемой ста-

тьи данное преступление может быть совершено только в форме прямого умысла.

Цель и мотив диспозицией ст. 172.2 УК РФ не установлены, а значит, не имеют значения при квалификации данного деяния.

Можно сделать вывод, что субъективные признаки рассматриваемого состава преступления являются простыми для их понимания и установления, однако наряду со сложностью понимания и установления объективных признаков, не облегчают порядок квалификации того или иного деяния в соответствии со ст. 172.2 УК РФ.

Ключевой проблемой в рамках рассмотрения темы является разграничение составов преступлений, предусмотренных статьями 159 и 172.2 УК РФ, в силу отсутствия детального определения различий данных составов.

Подтверждением этому служит многочисленная судебная практика, свидетельствующая о том, что часто организация деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества квалифицируется как мошенничество и наоборот.

Так, например, Президиум Самарского областного суда [11], рассмотрев кассационную жалобу потерпевшего с просьбой о пересмотре решения суда первой инстанции, определении апелляционного суда о переквалификации действий виновных со ст. 159 УК РФ на ст. 172.2 УК РФ, отказал в удовлетворении жалобы на основании того, что в ходе судебного разбирательства было установлено и подтверждено, что деньги потерпевшими передавались добровольно, без какого-либо давления, при этом им были известны сведения о принципе работы организации виновных, что не является характерным для мошенничества. Также в своих объяснениях суд акцентировал внимание на отсутствие у виновных умысла на хищение денежных средств.

Из данного примера судебной практики следует, что при вменении статьи 172.2 УК РФ суд в первую очередь исходит из способа совершения преступного деяния, определяя, был ли он совершен путем обмана или злоупотребления доверием, или такие приемы не использовались.

Судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда [10] рассмотрела апелляционное представление прокурора о неправомерности квалификации деяния виновных по статье 172.2 УК РФ с просьбой об отмене судебного решения и назначении нового судебного заседания, на основании того, что в действиях виновных данный состав был определен ошибочно и такие действия подлежат квалификации по статье 159 УК РФ.

Суд удовлетворил представление прокурора по следующим основаниям: 1) потерпевшие не обладали информацией о действительных целях использования переданных ими денежных средств; 2) отсутствие у потерпевших такой информации стало следствием обмана со стороны виновных; 3) у виновных имелся умысел на хищение денежных средств

путем обмана еще до передачи им имущества потерпевшими; 4) виновные предоставляли фиктивные соглашения об открытии торгового счета, что явно свидетельствует об обмане.

Следует обратить внимание, что более-менее объективное отграничение рассматриваемых составов в большинстве осуществлялось кассационным судом, что свидетельствует о том, что суды первой и апелляционной инстанции зачастую испытывают трудности при таком разграничении. В связи с этим считаем целесообразным предложить внести разъяснения Пленума Верховного суда РФ в следующей формулировке:

«При решении вопроса о виновности лица в совершении преступления, предусмотренного статьей 172.2 УК РФ судам следует обращать внимание на направленность первоначального умысла виновного. Если у виновного отсутствовал умысел на хищение денежных средств и (или) иного имущества при наличии иных признаков состава преступления, предусмотренного статьей 172.2 УК РФ, его деяние подлежит квалификации по статье 172.2 УК РФ. При наличии первоначального умысла на хищение денежных средств и (или) иного имущества действия виновного следует квалифицировать по статье 159 УК РФ и (или) иным соответствующим статьям УК РФ.

При этом судам следует иметь в виду, что для квалификации деяния по статье 172.2 УК РФ потерпевшие лица должны быть оповещены о действительном характере осуществляемых с их имуществом операций. В случае, если потерпевшие передавали свое имущество под влиянием обмана и (или) злоупотребления доверием, содеянное следует квалифицировать по статье 159 УК РФ».

Также на основе проведенного анализа, теории уголовного права и положений Особенной части УК РФ можно определить следующие критерии отграничения данных составов преступлений:

1) Основным объектом ст. 159 УК РФ выступают отношения собственности, в то время в ст. 172.2 УК РФ отношения собственности являются дополнительным объектом, а основным выступают общественные отношения, возникающие в сфере экономической деятельности, связанной с привлечением денежных средств или иного имущества;

2) Объективная сторона ст. 159 УК РФ состоит в хищении денежных средств путем обмана и (или) злоупотребления доверием, то есть имеется особый способ совершения преступления, каковой отсутствует в ст. 172.2 УК РФ;

3) Наличие корыстной цели является обязательным признаком для ст. 159 УК РФ, применительно же к ст. 172.2 УК РФ цель не имеет такого значения;

4) Предметом ст. 172.2 УК РФ выступают денежные средства и иное имущество, ст. 159 УК РФ — как имущество, так и право на имущество;

5) Момент окончания состава преступления: состав ст. 159 УК РФ (без ссылки на ст. 30 УК РФ) является материальным, т. е. зависит от наступления общественно-опасных последствий, для состава ст. 172.2 УК РФ этот признак не обязателен, т. е. состав формальный.

Несмотря на то, что удалось выявить достаточно большое количество критериев, позволяющих отграничить составы преступлений, предусмотренных ст. 159 и ст. 172.2 УК РФ, они все же не позволяют в полной мере проводить отграничение однозначно.

Подводя общий итог об отграничении состава преступления, предусмотренного статьей 172.2 УК РФ от смежных составов, можно прийти к выводу о том, что возможность такого их разграничения существует и на данный момент, однако применительно к смежным уголовным составам потребуется внесение некоторых разъяснений Пленума Верховного суда РФ, которые будут затрагивать как используемые в диспозиции статьи 172.2 УК РФ понятия, так и внесение разъяснений относительно присущих тому или иному правонарушению признаков.

Литература

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса РФ : Федеральный закон от 30.03.2016 № 78-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2016. — № 14. — Ст. 1908.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — №25. — Ст. 2954.
3. Уголовный кодекс Республики Казахстан : Закон от 3.06.2014 №226-V (ред. от 09.09.2024) // Казахстанская правда. — 2012. — №132. [Электронный ресурс]. — URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226/info> (дата обращения: 12.09.2024).
4. Коновалова А.Б. О некоторых проблемах установления уголовной ответственности за организацию деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества (ст. 172.2 УК РФ) / А.Б. Коновалова, И.Н. Мосечкин // Безопасность бизнеса. — 2016. — № 4. — С. 35-40.
5. Махдиева Ю.М. Сущность и социальная опасность финансовых пирамид // Научно-исследовательский журнал «Экономические исследования и разработки». — 2020. [Электронный ресурс]. — URL: <http://edrf.ru/article/25-04-20> (дата обращения: 10.09.2024)
6. Русакова О.И. Современные финансовые пирамиды: особенности и тенденции развития // Научный журнал «Управленческий учет». — 2022. — №12. — С. 1349-1355.
7. Сачков А.Н. Объект состава организации деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества // Гуманитарные, со-

- циально-экономические и общественные науки. — 2020. — №9. — С. 157-160.
8. Сачков А.Н. Организация деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества: признаки преступного деяния / А.Н. Сачков // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2021. — № 1. — С. 135-138.
 9. Водить за взнос: в России в полтора раза выросло число финпирамид // Ежедневная общественно-политическая газета «Известия». — 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/37m7RB> (дата обращения: 01.09.2024).
 10. Определение Судебной коллегии по уголовным делам московского городского суда от 10 августа 2023 года по делу № 10-13307/2023 // Интернет-ресурс Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции (КонсорциумКодекс). — URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/1302977186> (Дата обращения: 11.09.2024).
 11. Постановление Президиума Самарского областного суда от 29 июня 2018 года по делу № 44У-184/2018 // Интернет-ресурс Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции (КонсорциумКодекс). — URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/550795466> (Дата обращения: 11.09.2024).
 12. Приговор Автозаводского районного суда г. Тольятти от 19.04.2017 по делу № 1-4/2017 (1-590/2016) // Интернет-ресурс Архив судебных дел и решений (АктоФакт). — URL: <https://clck.ru/39qBjB> (Дата обращения: 11.09.2024).
 13. Приговор Автозаводского районного суда города Тольятти № 1-1/2018 1-1/2019 1-1104/2016 1-14/2017 от 4 декабря 2019 г. по делу № 1-1/2018 // Интернет-ресурс Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). — URL: <https://clck.ru/39qeNF> (Дата обращения: 11.09.2024).
 14. Приговор Саяногорского городского суда Республики Хакасия № 1-161/2021 от 17 июня 2021 г. по делу № 1-161/2021 // Интернет-ресурс Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). — URL: <https://clck.ru/39qbQr> (Дата обращения: 09.09.2024).
 15. Приговор Советского районного суда г. Самары № 1-202/2016 от 30 сентября 2016 г. по делу № 1-202/2016 // Интернет-ресурс Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). — URL: <https://clck.ru/39qBsm> (дата обращения: 09.09.2024).

ОБЗОР ИЗМЕНЕНИЙ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА: ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ В РОССИИ

Н. В. Кондраткова

Московская академия Следственного комитета Российской Федерации
старший преподаватель кафедры уголовного права, криминологии
и уголовного процесса

Новосибирский государственный университет экономики и управления
доцент кафедры уголовного права и национальной безопасности,
кандидат экономических наук, доцент
Kondratkova_N@mail.ru

К. В. Садовых

Сибирский юридический институт МВД России
преподаватель кафедры уголовного права и криминологии
sadovyh.kseniya@mail.ru

Аннотация: статья посвящена вопросу гуманизации и либерализации уголовной ответственности в сфере экономики. На основе анализа поправок 2024 года и следственно-судебной практики дается оценка последним законодательным изменениям и их эффективности для целей повышения деловой активности в условиях санкционной политики.

Ключевые слова: преступления в сфере экономической деятельности, уголовная ответственность, гуманизация и либерализация, эффективность законодательных изменений.

Abstract: the article is devoted to the issue of humanization and liberalization of criminal liability in the field of economics. Based on the analysis of the 2024 amendments and investigative and judicial practice, an assessment of the latest changes and their effectiveness for the purpose of increasing business activity in the context of sanctions policy is given.

Keywords: crimes in the sphere of economic activity, criminal liability, humanization and liberalization, effectiveness of legislative changes.

В России в качестве стратегических задач провозглашены модернизация экономики и устранение структурных дисбалансов посредством повышения конкурентоспособности; закрепление статуса одного из мировых лидеров; обеспечение высоких темпов экономического роста при сохранении стабильности, успешное противостояние влиянию внутренних и внешних угроз. Вместе с тем, экономическая преступность, посягающая на отношения собственности, несущая многомиллиардный ущерб, нарушающая экономические права и интересы, разрушает равные условия и свободы экономической деятельности, ухудшает инвестиционный климат, сдерживает рост конкурентоспособности. Несмотря на отмеченное в 2023 году снижение на 5,5 % числа преступлений экономической направленности, их удельный вес в общей массе преступности остался высоким — 5,4 %; ущерб составил 311,1 млрд. руб. (против общего ущерба в 587,6 млрд. руб.) [1].

Высокая доля преступлений в сфере экономической деятельности формируется преимущественно за счет изготовления и сбыта поддельных денег / ценных бумаг, легализации преступных доходов, криминальных банкротств, незаконного предпринимательства и пр., что инспирирует проблему законодательного урегулирования общественных отношений, связанных с незащищенностью национальной финансовой системы; несбалансированностью бюджетной системы; сохранением значительного удельного веса теневой экономики, коррупции, криминализации хозяйственно-финансовых отношений. Однако в научной среде можно встретить не только разработки по минимизации факторов, способствующих совершению экономических преступлений, совершенствованию уголовной политики государства, но и предложения иного плана. Так, по мнению А.А. Петрова «благодаря тому, что государство встало на рыночные рельсы, мы можем говорить о необходимости развития института предпринимательства. Таким образом, существующее ранее чересчур агрессивное уголовное законодательство перестало отвечать современным запросам. Нынешняя система нуждается в либерализации... подобные действия законодателя могут позволить говорить о попытках создания более комфортной экономической среды, в условиях которой возможен более активный рост предпринимателей» [4].

Дискуссии об оптимальной мере репрессивного воздействия на бизнес не утихают и на высшем уровне, что повлекло в текущем году внесение в УК РФ ряда изменений [5]:

1. примечанием к ст. 170.2, определяющей крупный размер, ущерб, доход, задолженность для большинства экономических преступлений, последний установлен в сумме, превышающей 3,5 млн. руб., а особо крупный — 13,5 млн. руб.;

2. в ст. 171 слова «сопряжено с извлечением дохода в крупном размере» исключены;

3. в ст. 178 значение крупного дохода увеличено с 50 млн. руб. до 80 млн. руб., крупного ущерба — с 250 млн. руб. до 395 млн. руб.;

4. для целей ст. 199, 199.1 увеличен крупный и особо крупный размер суммы налогов, сборов, страховых взносов и т. д.

Стоит отметить, что на момент внесения законопроекта в Государственную Думу пороговые значения ущерба, дохода, задолженности применительно к главе о преступлениях в сфере экономической деятельности были значительно выше. В обоснование были приведены данные о росте инфляции в России с 3 % в 2019 году до 8,4 % в 2021 году (а также ожидаемых в 2022 году 18-23%, хотя по факту она составила 11,94%), а также отсутствие на протяжении долгих лет индексации указанных значений [3]. К примеру, последняя индексация сумм по ст. 199, 199.1, 199.2 и 199.4 по мнению авторов была в 2011 году, что привело к снижению степени общественной опасности преступлений при неизменных наказаниях и не соответствию принципам соразмерности и справедливости.

Также авторы отметили, что субъектами этих преступлений выступают в основном предприниматели, для которых последние годы стали серьезным испытанием — помимо нерешенных системных проблем, они столкнулись с последствиями ограничительных мероприятий в период распространения новой коронавирусной инфекции, а также с введением внешних экономических санкций. В официальном отзыве было указано, что законопроект направлен на гуманизацию и либерализацию уголовного законодательства, вместе с тем более чем двукратное увеличение размеров ущерба для налоговых составов преступлений приведет к выведению значительного числа налоговых правонарушений из-под действия уголовного закона. Кроме того, инициаторами не учтено, что криминообразующие суммы в ст. 199, 199.1 УК РФ были увеличены в 2016 году, а ст. 199.4 была введена в УК РФ только в 2017 году, однако осужденных по ней не было ввиду установления примечанием высоких пороговых значений сумм страховых взносов. Очевидно, что содержание рассматриваемого законопроекта и качество обоснования предлагаемых изменений требовали более глубокой проработки, но более подробно хотелось остановиться еще на нескольких интересных моментах. В частности, не совсем понятен смысл приведения в соответствие с инфляционными процессами пороговых значений в ст. 178 УК РФ, так как указанная мера не стимулирует развитие предпринимательства, а напротив снижает эффективность борьбы с недобросовестной конкуренцией, ухудшая позиции добросовестных предпринимателей. Особенно с учетом того, что в 2023 году по данной статье осуждено 13 человек, в 2022 году 8 и в 2021 году 4 [2].

Не совсем понятен и рост пороговых значений с позиции реализации ряда принципов уголовного права по экономическим составам напрямую не связанным с деятельностью предпринимателей, оказавшихся в трудной ситуации в силу санкционного давления или иных объективных причин. Например, группе обнальщиков было предъявлено обвинение в участии в преступном сообществе, незаконной банковской деятельности, легализации и незаконных валютных операциях. Их услуги были востребованы среди крупных производственных предприятий, заинтересованных в снижении издержек посредством занижения таможенных пошлин при покупке товара за рубежом. В рамках незаконной деятельности составлялись договоры купли-продажи с заниженной стоимостью товара, с которых платились таможенные пошлины, полный расчет с поставщиками осуществлялся через фиктивные организации и подконтрольных физических лиц. За вывод денежных средств за рубеж удерживалось 5 — 12 % от общей суммы перевода. За обналичивание взималась комиссия 5 — 10%. Всего таким образом из России было выведено около 10 млрд. руб. Суд не усмотрел в действиях обвиняемых ст. 210 УК РФ, приговорил каждого из подсудимых к условному сроку от 5 до 7 лет (приговор Советского районного суда г. Новосибирска от 26.06.2024 го-

да). Исходя из ч. 2 ст. 73 УК РФ при назначении условного осуждения суд учитывает характер и степень общественной опасности преступления, личность виновного. Как известно, теневой оборот денежных средств активизирует негативные социальные и политические процессы, выступает фактором криминализации экономики, обеспечивает незаконное получение конкурентных преимуществ, установление коррупционных связей, тем самым, создает угрозу экономической безопасности страны. По смыслу ч. 1 ст. 6 УК РФ наказание должно быть справедливым. В приведенном примере нарушение уголовно-правовых запретов вменялось не субъектам рынка, вынужденным любыми средствами сохранять бизнес в тяжелой экономической ситуации, а лицам, преимущественно не имеющим постоянного трудоустройства и осуществлявшим деятельность не основанную на законе на регулярной основе из корыстных побуждений. Поскольку в ч. 2 ст. 172 УК РФ и ч. 4 ст. 174.1 УК РФ предусмотрено наказание до семи лет лишения свободы, в ч. 3 ст. 193.1 УК РФ — до десяти лет, приговор суда с учетом обстоятельств содеянного представляется весьма мягким.

В завершение также хотелось бы затронуть вопрос, связанный с исключением из ст. 171 УК РФ ответственности за незаконную предпринимательскую деятельность при отсутствии ущерба. Если обратиться к статистическим данным, то в 2018 году было выявлено 377 преступлений (+14,6%), в 2019 году — 298 (-21,0%), в 2020 году — 317 (+6,4%), 2021 году — 332 (4,7%), в 2022 году 272 (-18,1%) и в 2023 году 260 (-4,4 %), то есть наблюдается тенденция к сокращению [1]. Анализ судебной практики показывает, что преимущественно по делам данной категории вменялось извлечение дохода в крупном / особо крупном размере. С экономической точки зрения доход представляет собой выручку от реализации продукции без учета произведенных расходов. Например, продажа лицом без регистрации в качестве индивидуального предпринимателя корейской косметики и другой парфюмерной продукции (приговор Ленинского районного суда г. Махачкалы от 23.11.2023 по делу № 1-913/2023), эксплуатация организацией опасного производственного объекта в виде газонаполнительной станции (приговор Кировского районного суда от 22.11.2023 по делу № 1-704/2023) или оказание охранных услуг без лицензии (приговор Первомайского районного суда г. Ижевска от 15.11.2023 по делу № 1-603/2023). В данных примерах имело место извлечение дохода, что обусловлено механизмом совершения преступного деяния, связанного зачастую с реализацией товаров, работ, услуг надлежащего качества, но без регистрации либо получения специального разрешения. Права граждан, организаций или государства подобной деятельностью не нарушаются, то есть вменение ущерба невозможно. В связи с чем, рассматриваемая статья с большой долей вероятности в ближайшее время перейдет в разряд недействующих. Иллюстрацией к сказанному служит следующий пример из практики. В 2021 году возбужде-

но уголовное дело в отношении О., Г., А. по признакам преступления, предусмотренного п. «а, б» ч. 2 ст. 171, п. «а» ч. 3 ст. 174.1 УК РФ. По версии следствия указанные лица в составе организованной группы осуществляя на территории ряда регионов предпринимательскую деятельность по предоставлению процентных займов под залог недвижимости извлекли доход свыше 50 млн. руб. Однако ввиду того, что из ст. 171 УК РФ исключен признак «извлечение дохода», инкриминируемый обвиняемым, а иных альтернативных действий не вменялось уголовное дело было прекращено со ссылкой на то, что «до вступления приговора в законную силу преступность и наказуемость деяния были устранены новым уголовным законом». Поскольку незаконное предпринимательство выступало в качестве предикатного легализации преступления, с его декриминализацией преследование по ст. 174.1 УК РФ также прекращено.

Резюмируя изложенное, отметим, что, следуя по пути декриминализации экономических преступлений в целях поддержки бизнеса было бы целесообразно подходить к вопросу более продуманно, исходить не из краткосрочных последствий, а делать прогнозы в долгосрочной перспективе. Представляется, что принятые меры в большей степени окажут благоприятное воздействие не на добросовестных предпринимателей, попавших в тяжелую ситуацию и пытающихся спасти свой бизнес, а на лиц изначально, действовавших в тени в целях максимизации прибыли и уклонения от налогообложения. Отсутствие риска быть привлеченным к ответственности может существенно ухудшить положение потребителей, спровоцировать рост теневого сектора и резкое сокращение поступлений в бюджет.

Литература

1. Данные статистики // Сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/reports/item/47055751/> (дата обращения: 01.05.2024).
2. Данные Судебной статистики // Сайт Судебного департамента при ВС РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6121> (дата обращения: 01.05.2024).
3. Законопроект № 327269-8 // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/327269-8> (дата обращения: 01.05.2024).
4. Петров А.А. Уголовное законодательство как средство противодействия экономическим преступлениям // Молодой ученый. 2022. № 21 (416).
5. ФЗ от 06.04.2024 № 79-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_473935/ (дата обращения: 01.05.2024).

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРИМЕНЕНИЯ НАСИЛИЯ В ОТНОШЕНИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ВЛАСТИ

П. В. Коржова

Новосибирский государственный университет экономики и управления
магистрант

И. В. Матвеев

Новосибирский государственный университет экономики и управления
старший преподаватель кафедры уголовного права и национальной
безопасности
udicis@mail.ru

Аннотация: в статье рассмотрены некоторые вопросы квалификации применения насилия в отношении представителя власти. Выделены основные проблемы, которые возникают в практике квалификации судов различной инстанции, приведены некоторые точки зрения на данные вопросы. Авторами выделены три основные проблемы: квалификация насилия с применением животных, вопросы совокупности оскорбления представителя власти и насилия и квалификация нападения на двух и более представителей власти.

Ключевые слова: представитель власти, преступления против порядка управления, насилие, опасное для жизни, единый умысел, совокупность преступлений.

Abstract: the article discusses some issues of qualification of the use of violence against an authority representative. The main problems that arise in the practice of qualification of courts of various instances are highlighted, and some points of view on these issues are given. The authors have identified three main problems: the qualification of violence with the use of animals, the issues of the combination of offence an authority representative and violence, and the qualification of an attack on two or more an authority representative.

Key words: authority representative, crimes against the order, violence that endangers life, common intent, cumulative offences

Для реализации обязанности государства признать, соблюдать и защищать права и свободы человека необходимо какое-то связующее звено, в качестве которого выступает представитель власти, наделенный для этого соответствующими полномочиями. Осуществление полномочий по обеспечению правопорядка, только в условиях которого возможно соблюдение и защита права человека и гражданина, связано с определенными рисками жизнью и здоровьем, т.к. не все готовы беспрекословно выполнять законные требования, в результате чего возникает ситуация, когда сам представитель власти, его близкие, его имущество нуждается в повышенной защите со стороны государства, в т.ч. в уголовно-правовой защите, в целях эффективного и качественного выполнения возложенных на них полномочий. Рассматривая приговоры по уголовным делам о насилии, совершенного в отношении представителя власти, необходимо отметить, что в практике квалификации ст. 318 УК РФ возникают дискуссионные вопросы, которым необходимо дать разъяснения в руководящих актах Верховного Суда РФ.

А.М. Плешаковым было рассмотрено применение так называемого зоологического насилия в отношении представителя власти, под которым понимается применение насилия с использованием силы животного, чаще всего домашней собаки [1, с. 101].

Факт использования собаки или иного животного, представляющего угрозу жизни или здоровью человека, в контексте уголовного законодательства, упоминается в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 № 29 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», из содержания которого следует, что использование животного приравнивается к применению оружия при совершении разбоя. Как правило, зоологическое насилие совершается путем натравливания животного на потерпевшего, например, хозяин дает команды «фас», «взять» и т. д.

В связи с тем, что в ст. 318 УК РФ отсутствует такой квалифицирующий признак, как «с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия», возникает вопрос, по какой части ст. 318 УК РФ нужно квалифицировать применение насилия или угроза применения насилия с использованием животного в отношении представителя власти.

Были проанализированы шесть приговоров, в которых было применено или высказана угроза применения насилия с использованием собаки. В четырех из них применение насилия с использованием собаки было признано не опасным для жизни, и соответственно, деяние квалифицировано по ч. 1 ст. 318 УК РФ. Например, в приговоре Шегарского районного суда Томской области действия подсудимого были квалифицированы по ч. 1 ст. 318 УК РФ на основании судебно-медицинского заключения, согласно которому травма, которая была причинена собакой, а именно укус, была квалифицирована, как телесные повреждения, которые не влекут вред здоровью [7].

В одном из шести приговоров действия обвиняемого были квалифицированы по ч. 2 ст. 318 УК РФ, т. е. как применение насилия опасного для жизни и здоровья, т.к. порода собаки была крупная, способная причинить вред жизни и здоровью и которая агрессивно бросилась в сторону потерпевшего [8].

Стоит отметить, что в других приговорах порода собаки аналогично была крупной, но при этом квалификация была по ч. 1 ст. 318 УК РФ. Например, приговором Благовещенского районного суда Амурской области Н. был осужден по ч. 1 ст. 318 УК РФ при том, что из содержания приговора следует, что собака была крупной, и нападение удалось избежать только благодаря действиям другого лица, который схватил собаку [9].

И в одном приговоре действия лица, натравившего собаку бойцовской породы на представителя власти, были квалифицированы как покушение на применение насилия к представителю власти, что, на наш взгляд, является некорректным, т.к. была осуществлена угроза приме-

ния насилия, что входит в объективную сторону ст. 318 УК РФ и является окончанным преступлением. В подтверждении этого приведем выдержку из постановления Ярославского областного суда: «Кузьмин выпустил из помещения собаку бойцовской породы, дал ей команду «фас», которую собака выполнила и атаковала сотрудников полиции, но не причинила физического вреда, благодаря действиям ФИО2» [5].

Кроме того, Н.К. Рудый отмечал, что состав преступления, предусмотренный ст. 318 УК РФ, не имеет стадии покушения [2, с. 35], что необходимо иметь в виду для правильной квалификации.

Далее рассмотрим особенности квалификации при одновременном оскорблении представителя власти и применении насилия в отношении него же.

Согласно п. 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01 июня 2023 № 14 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 317, 318, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации», публичное оскорбление представителя власти, совершенное во время или после применения в отношении данного лица насилия или угрозы применения насилия, квалифицируется по совокупности преступлений, предусмотренных частью 1 или 2 статьи 318 УК РФ и статьей 319 УК РФ. На практике чаще всего соблюдается данный пункт, например, в приговоре Железнодорожного районного суда г. Барнаула от 26 октября 2023 г. по делу № 1-392/2023 [10], Безенчукского районного суда Самарской области от 19 октября 2023 г. по делу № 1-99/2023 [11], Исетского районного суда Тюменской области от 11 октября 2023 г. по делу №1-43/2022 [12].

Но также было найдено кассационное постановление, в котором обжаловались приговор Урайского городского суда Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 20 июля 2023 года и апелляционное постановление суда Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 04 октября 2023 года, в которых был сделан вывод о том, что содеянное подсудимым Ф. образует единое преступление, которое необходимо квалифицировать только по ч. 1 ст. 318 УК РФ, аргументируя это тем, что оскорбление представителя власти и применение насилия к нему были совершены в одно и то же время, в одном и том же месте, в отношении одного и того же потерпевшего, и как следствие, ст. 319 УК РФ является излишне вмененной.

С этим обоснованно не согласился суд кассационной инстанции, как следствие, приговор и апелляционное постановление в отношении Ф. были отменены [4].

Также стоит отметить, что отсутствует совокупность преступлений по одной ст. 318 УК РФ в том случае, если насилие применено в отношении двух и более лиц, но при этом с небольшим промежутком времени и с единым умыслом. Например, органами предварительного следствия действия подсудимого ФИО2 были квалифицированы по совокупности ч. 1

ст. 318 и по ч. 1 ст. 318 УК РФ, т.к. насилие было применено в отношении двух потерпевших, но в судебном заседании судом действия были переквалифицированы только на ч. 1 ст. 318 УК РФ, аргументируя это тем, действия были осуществлены с незначительным разрывом во времени (не более 5 минут), фактически охватывались единым умыслом [13].

Далее следует сказать о том, что при квалификации деяния по ст. 318 УК РФ важно помнить об обязательном наличии мотива и цели, а именно, что насилие должно быть применено только в связи с исполнением представителем власти своих должностных обязанностей, а также о том, что применение насилия в отношении представителя власти является незаконным только в том случае, если действия самого представителя власти носили законный характер. На практике встречаются оправдательные приговоры либо переквалификация деяния, т.к. отсутствуют доказательства того, что насилие было применено в связи с исполнением должностных обязанностей, или действия представителя власти носили незаконный характер.

В качестве примера можно привести приговор Ленинского районного суда г. Ярославля 16 августа 2021 г. по делу № 1-34/2021. О. органами предварительного следствия обвинялся в применении насилия не опасного для жизни и здоровья, совершенное при следующих обстоятельствах. По мнению органов следствия О., находясь в фойе здания ОМВД, с целью избежать привлечения к административной ответственности, предпринял попытку самовольно покинуть здание полиции. Пройдя мимо поста охраны, где в это время дежурила потерпевшая, указанный сотрудник потребовала прекратить попытку покинуть здание и остановиться, на что О. продолжил движение. Затем сотрудник полиции догнала подсудимого и схватила его за сумку, перекинутую через его плечо. Далее О., не подчиняясь требованию потерпевшей, нанес сотруднику удар рукой в область правого предплечья. Подсудимый в зале судебного заседания пояснил, что ударов не наносил, а лишь вырвался из рук потерпевшей.

В результате рассмотрения дела суд пришел к выводу, что у О. отсутствовал мотив на применение насилия в отношении представителя власти. Кроме того, действия потерпевшей носили неправомерный характер, что также исключает обвинение лица в совершении преступления, предусмотренного ст. 318 УК РФ. В качестве аргументов были приведены следующие: причин для удержания О. никто не сообщал, каких-либо процессуальных действий с ним не проводили, никто из уполномоченных лиц по дальнейшему разбирательству административного материала в отношении него не подходил, однако последний неоднократно интересовался у присутствующих сотрудников полиции сколько ему еще ожидать, законно ли его удерживают. На основании этого был вынесен оправдательный приговор ввиду отсутствия в деянии состава преступления [14].

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции относительно того, что в деле отсутствуют достаточные данные, позволяющие сделать однозначный вывод о наличии прямого умысла у осужденного на применение насилия [6]. В связи с вышесказанным правомерен вопрос А.А. Хайдарова о том, «будет ли иметь значение уровень и продолжительность причинения физической боли представителю власти или будет достаточно самого факта [3, с. 42].

Таким образом, можно сделать вывод, что, во-первых, насилие может быть применено с использованием собаки (крупных пород). Оскорбление представителя власти и применение насилия квалифицируется по совокупности преступления, даже если преступления совершены в отношении одного человека и в одно время, отсутствует совокупность преступлений по одной ст. 318 УК РФ в том случае, если насилие применено в отношении двух и более лиц, но при этом с небольшим промежутком времени и с единым умыслом. в-третьих, отсутствует совокупность преступлений по одной ст. 318 УК РФ в том случае, если насилие применено в отношении двух и более лиц, но при этом с небольшим промежутком времени и с единым умыслом, в-четвертых, при квалификации деяния по ст. 318 УК РФ важно помнить об обязательном наличии мотива и цели, а также о том, что применение насилия в отношении представителя власти является незаконным только в том случае, если действия самого представителя власти носили законный характер.

Литература

1. Плешаков А.М. Уголовная ответственность за применение зоологического насилия к представителю власти // Вестник МГОУ. Серия: Юриспруденция. 2022. № 2. С. 100-106. [Электронный ресурс] Библиотека Киберленинка [сайт]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnaya-otvetstvennost-za-primeneniye-zoologicheskogo-nasiliya-k-predstavitelju-vlasti> (дата обращения: 04.09.2024).
2. Рудый Н. К. Признаки состава преступления, связанного с применением насилия в отношении представителя власти // Адвокатская практика. 2007. № 6. С. 33-36.
3. Хайдаров А. А. Применение насилия в отношении представителя власти. Практика освобождения от ответственности // Уголовный процесс. 2023. № 8 (224). С. 36-43.
4. Кассационное постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 07.03.2024 по делу № 77-575/2024 // [Электронный ресурс] Справочно-правовая система Консультант плюс [сайт]. — URL: <https://gog.su/8bxK> (дата обращения: 21.04.2024).
5. Апелляционное постановление Ярославского областного суда от 27.12.2022 г. по делу № 1-61/2022 // [Электронный ресурс] Судебные

- и нормативные акты РФ [сайт]. — URL: <https://gog.su/kCug> (дата обращения: 05.04.2024).
6. Апелляционное постановление от 12.10.2021 г. по делу №22-1926/21 [Электронный ресурс] Ярославский областной суд [сайт]. — URL: <https://gog.su/8ks7> (дата обращения: 19.04.2024).
 7. Приговор Шегарского районного суда Томской области от 4.12.2019 г. по делу № 1-73/2019 [Электронный ресурс] Судебные и нормативные акты РФ [сайт]. — URL: <https://gog.su/iyW2> (дата обращения: 05.04.2024).
 8. Приговор Петуховского районного суда Курганской области от 3.11.2020 г. по делу № 1-169/2020 [Электронный ресурс] Судебные и нормативные акты РФ [сайт]. — URL: <https://gog.su/CEkd> (дата обращения: 05.04.2024).
 9. Приговор Благовещенского районного суда Амурской области от 6.11.2019 г. по делу № 1-149/2019 [Электронный ресурс] Судебные и нормативные акты РФ [сайт]. — URL: <https://gog.su/CfA9> (дата обращения: 05.04.2024).
 10. Приговор Железнодорожного районного суда г. Барнаула от 26.10.2023 г. по делу № 1-392/2023 [Электронный ресурс] Судебные и нормативные акты РФ [сайт]. — URL: <https://gog.su/uFee> (дата обращения: 17.04.2024).
 11. Приговор Безенчукского районного суда Самарской области от 19.10.2023 г. по делу № 1-99/2023 [Электронный ресурс] Судебный департамент при Верховном Суде РФ [сайт]. — URL: <https://gog.su/cOp0> (дата обращения: 17.04.2024).
 12. Приговор Исетского районного суда Тюменской области от 11.10.2023 г. по делу №1-43/2023 [Электронный ресурс] URL: [Электронный ресурс] Судебные и нормативные акты РФ [сайт]. — URL (дата обращения: 17.04.2024).
 13. Приговор Первомайского районного суда г. Пензы от 23.10.2023 г. по делу № 1-346/2023 [Электронный ресурс] Судебный департамент при Верховном Суде РФ [сайт]. — URL: <https://gog.su/XYfe> (дата обращения: 17.04.2024).
 14. Приговор Ленинского районного суда г. Ярославля 16.08.2021 г. по делу № 1-34/2021 [Электронный ресурс] Ленинский районный суд г. Ярославля [сайт]. — URL: <https://gog.su/08YC> (дата обращения: 19.04.2024).

ОСОБЕННОСТИ ОСМОТРА МЕСТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Н. К. Коровин

Новосибирский государственный технический университет
старший преподаватель кафедры «Правоведение»
Сибирский университет потребительской кооперации
старший преподаватель кафедры уголовного права, процесса
и криминалистики
knk3746@mail.ru

Аннотация: в статье рассмотрены виды и способы производства осмотра места происшествия. Указано на необходимость включения в состав группы специалиста и возможность применения новых научно-технических средств. Даны рекомендации по применению фотосъемки, видеозаписи и 3D фиксации с использованием современных компьютерных технологий при производстве осмотра места происшествия.

Ключевые слова: осмотр места происшествия, виды, способы, специалист, технические средства, фиксация, доказательства, следы.

Abstract: the article discusses the types and methods of conducting an inspection of the scene of an accident. It is indicated that it is necessary to include a specialist in the group and the possibility of using new scientific and technical means. Recommendations are given on the use of photography, video recording and 3D fixation using modern computer technologies during the inspection of the scene.

Key words: inspection of the scene, types, methods, specialist, technical means, fixation, evidence, traces.

Расследование любого преступления включает в себя перечень следственных действий, которые проводятся органом расследования при строгом соблюдении процессуального законодательства, и служат основополагающим элементом доказывания виновности либо невиновности субъекта преступного деяния. Одним из таких следственных действий является осмотр места происшествия, которое является первоначальным следственным действием, а в ряде случаев осмотр является незаменимым следственным действием. Осмотр места происшествия во многих следственных ситуациях помогает отыскать, вообразить картину преступного события и, соответственно, получить основную информацию по расследуемому уголовному делу.

Любое преступное деяние влечет определенные изменения окружающей материальной обстановки. На месте происшествия появляются следы, оставленные преступником или предметами преступной деятельности, объекты, имеющие важное информационное значение по уголовному делу и иные доказательства, относящиеся к данному преступному деянию.

В статье 164 УПК РФ говорится, что при производстве следственных действий могут применяться технические средства [4, ст. 164], при этом доказательства, полученные с применением технических средств,

должны отвечать условиям относимости, допустимости, достоверности, достаточности, практичности и проверяемости.

В связи с появлением новых технологий, а в последующем и новых способов совершения преступлений, требуется от правоохранительных органов разрабатывать новые тактические приемы осмотра места происшествия, рекомендательно их применять с привлечением специалиста, имеющего познания в способе совершенного преступления, при этом обладающего опытом работы в применении современных технических средств.

Каждое преступное деяние уникально и неодинаково, соответственно, факультативные признаки объективной стороны, такие как время, место или условия совершения преступления, разнообразны и зависят от вида совершенного преступления, личности преступника, его преступного умысла, обстановки деяния и так далее.

Материальную среду, территорию или помещение, в пределах которой совершается преступление или которая подверглась определенным изменениям вследствие совершения преступного деяния, в уголовном праве принято называть местом происшествия.

Р.С. Белкин определяет осмотр как «следственное действие, проводимое для непосредственного обнаружения и исследования объектов, имеющих значение для дела, их признаков, свойств, состояния и взаиморасположения» [1].

Н.И. Якимовым представлено такое понятие: «осмотр места происшествия — неотложное следственное действие, направленное на установление, фиксацию и исследование обстановки места происшествия, следов преступления и преступника и иных фактических данных, позволяющих в совокупности с другими доказательствами сделать вывод о механизме происшествия и других обстоятельствах расследуемого события» [7, с. 75].

И.В. Чаднова указывает: «осмотр и изъятие сетевых носителей данных требует глубоких познаний в технологиях организации хранилищ данных, в отношении же облачных носителей изъятие материальных носителей практически невозможно либо по причине сложной организации, либо территориальной распределенности (физическое хранилище может находиться на территории другого государства)» [5, с. 94].

В соответствии со ст. 176 УПК РФ осмотр места происшествия производится в целях обнаружения следов преступления, выяснения других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела и может быть произведен до возбуждения уголовного дела [4, ст. 176].

В процессе расследования преступлений следователь осуществляет различные виды осмотра. К ним можно отнести осмотр места происшествия, осмотр трупа, предметов и документов, осмотр потерпевшего, подозреваемого или обвиняемого (медицинское освидетельствование), осмотр почтово-телеграфной корреспонденции и других объектов, со-

ставляющих основу вещественных доказательств в расследовании преступления.

Любой вид осмотра имеет свои процессуальные и тактические особенности, учитывая которые, следователь обеспечит качественное и своевременное расследование дела.

Классификация по объему осмотра места происшествия, предполагает основной и дополнительный виды исследования территории.

Актуальными выступают вопросы правильности производства осмотра места происшествия, выбора его тактики, способов осмотра, которые будут использоваться для обнаружения, изъятия и закрепления доказательств, полученных в ходе осмотра.

На стадии общего обзора осмотр проводится в неизменном состоянии обстановки места, то есть предметы не должны быть переставлены или браться в руки. Поэтому данную стадию также называют методом статического осмотра. Следователь исследует и фиксирует общую обстановку осматриваемой территории, а также анализирует взаимное расположение предметов местности, устанавливает наличие следов преступления. При этом следы, которые могут быть подвержены изменению или уничтожению, необходимо как можно скорее зафиксировать.

На стадии детального осмотра, следы преступления и предметы осматриваются более подробно и тщательно. Теперь объекты можно перемещать и брать в руки для того, чтобы рассмотреть их детально и не упустить возможные следы преступника. Данная стадия также именуется динамическим методом осмотра — детального и активного исследования территории.

Статический и динамический методы осмотра места происшествия между собой чередуются и создают наиболее оптимальную форму исследования окружающей обстановки.

По направлению движения выделяют такие способы осмотра места происшествия, как концентрический, эксцентрический и узловый.

Классификация по степени охвата подразумевает фронтальный (сплошной) и выборочный способы осмотра места происшествия.

Фронтальный осмотр места происшествия осуществляется путем передвижения группы специалистов по линии осмотра параллельно друг другу, разновидностью фронтального осмотра является линейный осмотр. При линейном способе исследование территории происходит при линейном движении от одной границы к другой.

Разделение территории на секторы или квадраты. Такой метод называют узловым или шахматный.

Выборочный способ осмотра места происшествия осуществляется путем исследования отдельных участков, которые могут иметь следы преступления и вещественные доказательства. Осмотр места происшествия требует высокого профессионализма и является основой умственной деятельности следователя. Поскольку задачей следователя является

не только выявление следов преступления и вещественных доказательств, но и обнаружения причинно-следственных связей между этими следами и действиями преступника, его мотивом.

При работе с материалами видеозаписи, полученными системами видеонаблюдения или записанными гражданами, в целях проведения проверки полученной доказательственной информации необходимо создать копии и представить их для просмотра или судебной экспертизы на носителе, полностью исключающем возможность изменения или редактирования информации [3].

Грамотно подобранный следователем способ исследования места, способствует своевременному и надлежащему осмотру места происшествия и раскрытия преступления, так как поведение преступника неизбежно находит отражение в предметах окружающей среды. В каждом действии преступника могут проявляться направления на способ совершения или сокрытия преступления, навыки, способности, интеллект и физические особенности строения организма [2, ст. 119].

Таким образом, своевременное и тщательное исследование места происшествия и правильно подобранные способы осмотра позволяют выявить и зафиксировать все необходимые обстоятельства совершения преступления, следы и вещественные доказательства. В зависимости от следственной ситуации следователю предстоит выбрать из существующих видов осмотра места происшествия, а это: первоначальный и повторный; основной и дополнительный — такой вид осмотра, который создаст обстановку, которая будет обеспечивать полный и качественный осмотр места происшествия с оптимальной возможностью обнаружения, фиксации и изъятием доказательственной информации о событии преступления.

При осмотре места происшествия для достижения поставленной цели, прибыв на место происшествия, следует выбрать способ осмотра: концентрический, эксцентрический, узловой, фронтальный, выборочный и осмотр по следам преступника. Все названные способы не являются взаимоисключающими и выбираются следователем исходя из конкретных обстоятельств дела. При этом рекомендуется при производстве осмотра места происшествия привлекать специалиста в определенной отрасли знаний с применением технических средств унифицированного чемодана, средств фото- и видеосъемки и др. Для фиксации осмотра места происшествия в зависимости от следственной ситуации, целесообразно применять 3D фиксацию с использованием современных компьютерных технологий, обеспечив интерактивный осмотр места происшествия, что значительно повысит эффективность осмотра места происшествия.

Литература

1. Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Российская Е.Р. Криминалистика: учебник // Под ред. Р. С. Белкина. — М.: НОРМА — 2023. — 928 с.
2. Российский С.Б. Следственные действия: монография. М. 2018. С.119.
3. Смешкова Л.В., Коровин Н.К. Особенности расследования преступлений о нарушении авторских и смежных прав // Закон и право. 2022. № 8. С. 213—216. https://doi.org/10.24412/20733313_2022_8_213 EDN: <https://elibrary.ru/LFKEXH> (дата обращения: 25.06.2024).
4. Уголовно-Процессуальный Кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. №174-ФЗ // Российская газета. №249. 22 декабря 2001.
5. Чаднова И.В., Соколовская Н.С., Кирсанов А.Ю. К вопросу об использовании «Электронных носителей данных» в уголовном судопроизводстве // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 23. С. 94.
6. Якимов Н.И. Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике. — М. 2020. С. 75.

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДМЕТА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫЕ С МОШЕННИЧЕСКИМИ ДЕЙСТВИЯМИ С ПРИМЕНЕНИЕМ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Н. И. Лямкина

Новосибирский государственный университет экономики и управления
старший преподаватель кафедры уголовного права и национальной
безопасности

natasha.lyamckina@yandex.ru

В. А. Соколов

Новосибирский государственный университет экономики и управления
магистрант

v.ssokolov@mail.ru

Аннотация: в настоящем исследовании рассматриваются особенности предмета преступлений против собственности, с применением информационных технологий в сфере мошенничества. Проанализирована законодательная база, устанавливающая уголовную ответственность за преступления против собственности, совершенные с использованием информационных технологий.

Ключевые слова: уголовное право, мошенничество, информационные технологии, предмет преступления, уголовная ответственность, компьютерные технологии.

Abstract: this study examines the specifics of the subject of crimes against property, using information technology in the field of fraud. The article analyzes the legislative framework that establishes criminal liability for crimes against property committed using information technology.

Keywords: criminal law, fraud, information technology, the subject of the crime, criminal liability, computer technology.

Информационные технологии (ИТ) активно развиваются в современном мире, с каждым днем их важность увеличивается, обеспечиваются широкие возможности для коммуникации, управления данными, а также упрощения различных производственных процессов. Активный рост интереса в сфере ИТ пропорционально увеличивает рост преступлений в данной сфере. Преступникам становится проще контактировать с людьми, обманывая их дистанционно, они могут выдумать любую историю, связанную с каждой определенной личностью, в которую захочется поверить, а после сделать все то, что они хотят.

Предметом преступления выступают традиционные материальные объекты, а также и информационные ресурсы, цифровые данные, программное обеспечение, в целом доступ к управлению электронными вычислительными машинами, компьютерами, телефонами и т. д.

Преступления в сфере информационных технологий (киберпреступления) можно определить, как противоправные действия, направленные на нарушение безопасности, конфиденциальности, целостности и доступности информационных ресурсов и систем.

Преступления в сфере информационных технологий, включают широкий спектр незаконных действий, направленных на нарушение безопасности, конфиденциальности, целостности и доступности информационных ресурсов и систем.

Естественно, основным нормативно-правовым актом является Уголовный Кодекс Российской Федерации (УК РФ). В данном кодексе законодатель изложил преступления, направленные на привлечение к ответственности мошенников, а также лиц, совершающих преступления в информационном пространстве [1]. Однако даже предусмотренные нормы не упрощают раскрытие таких преступление, а доказывание вины в совершении преступления очень сложно, а иногда почти нереально.

Немаловажным нормативно-правовым актом является Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», проанализировав который стало понятно, что подразумевается под информационными технологиями, а следует понимать следующее: это различного рода и вида процессы, а также способы, методы и инструменты передачи, поучения или сбора, обработки хранения и распространения информации [2].

Можем сделать вывод, что телефон, компьютер, в целом любая система, которая позволяет осуществлять обработку и передачу информации, относится к информационным технологиям.

В данном исследовании особое внимание будет уделено интернет-технологиям и мобильным устройствам, которые являются ключевыми компонентами дистанционной коммуникации. Технологии, такие как те-

левидение и радио, также относятся к категории информационных технологий, но они будут рассматриваться менее подробно.

Термин "информационные технологии" в этом контексте будет использоваться как синоним термина "интернет", поскольку интернет является основой для большинства современных ИТ-систем. Электронные платежные системы, кредитные карты и другие подобные финансовые технологии полагаются на интернет для своей работы, что делает их потенциальными мишенями для киберпреступников. Эти системы включают в себя механизмы обработки транзакций, хранения данных и обеспечения безопасности, которые могут быть уязвимы для различных видов атак, таких как фишинг, мошенничество и взлом.

Анализируя преступления против собственности, совершаемые в сфере информационных технологий, можно выделить несколько ключевых аспектов. В составе статьи 158 УК РФ присутствует квалифицирующий признак, касающийся особенностей предмета преступления, а именно электронных денежных средств. Далее, статья 159.3 УК РФ «Мошенничество с использованием электронных средств платежа» включает обязательный признак — использование электронного средства платежа для совершения преступления. В свою очередь, статья 159.6 УК РФ «Мошенничество в сфере компьютерной информации» акцентирует внимание на способе совершения преступления, который предполагает различные операции с компьютерной информацией.

Из приведенных составов преступлений видно, что прямое указание на использование информационных технологий отсутствует. В законодательных текстах используются термины, такие как «электронные» и «компьютерные», но не дают им определения, поэтому они лишь косвенно указывают на связь с информационными технологиями. Такая неопределенность терминологии создает сложности в точном определении круга преступлений, которые можно отнести к сфере ИТ, а также в правильном определении предмета преступления.

Отсутствует терминологическая определенность понятий, Отсутствие четких терминов и понятий в уголовном законодательстве затрудняет классификацию и квалификацию преступлений, связанных с информационными технологиями. Для эффективного применения норм права и обеспечения правовой определенности необходимо разработать и внедрить терминологию, обеспечить актуальность законодательства, а также добиться их согласованности, это поможет определить, какие преступления относятся к сфере ИТ, а также правильно определять предмет преступления.

Мошенничество с использованием информационных технологий является одной из самых сложных для толкования и применения правовых норм в российском уголовном законодательстве. В частности, статья 159.3 УК РФ вызывает значительные трудности в правоприменении из-за отсутствия четкого описания признаков преступления. В диспозиции ча-

сти 1 статьи 159.3 УК РФ указано только на деяние, но отсутствует подробное описание его признаков, что создает проблемы при правоприменении.

Первоначальная редакция 2012 года включала указание на способ совершения преступления — обман уполномоченного работника кредитной, торговой или иной организации. Однако в последующих редакциях этот указание было исключено, что привело к дестабилизации судебной практики. Введение квалифицирующего признака в пункте «г» части 3 статьи 158 УК РФ дополнительно усложнило ситуацию, практически исключив применение статьи 159.3 УК РФ в судебной практике [5].

Исключение из диспозиции способа совершения преступления вызвало значительные затруднения в правоприменении. Судебная практика оказалась дестабилизированной, а введение квалифицирующего признака в статье 158 УК РФ фактически привело к неприменению статьи 159.3 УК РФ. Это создало правовую неопределенность и затруднило борьбу с мошенничеством в сфере электронных платежей.

Возникшая проблема в толковании признаков состава преступления, предусмотренного статьей 159.3 УК РФ, требует законодательного решения. Текущая регламентация обязательных признаков не позволяет эффективно применять уголовно-правовые нормы. Для устранения правовой неопределенности и обеспечения эффективного правоприменения необходимо пересмотреть и уточнить законодательные формулировки.

Проблемы, связанные с толкованием и применением статьи 159.3 УК РФ, подчеркивают необходимость пересмотра и уточнения законодательных норм. Устранение правовой неопределенности позволит обеспечить более эффективное применение уголовного законодательства в борьбе с мошенничеством, совершаемым с использованием информационных технологий. Законодательное решение данной проблемы позволит улучшить правоприменительную практику и повысить уровень защиты прав граждан и организаций от киберпреступлений.

Разграничение составов преступлений, предусмотренных статьями 158 и 159.3 УК РФ, должно основываться на особенностях способов совершения хищения. Для мошенничества характерны такие способы, как обман и злоупотребление доверием. Преступник сообщает заведомо ложные сведения, умалчивает о них или использует доверительные отношения для совершения противоправных действий. В случаях, когда отсутствуют элементы обмана или злоупотребления доверием, действия виновного следует квалифицировать по пункту «г» части 3 статьи 158 УК РФ, что предполагает хищение без использования доверительных отношений или обмана.

Простые диспозиции, используемые в статье 159.3 УК РФ, создают сложности для правоприменительной практики. Отсутствие подробного описания состава преступления затрудняет определение его границ и точное применение нормы. Это приводит к неопределенности в толкова-

нии закона и, как следствие, к снижению эффективности правоприменения.

Для обеспечения эффективного предупреждения преступлений в ИТ-сфере и неотвратимости уголовной ответственности требуется обоснованная законодательная регламентация. Введение более детализированных диспозиций в уголовное законодательство позволит четко определить сферу действия правовых норм и устранить правовые пробелы.

Правильное разграничение составов преступлений, связанных с мошенничеством в ИТ-сфере, и уточнение законодательных формулировок являются необходимыми шагами для повышения эффективности правоприменительной практики. Обоснованная регламентация и устранение правовых неопределенностей позволят не только эффективно предупреждать преступления, но и обеспечивать справедливое и неотвратимое наказание виновных.

В современном мире информационные технологии играют центральную роль во многих аспектах жизни общества, включая экономику, коммуникации и управление. Однако вместе с прогрессом возникают новые угрозы, связанные с использованием этих технологий для совершения преступлений, таких как мошенничество, хищение с использованием электронных средств платежа и нарушения в сфере компьютерной информации.

Существующее уголовное законодательство, включая Уголовный кодекс РФ, предусматривает различные статьи, направленные на борьбу с такими преступлениями. Однако нередко возникают сложности в правоприменительной практике из-за нечеткости формулировок и отсутствия точного определения критериев преступного поведения в цифровой среде.

Для эффективной борьбы с преступлениями в сфере информационных технологий необходимо совершенствование законодательства, уточнение и детализация составов преступлений, учет специфики современных технологий и методов их использования для преступных целей. Важно также развитие международного сотрудничества и создание механизмов для оперативного реагирования на новые угрозы в цифровом пространстве.

Таким образом, дальнейшее развитие законодательства и укрепление правоприменительных практик в области информационных технологий являются необходимыми условиями для обеспечения безопасности и защиты интересов граждан и компаний в условиях быстро меняющегося цифрового мира.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 12.06.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.07.2024) // [Электронный ресурс] URL:

- http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/, (дата обращения 03.05.2023);
2. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон Российской Федерации от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 12.12.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2006. — № 31, — ст. 3448;
 3. Андрюшенков В. А., Андрюшенкова О. М. Использование информационных технологий как способ совершения преступлений // Закон и право. — 2024. — №. 5. — С. 208-213;
 4. Барокко Л. А. К вопросу об особенностях мошенничества, совершенного с использованием информационно-телекоммуникационных технологий по уголовному законодательству Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. — 2024. — №. 1. — С. 15-19;
 5. Ермакова О. В., Сорокун Н. С. Преступления против собственности, совершаемые в сфере it-технологий: уголовно-правовое и криминологическое предупреждение // ЮП. — 2023. — №2 (105). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prestupleniya-protiv-sobstvennosti-sovershaemye-v-sfere-it-tehnologiy-ugolovno-pravovoe-i-kriminologicheskoe-preduprezhdenie> (дата обращения: 07.07.2024);
 6. Плаксина А. И. Особенности мошенничества с использованием электронных средств платежа в контексте конкуренции норм особенной части УК РФ // Теоретические и практические вопросы педагогики и психологии. — 2023. — С. 26-28.

ВОЗМОЖНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ СУДЕБНОГО ШТРАФА К ДОЛЖНОСТНЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ

И. В. Матвеев

Новосибирский государственный университет экономики и управления
старший преподаватель кафедры уголовного права и национальной
безопасности
udicis@mail.ru

Аннотация: в статье рассматривается вопрос применения освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа к должностным преступлениям. Данный вопрос в правоприменительной деятельности решается, помимо условий, предусмотренных ст. 104.4. УК РФ, с учетом характера и степени общественно опасного деяния. Приводятся аргументы в пользу применения судебного штрафа к должностным и служебным преступлениям.

Ключевые слова: объект преступления, судебный штраф, должностные преступления, освобождение от уголовной ответственности, возмещение вреда, превышение должностных полномочий.

Abstract: the article considers the issue of applying such grounds of exemption from criminal liability as a judicial fine to official crimes. This issue in law enforcement activity is solved, in addition to the conditions provided for in Article 104.4. of the Criminal Code

of the Russian Federation, taking into account the nature and degree of a socially dangerous act. Arguments are given in favor of applying a court fine to official and official crimes.

Keywords: object of crime, judicial fine, official crimes, exemption from criminal liability, compensation for harm, abuse of official authority.

Одной из тенденций развития уголовного законодательства является гуманизация. Задача разработки механизма гуманизации уголовного закона стоит как перед органами предварительного расследования, так и правосудия. Институтам гражданского общества тоже необходимо содействовать данной тенденции, Совет по развитию гражданского общества и правам человека неоднократно подчеркивает важность гуманизации уголовного законодательства в отношении некоторых категорий лиц [8].

Одним из институтов, способствующий гуманизации уголовной ответственности, является освобождение от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа. Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» введено данное основание освобождения от уголовной ответственности в качестве меры уголовно-правового характера.

С введением данного основания освобождения от уголовной ответственности в практической деятельности возникли многочисленные вопросы применения норм ст. ст. 76.2, 104.4, 104.5 УК РФ. Прежде всего, это пределы минимальной суммы судебного штрафа, соотношение его со штрафом как видом уголовного наказания, возможности применения судебного штрафа при назначении наказания по совокупности преступлений, в соучастии и проч. Как пишет Н.И. Лямкина, оценивая эффективность применения судебного штрафа, «...судебный штраф как одна из эффективных мер уголовно-правового воздействия, позволяющая государству реализовать принцип неотвратимости ответственности за совершенное преступление, дает возможность обвиняемому (подсудимому) переосмыслить свой образ жизни и исправиться без применения уголовного наказания за совершенное им деяние, а потерпевшему (гражданскому истцу) быстро и эффективно получить возмещение материального и морального ущерба» [6, с. 168]. Поэтому можно сказать, что в современной правоприменительной практике судебный штраф как иная мера уголовно-правового характера имеет устойчивые позиции.

Стоит также отметить, что за последние годы растет удельный вес лиц, которым был назначен был судебный штраф: в 2021 году из числа всех прекращенных уголовных дел в суде это 22,4% лиц, в 2020 — 18,4, в 2019 — 17,5. [7, с. 314].

Для единообразного подхода к назначению судебного штрафа Верховный суд утвердил Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76.2 УК

РФ) [1]. Многие вопросы реализации судебного штрафа были разъяснены: это и способы возмещения и заглаживания вреда, в том числе и нематериального («вред, причиненный преступлением, может быть возмещен в любой форме, позволяющей компенсировать негативные изменения, причиненные преступлением охраняемым уголовным законом общественным отношениям»), и при неоконченном преступлении, в том числе и при совокупности преступлений, возможности назначения судебного штрафа и при отсутствии источника дохода и проч. Верховный суд РФ еще раз подчеркнул, что судебный штраф — это не то же самое, что уголовное наказание в виде штрафа, поэтому правила ст. 46 УК РФ не должны применяться к судебному штрафу. Однако дискуссия о минимальном размере судебного штрафа в науке уголовного права до сих пор не прекращается, поскольку этот вопрос ни законодательно, ни правоприменительными актами не урегулирован. Доминирующая точка зрения на вопрос исходит из минимального размера штрафа как вида наказания (от 5 000 рублей) [9, с. 90]. Однако здесь необходимо иметь в виду, что Пленум ВС РФ от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» в п. 7.1 разъясняет, что положения о наказании в виде штрафа (ст. 46 УК РФ) к судебному штрафу, его назначению и исполнению не применимы. Поэтому вывод о соотношении минимальных размеров судебного штрафа и уголовного наказания в виде штрафа не совсем соответствует позиции судебных органов. По словам А.А. Толкаченко «при таких обстоятельствах на практике, согласно данным статистики, средний размер судебного штрафа определяется судами примерно в 15 тыс. рублей, а минимальная его сумма (для взрослых лиц, за одно преступление и по совокупности преступлений) — в пределах 3–5 тыс. рублей (чаще — от 5 тыс. руб., но не 100–200 руб.), что одобряется в научной литературе» [7, с. 338]. Поэтому автор предлагает в качестве порогового значения судебного штрафа признать и установить сумму в размере свыше 2 500 рублей [10, с. 149]. Думается, что этот вопрос должен быть урегулирован законодательно, поскольку действительно назначать судебный штраф в качестве основания освобождения от уголовной ответственности в размере 100–200 нецелесообразно.

Одним из условий назначения судебного штрафа, помимо совершения преступления впервые небольшой или средней тяжести, является возмещение виновным имущественного ущерба или заглаживание причиненного вреда. Данное условие является наиболее спорным в правоприменительной среде, поскольку носит часто оценочный характер. Последнее время оценка возможности заглаживания вреда в судебной практике формируется в зависимости от характера и степени общественной опасности деяния конкретного преступления. Для правильной оценки имеет значение и объект, который пострадал в процессе преступного посягательства. В этом отношении необыкновенно разную позицию зани-

мают суды кассационной инстанции и Верховный суд, что видно при отмене последних решений в Верховном суде РФ.

Необходимо пояснить, в чем заключается различие данных позиций. Обратимся к оценке возможности применения судебного штрафа в случае совершения лицом должностных преступлений. Например, ректор (одновременно председатель приемной комиссии) одного из вузов Б. зачислил абитуриентов, не прошедших вступительные испытания, в целях улучшения статистики и получения субсидий (ущерб: 4 013 658 р.). Действия Б. органами предварительного следствия были квалифицированы по ч. 1 ст. 286 УК РФ и ч. 1 ст. 292 УК РФ. Постановлением городского суда уголовное дело было прекращено на основании ст. 251 УПК РФ в связи с назначением судебного штрафа. Суд первой инстанции, а также суд апелляционной и кассационной инстанции посчитали, что оснований для назначения судебного штрафа достаточно в данной конкретной ситуации. В кассационном представлении заместитель Генерального прокурора Российской Федерации содержится просьба об отмене судебных решений и о передаче уголовного дела на новое судебное рассмотрение. По мнению заместителя Генерального прокурора судом оставлено без внимания, что объектами совершенных Б. преступлений являются осуществляемая в соответствии с законом деятельность государственного учреждения, а также его работа, связанная с оборотом официальных документов; меры, предпринятые Б., в целях заглаживания вреда, свелись только к возмещению ущерба, причиненного бюджету Российской Федерации, перечислению 5 тысяч рублей на благотворительность, а также принесению письменных извинений руководству и коллективу Университета, содержание которых, как считает автор кассационного представления, не свидетельствует о признании Б. своей вины и раскаянии в содеянном. В кассационном представлении отмечается, что одним из последствий является сформировавшееся негативное общественное мнение о деятельности Университета, фактическое вовлечение Б. в неправомерную деятельность подчиненных ему лиц, кроме того, Министерство образования и науки РФ продолжает нести расходы на обучение на бюджетной основе незаконно зачисленных абитуриентов [2]. Однако Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации не нашла оснований для удовлетворения кассационного представления заместителя Генерального прокурора Российской Федерации. По мнению Верховного суда РФ, в данном случае все основания освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, указанные в Уголовном кодексе РФ, имеются. Доводы кассационного представления об объектах совершенных Б. преступлений правового значения не имеют, поскольку уголовным и уголовно-процессуальным законами не исключается возможность применения меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа к лицам, совершившим преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 286, ч. 1 ст. 292 УК РФ.

В другой ситуации лицу, обвиняемому в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 286 УК РФ, тоже был назначен судебный штраф в размере 20 000 рублей. Кассационным определением судебной коллегии ВС по уголовным делам от 28.06.2023 № 51-УД23-5-К8 постановление 8-ого Кассационного суда общей юрисдикции от 12.01. 2023 отменено, оставлены в силе постановления районного суда и апелляционное постановление краевого суда. Как определил Верховный суд РФ «положения ст.762 УК РФ и ст.251 УПК РФ не содержат каких-либо специальных требований, касающихся объекта преступного посягательства и не исключают их применения в отношении обвиняемого, деяние которого направлено против интересов службы в органах местного самоуправления, при условии, что это деяние отнесено к категории небольшой или средней тяжести, а причиненный преступлением вред возмещен» [3]. Тем самым Верховный суд РФ еще раз обозначил, что для заглаживания вреда достаточно тех действий, который произвел подсудимый, а именно полностью возместил причиненный ущерб и пожертвовал денежные средства в адрес администрации.

Постановления об освобождении от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа приведенных выше судов оспаривались по причине недостаточности, по мнению стороны обвинения, заглаживания вреда, причиненного должностным преступлением. Однако, на наш взгляд, понимание насколько вред государству (государственной власти) возмещен в случае совершения должностного преступления носит оценочный характер, поэтому стоит согласиться с тем (и это позиция Верховного суда РФ), что уголовно-правовые последствия должны определяться основаниями и условиями, предусмотренными уголовным законодательством. Это неукоснительное требование важнейшего общеправового принципа законности.

Стоит отметить, что аналогично в судебной практике решается вопрос о возможности заглаживания вреда, причиненного совершением экологического преступления [4]. Сложнее обстоит дело, если заглаживание вреда осуществляется в связи с причинением вреда жизни. В Определении Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ от 15.06.2023 № 31-УДп23-6-К6 указано, что «объектом преступного посягательства, предусмотренного ч. 3 ст. 264 УК РФ, является не только безопасность дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, но и общественные отношения, гарантирующие неприкосновенность жизни человека. Прекращая уголовное дело, суд первой инстанции в своем постановлении не указал, каким образом денежные выплаты сестре погибшего и учреждению для детей-сирот, снизили общественную опасность содеянного, и загладили причиненный вред в виде наступления смерти человека» [5]. Тем самым, в данном случае можно увидеть, что вред, причиненный жизнью, должен быть возмещен определенным образом, соответствующий характеру и степени общественной опасности де-

яния. Это обоснованно, поскольку заглаживание вреда должно восстанавливать нормальное состояние объекта посягательства. И то, какими действиями виновного лица это будет осуществлено, зависит обоснованность возмещения причиненного вреда. Очевидно, что при причинении вреда жизни действий, направленных на материальную компенсацию, будет в таком случае недостаточно.

Литература

1. Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76.2 УК РФ) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.07.2019) // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 12. 2019.
2. Определение суда кассационной инстанции Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ от 17.05.2023 № 52-УДП23-2-К8 // Банк судебных документов Верховного суда РФ. URL: https://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2244580 (дата обращения 13.07.2023).
3. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ от 28.06.2023 № 51-УД23-5-К8 // Банк судебных документов Верховного суда РФ. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2261272 (дата обращения 13.07.2023).
4. Определение суда кассационной инстанции Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ от 29.06.2023 № 18-УД23-12-К4 // Банк судебных документов Верховного суда РФ. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2259418 (дата обращения 13.07.2023).
5. Определение суда кассационной инстанции Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ от 15.06.2023 № 31-УДп23-6-К6 // Банк судебных документов Верховного суда РФ. URL: https://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2253706 (дата обращения 13.07.2023).
6. Лямкина, Н. И. Вопросы назначения судебного штрафа // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2019. Т. 16, № 3. С. 164-170.
7. Меры уголовно-правового характера: монография / В. К. Андрианов, В. Ф. Лапшин, Ю. Е. Пудовочкин, А. А. Толкаченко; под ред. Ю. Е. Пудовочкина. М.: РГУП, 2022. 608 с.
8. Перечень поручений по итогам заседания Совета по развитию гражданского общества и правам человека [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/70349> (дата обращения 13.07.2023).
9. Соктоев З. Б. Проблемы применения норм о судебном штрафе // Уголовное право. 2017. № 1. С. 90–94.
10. Толкаченко А. А. К обсуждению проекта Федерального закона в связи с введением понятия уголовного проступка, или чем может помочь постановление Пленума ВС РФ от 31 октября 2017 г. № 42 практике применения судебного штрафа // Закон. 2018. № 1. С. 137–150.

ПУТИ И ПЕРЕПУТЬЯ ДОЛЖНОСТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В РОССИИ

П. С. Метельский

Новосибирский государственный университет экономики и управления
доцент кафедры уголовного права и национальной безопасности,
кандидат юридических наук
mps1961@mail.ru

Аннотация: в статье рассмотрены должностные преступления относительно тех изменений, которыми они подверглись в период существования кодифицированного уголовного законодательства. Рассматриваются особенности бытования в уголовном законе данных преступлений в различные периоды. Дана оценка последним изменениям уголовного закона относительно должностных преступлений точки зрения стабильности подходов законодателя к данной группе преступлений.

Ключевые слова: должностные преступления, преступления против государственной власти, служебные преступления, должностное лицо, служебное положение

Abstract: the article examines official offenses in relation to the changes they underwent during the existence of codified criminal legislation. The features of the existence of these crimes in the criminal law in different periods are considered. An assessment is given of the latest changes in the criminal law regarding official crimes from the point of view of the stability of the legislator's approaches to this group of crimes.

Key words: malfeasance. crimes against state, white-collar crimes, official, rank.

Простая и, вроде, понятная комбинация слов «должностные преступления», приличное время уже не поддерживаемая нашим уголовным законом, совсем не продукт советского «новояза», придя к нам из более давних времен. Профессор В.Н. Ширяев свыше века назад определял такие деяния, как «злоупотребление служебными полномочиями, заключающееся в посягательстве или на правовые блага, доступные для воздействия лишь со стороны должностных лиц, или на иные правовые блага, но учиненные с помощью такого способа, который находится в руках только должностных лиц», указывая, что это «...преступления против порядка управления и в тоже время ... в сфере внутреннего управления, т. е. в такой области, где виновные — носители власти находятся ко всему остальному обществу в отношении властвования, а общество по отношению к ним в положении подчиненности». Он точно подметил, что каждое это деяние «находит своеобразное отражение в общественном правосознании <...> болезненно сказывается на чувстве законности народных масс, подрывая уважение к представителям власти и не только к тем, которые совершили преступление, но и к тем, которые допустили его совершение или не проявили достаточной энергии в преследовании виновного, должностное преступление, умаляя доверие к ним и к их деятельности, способно поколебать уважение к самому закону, веру в его силу и ненарушимость» [1, с.178-179, 7, 2-3].

Указанный термин стал заявлять о себе в работах российских юристов еще в XIX веке [2], а если, «зреть в корень» — и вовсе восходит к континентальному праву, по большей части, германского толка, кото-

рым, охватываемые им деяния понимались, как «доступные только должностным лицам, в силу лежащих на них особых обязанностей [1, с.161-162]. О том, что являют собой должностные преступные деяния (нем. *Amtsvergehen*) все в том же XIX веке, узнал уголовный закон Германии [1, с. 350]. Но, как бы там ни было, в законы Российской империи слова «должностные преступления» так и не были вписаны, хотя и снискали затем эту честь при советской власти, — дав имя одной из глав Особенной части Уголовных кодексов РСФСР 1922, 1926 и 1960 гг., и «оттрубив» в этом качестве без малого 75 лет.

В науке советского уголовного права, с учетом специфики данной материи, подобно учениям о преступлении и наказании, сложилось еще и учение о должностных преступлениях. М.Д. Лысов, в свое время, подчеркивал значимость четкой фиксации круга лиц, относимых к числу должностных, для построения системы УК и выявления пробелов в уголовном законе, верной квалификации и назначения наказания [3, с.17], тогда как сама категория «должностное лицо» считается «краеугольным камнем учения о должностных преступлениях» [4, с.79], которое, в принципе, и сейчас никуда не девалось. Попав в уголовный закон еще в досоветский период, и даже, сперва не в России, она полностью «вызрела» и оформилась именно при Советах, а дальше «жила-поживала» во всех трех обозначенных выше УК, не сама по себе, как сейчас, а строго «на пару» с таким «увлекательным» видом «побочных» занятий «несознательных» должностных лиц, как названные по их имени преступления. Оставшись в УК РФ 1996 г. в одиночестве, должностное лицо, напоминает, скорее, «сапожника без сапог» в знакомой всем поговорке, при том, что «развод» этой «парочки» по закону, случился на фоне разгула преступности должностных лиц и новоявленных «управленцев». С введением в действие нынешнего УК, казалось, уже устоявшаяся формула «должностные преступления» не то, чтобы полностью канула в лету, оставшись еще и поныне в ходу среди практиков и части ученых. Но факт остается фактом: на место главы 7 Особенной части УК РСФСР 1960 г. под таким заголовком в УК РФ 1996 г. заступила глава 30 с предлинным названием из 13 слов, не замыкаемом более на специальном субъекте, которое вряд ли сподобишься выговорить без запинок.

Сейчас остается гадать, чем прошлое имя главы «не пришлось ко двору» пореформенному законодателю. Стремился ли он, таким образом, свести новый кодекс к единому знаменателю, «раздавши» разделам и главам Особенной части названия, которые, начинаясь словами «Преступления против...», на радость студентам еще намекали на их родовые и видовые объекты? (что, впрочем, выдерживалось не всегда). Или же больше влияла сама атмосфера 1990-х, когда страна оказалась в плену во многом несбыточных ожиданий, что рикошетом задело и уголовное право? Ведь многое из того, что нашло себя в прошлом кодексе, отбрасывалось, как не уместное в новых реалиях, уже наступивших, а тем более,

ожидаемых, и тут «под раздачу», среди всего прочего, вполне могла угодить данная злополучная формула, исправно служившая именем для главы Особенной части, которая, даже имея более давние корни, считалась, конечно, одной из визитных карточек советского уголовного права. К тому же процессы, идущие в экономике, сужали и сам «ареал обитания» должностных лиц, а стало быть, круг преступлений, «тянувших» на должностные, в привычном их понимании.

Под занавес «земной жизни» УК 1960 г. глава о должностных преступлениях оказалась не в силах удерживать в установленных ею рамках руководителей вчерашних государственных предприятий, преобразованных в акционерные общества. Задуманное под другую эпоху примечание к ст. 170 этого кодекса, определявшее должностное лицо такого расклада не предусматривало. Какое-то время наука и практика «притягивали» те предприятия, в которых все акции или большая часть оставались за государством к числу государственных [5], но где-то к 1994 г. дела о взятках или злоупотреблениях руководителей АООТ, пусть даже со 100% участием государства, как это и вытекало из буквы закона, попросту начали «рассыпаться» за неимением состава преступления. «На старте» УК РФ 1996 г. исходил из концепции «о недопустимости отождествления публичной (государственной и муниципальной) службы и службы в коммерческих организациях и общественных объединениях», которая «дала жизнь» в нем двум «самостийным» главам — 23 и 30 — в разных разделах [6, с.58], и первая из них «озадачилась» совсем не защитой публичного, государственного, а частного интереса [7]. Причем предприятия, находившиеся в государственной или муниципальной собственности, как имеющие цель извлечения прибыли, оказались в одном строю с «частными лавочками», тогда как факты принятия незаконного материального вознаграждения, злоупотреблений по службе их руководства — оценивались по ч. 3,4 ст.204, ст.201 УК РФ, с куда более мягкими на тот момент санкциями, чем в 30-й главе, что обернулось множеством негативных последствий.

В дальнейшем п.1 примечаний к ст.285 УК РФ был пересмотрен, таким образом, что на сегодняшний день должностными лицами признаются субъекты, осуществляющие соответствующие функции как в полностью государственных или муниципальных предприятиях, так и на предприятиях, подконтрольных РФ, ее субъектам или муниципальным образованиям [8]. В 2006 г. А.В. Шнитенков построил гипотезу докторской диссертации на том, «что интересы службы одинаковы вне зависимости от того, в каких организациях (государственных или негосударственных) служба осуществляется. Отсюда такие интересы подлежат равной уголовно-правовой охране и, следовательно, в УК России ответственность управленцев отмеченных организаций должна быть единой» [9, с.8]. Еще перед этим в науке возник компромиссный термин — «слу-

жебные» преступления, рассчитанный, в первую очередь, на деяния глав 23 и 30 УК РФ [7].

Тот факт, что, сама по себе, категория «должностные преступления» оказалась востребована отечественным уголовным законом лишь в 1920-е гг., конечно, не значит, что в более ранних законах России, отсутствовали, как таковые статьи об ответственности за деяния чиновников. В заставшем начало XX века Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (в редакциях 1866 и 1885 гг., где, кстати, уже фигурировало должностное лицо, в разделе V «О преступлениях и проступках по службе государственной и общественной», «водились», в частности, нормы о превышении власти, противозаконном бездействии власти, подлогах по службе и получении взятки [10, с.244-311]. Финальное Уголовное уложение Российской империи 1903 г, так и не начавшее в полную силу работать на всей ее территории, вмещало почти все такие деяния в главу 37 «О преступлениях по службе государственной и общественной» [11, с.207-226], где, в том числе, «получили прописку» превышение и бездействие власти, получение взятки, прообразы нынешних злоупотребления должностными полномочиями и служебного подлога. Вот, правда, тогда должностному лицу отводилась достаточно скромная роль — оно «почиталось» всего-то одним из возможных обличей служащего; а вот о том, кто может быть отнесен к должностному лицу, как и в предшествующем Уложении, не говорилось ни слова.

Дальнейшие «изначальные» акты советской власти «криминального цикла» и их наследники — УК РСФСР 1922 и 1926 гг., по сути своей, представляют «коктейль» на базе идей социологической школы [12], куда более склонной к напыщенным фразам, чем к «скучной» фиксации «мелких подробностей, «разбавленных, в меру, уместными к случаю выжимками из «старорежимных» научных взглядов [6, с. 27], а также отдельными ключевыми словами, фразами и идеями, заимствованными из прежнего, низвергнутого революцией, уголовного закона, во многом сохранившимися и в дальнейшем. Декрет Совнаркома от 08.05.1918 г. «О взяточничестве» не просто так «вспоминает» про более узкую, нежели служащий, категорию «должностное лицо», причем, не в пример Уголовному уложению, приводит еще и его очертания [13], что, далее, получает развитие в советских УК, где, обретает место свое и глава о деяниях, объединяемых этим субъектом. Вот только в названиях глав Особенной части под номером II в кодексе 1922 г. и III — 1926 г. — словам «Должностные преступления» сопутствует, в скобках, слово — «служебные», и только в третьем УК, 1960 г., глава 7-я Особенной части называлась уже безо всяких обиняков — «Должностные преступления». В сравнении с главой 37 Уголовного уложения, насчитывавшей 51 статью, главы советских УК, которые отводились под преступления должностных лиц, в разы «похудели». Так, изначально в главе с таким «профилем» в УК 1922 г. было 14 статей, в УК 1926 г. — 13, а в УК 1960 г. — вообще всего 5 (за-

тем их количество несколько увеличивалось, к примеру, все в том же 1922 г. первый советский УК был дополнен ст.114а, вобравшей в себя дачу взятки, посредничество во взяточничестве, содействие или непринятие мер противодействия взяточничеству [14, с.13]; второй — в 1929 г. — ст. 111а — о содействии должностных лиц созданию и деятельности лжекооперативов, а третий — пополнился в 1962 г. ст.1741 о посредничестве во взяточничестве, и спустя 30 лет — ст. 1751 о нарушении антимонопольного законодательства.

При всем, при этом, в двух первых УК «по образу и «подобию» Уголовного уложения сюда «затесались» еще и составы для более узкого круга должностных лиц, — производящих следствие или дознание, судей, под их специфические деяния, которые позже послужили основой для появившейся в УК РСФСР 1960 г. главы 8 Особенной части о преступлениях против правосудия. Одна из норм посвящалась провокации взятки, но, «вывернутой», как бы, наоборот, подразумевая «создание должностным лицом обстановки и условий предложения взятки в целях последующего изобличения дающего взятку». И вновь «по примеру» главы 37 Уголовного уложения глава «Должностные (служебные) преступления» в первом УК вместила в себя также норму о разглашении должностным лицом не подлежащих оглашению сведений, дополненную в следующем, кроме того, их сообщением, передачей и собиранием с целью передачи. В разряд должностных преступлений в самом первом УК вошло «присвоение должностным лицом денег или иных ценностей, находящихся в его ведении в силу его служебного положения, представшее в следующем УК как «присвоение или растрата должностным лицом или лицом, исполняющим какие-либо обязанности по поручению государственного или общественного учреждения, денег, ценностей или иного имущества, находящегося в его ведении в силу его служебного положения или исполнения обязанностей». Как видим, специальный субъект здесь с легкостью «перевесил» объект посягательства. В УК же 1960 г. состав, как положено, «переехал» в главу о преступлениях против социалистической собственности в то время, как ст. 574 Уголовного уложения похожего содержания опиралась на главу 32 «О необъявлении о находке, присвоении чужого имущества и злоупотреблении доверием». Состав дачи взятки изначально появился в главе II Особенной части УК 1922 г. в одной «сцепке» с ее получением, посредничеством в получении взятки и укрывательством взяточничества, «деля» с ними общую для всех ст. 114. Однако ст.149 Уголовного уложения, описывавшая «покушение» склонить посредством взятки служащего к учинению неисполнением его обязанностей или злоупотреблением служебными полномочиями к преступлению или тяжкому преступлению», и вовсе, входила в главу 6 «О неповиновении власти». И если глава 37 Уголовного уложения начиналась статьей о превышении власти, глава II Особенной части УК 1922 г., «по-

двинув» этот состав на вторую позицию, «открывалась» злоупотреблением властью.

Со временем признаки и названия должностных преступлений менялись. Так, то же злоупотребление властью в УК РСФСР 1926 и 1960 гг. именовалось уже злоупотреблением властью или служебным положением. При этом в УК 1922 и 1926 гг. такое деяние допускало исключительно действия, и в каждом имела еще и статья о бездействии власти. В статье же 170 УК РСФСР 1960 г., за счет по иному изложенной диспозиции, деяние больше не ограничивалось активным его проявлением, открыв этим самым возможность «подводить» под нее и бездействие, что, как тогда понималось, «закрыло» и сам вопрос о составе бездействия власти. Но, годы спустя, все это не стало препятствием для нового обращения к указанной теме, ходя и в изрядно «купированном» виде, когда Федеральный закон от 22.07.2010 г. №155-ФЗ дополнил УК РФ ст. 286: «Неисполнение сотрудником органа внутренних дел приказа». Однако и прежде высказывалась точка зрения, что применение ст. 285 УК РФ в случаях неисполнения служебных обязанностей расходится с принципом законности [15, с. 57]. Состав превышения власти в УК 1960 г. уточнил свое имя на «Превышение власти или служебных полномочий». В УК РФ 1996 г. названия и «формуляры» «злоупотребления и превышения» обновились, но, как и прежде, «страдают» оценочными категориями, «дешифровка» которых возможна лишь только при постоянной оглядке на руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда РФ и судебную практику.

Халатное отношение к службе, представавшее в УК РСФСР 1922 г., как «невнимательное и небрежное отношение к возложенным по службе обязанностям, повлекшее за собой волокиту, медленность в производстве дел, беспорядочность в делопроизводстве и отчетности и иные упущения по службе», являло собой в следующем кодексе разновидность бездействия власти, а вот «формуляр» халатности в УК РСФСР 1960 г., не сильно далек от ее современного прочтения. В ст. 290 УК РФ 1996 г., в отличие от предшествовавших норм о получении взятки, закреплена, в том числе, и возможность такого события за содействие должностного лица в силу его должностного положения действиям или бездействию, «интересующим» взяткодателя, общее покровительство или попустительство по службе, впервые «озвучены» виды взятки.

При этом с принятием УК РФ 1996 г. в его 30-й главе, пускай и под новой «вывеской», и с «отрихтованном» в «ногу со временем», прочтением самой ключевой категории — «должностное лицо», все так же предстала, ничуть не утратившая актуальности подборка составов, в которых данный специальный субъект вершит вредоносные действия или бездействие, «отталкиваясь» от занимаемой должности и вытекающих из нее полномочий. А поначалу такая глава, и вовсе, вместила в себя все составы, из первой редакции главы «Должностные преступления» УК

РСФСР 1960 г. Отдельные расхождения в описании и названиях совсем не помеха увидеть «фамильное» сходство между тем, что было и стало. Вот разве ст.292 УК РФ имеет в виду не одних должностных лиц, как ст. 175 прошлого кодекса о должностном подлоге, но и государственных или муниципальных служащих, которые «не дотягивают» до их статуса. В главу вошла и ст. 288 — исключительно «про» таких служащих, тогда как в прошлом УК, ст. 194 с аналогичным названием, без всяких проблем обитала в главе «Преступления против порядка управления», и распространялась тогда на всех граждан. Ст. 287, 289 УК РФ написаны только для должностных лиц, и первая, по идее, не так далека от ст.118 РСФСР 1922 г. «Непредставление должностными лицами в срок по требованию центральных или местных властей необходимых сведений, справок, отчетов и т. п., представление коих для них обязательно по закону». А далее глава «прирастала» все новыми и новыми, по большей части, специальными нормами в статьях под «двойной нумерацией» (2851, 2852, 2853, 2854, 2855, 2856, 2861, 2911, 2912, 2921). Почти все из них рассчитаны на должностных лиц, лишь кое-где, «разбавляемых» просто служащими, да пару раз «проскользнули» еще и деяния, хотя и с иным субъектом, но, невозможные без должностного лица. При этом ст.2921 УК РФ о незаконной выдаче паспорта гражданина России, а также внесении заведомо ложных сведений в документы, повлекшем незаконное приобретение гражданства РФ, совсем как исходная «материнская» норма о служебном подлоге, помимо все тех же должностных лиц, имеет в виду еще, в первом случае, государственных служащих, а во втором, — как государственных, так и муниципальных служащих, не являющихся должностным лицом.

Местами полностью или отчасти «оживали» составы, когда-то уже покидавшие уголовный закон. И здесь уж никак нельзя не отметить не новый для нашего уголовного права состав посредничества во взяточничестве, «почтивший» своим присутствием УК РФ 1996 г. через 15 лет после его принятия (Федеральный закон от 04.05.2011 г. № 97-ФЗ). До этого же он успел побывать во всех УК РСФСР, включая последний, в который, правда, попал «не с нуля», но все-равно поскорее. При жизни «сталинского» УК 1926 г., Б.С. Утевский характеризовал его как «такие действия посредника между взяточником и взяточдателем, когда посредник договаривается, с одной стороны, с взяточдателем о том, что тот дает взятку, а с другой — со взяточником о том, что тот примет взятку» [18, с. 116], а в «бытность УК 1960 г., дополненного к тому времени ст.1741, в литературе подчеркивалось, что посредничество «имеет свою специфику — способствует не только даче взятки, но и получению, и вместе с тем представляет собой действие, отличающееся от соучастия [17, с. 306] «...характером совершаемых действий и содержанием умысла [18, с. 371]. Однако в 1996 г. законодатель посчитал уголовно-правовой запрет избыточным, уверовав в то, что посредничество — не более чем по-

собничество в получении или даче взятки. Такой поворот откровенно не поняли ни наука [6, с. 248], ни практика. Посредники вполне в состоянии активно вести поиск лиц, которым, возможно, потребуются их «услуги» (а некоторым — их даже навязывают); участвовать в разработке и реализации продуманных до мелочей сценариев получения и дачи взяток, по сути своей, обратив эту деятельность в стабильный, доходный промысел со своими расценками, «надбавками» за сложность и срочность. За счет фигуры посредника, и получателя взяток, и взяткодателя, обходятся без «лишних» контактов друг с другом, что, понижает и риски «отлова с полочным», и затрудняет доказывание факта взятки. А если посредника «схватили за руку», пока он еще «не донес» предмет взятки по назначению, весьма высока вероятность, что для него все закончится привлечением к уголовной ответственности за «банальное» покушение на мошенничество, а должностное лицо, которому была предназначена взятка, — вовсе выйдет «сухим из воды». Нередко посредниками становятся должностные лица, использующие свои полномочия и возможности, при этом ч. 2 ст. 174.1 УК РСФСР содержала квалифицирующий признак — «с использованием служебного положения», который с позиций тогдашней судебной практики, лишь только им и был адресован [18, с. 371]. Такой же признак присутствует ныне и в ч. 2 ст. 291.1 УК РФ, однако, сейчас он имеет в виду еще и государственных или муниципальных служащих, и лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих или иных организациях.

Составы, которые можно считать «старожилами» 30-й главы УК РФ, присутствующие в ней изначально, основательноправились. Так, например, Федеральным законом от 04.05.2011 г. №97-ФЗ субъектом получения взятки дополнительно признано иностранное должностное лицо и должностное лицо публичной международной организации. Федеральный закон от 03.07.2016 г. № 234-ФЗ ввел ст. 291.2 УК РФ о мелком взяточничестве для обеих ее «сторон», где размер взятки «перекрывает» любые квалифицирующие признаки, в том числе вымогательство. За счет этого, взяточничество «раздвоилось» на мелкое и «немелкое», оставленное «в ведении» ст. 290 и 291 УК РФ. Федеральный закон от 14.07.2022 г. №307-ФЗ добавил особо квалифицирующие признаки в ч. 3 ст. 286 УК РФ, дополнил ее ч. 4 и 5 — о применении пытки и вызванных ею последствиях — смерти или тяжком вреде здоровью, последовавших по неосторожности, а кроме того, «оснастил» статью примечанием, что есть собой «пытка», «изъяв» его у ст. 117 УК РФ. В редакции Федерального закона от 08.04.2008 г. №43-ФЗ ст. 292 УК РФ — доселе типичный образчик формального состава, пополнилась ч. 2 с последствиями, описываемыми так же, как в частях первых ст. 285, 286 УК РФ.

Как видим, пусть даже, утратив «имя свое» в уголовном законе, означенные преступления все так же «живут» в нем и развиваются дальше, а их количество неуклонно растет, что, безусловно, доказывает тот

факт, что пути становления и развития нашего уголовного права, вне всяких сомнений, еще как тернисты и противоречивы.

Литература

1. Ширяев В.Н. Взятничество и лиходеительство в связи с общимъ учениемъ о должностныхъ преступленіяхъ: уголовно-юридическое исследование. Ярославль: Типографія. Губернскаго правленія. 1916. 570 с.
2. Фаргиев И.А., Лонерт Н.Р. Эволюция понятия должностных преступлений //Северо-Кавказский юридический вестник. 2010. №3. С.74-79.
3. Лысов М.Д. Ответственность должностных лиц по советскому уголовному праву. Казань: Изд-во Казанск. ун-та. 1972. 176 с.
4. Шнитенков А.В. Ответственность за преступления против интересов государственной службы и интересов службы в коммерческих и иных организациях. СПб.: Юридический центр «Пресс». 2006. 328 с.
5. Волженкин Б.В. К вопросу о понятии должностного лица как субъекта должностных преступлений // Советское государство и право. 1991. № 11. С.73-81.
6. Волженкин Б.В. Служебные преступления. М.: Юристъ. 2000. 368 с.
7. Шимшилова Э.С. К вопросу об объекте преступлений против интересов службы в коммерческих организациях // Образование и право. 2017. №12. С.180-184.
8. Хромов Е.В., Зябликов В.Ю. Расширение понятия «должностное лицо» в рамках гл. 30 УК // Законность. 2021. №10. С.36-40.
9. Шнитенков А.В. Ответственность за преступления против интересов службы: автореф. дисс. ...д-ра юрид. наук. Омск: академия МВД РФ. 2006. 39 с.
10. Уложение о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1885 года. Изданіе шестое, пересмотрѣнное и дополненное. Издано Н.С. Таганцевымъ. СПб.1889. 778 с.
11. Новое уголовное уложение уложение Высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. с приложениемъ Предметнаго Алфавитнаго Указателя. С. Петербургъ: Изданіе Каменноостровскаго Юридическаго Книжнаго Магазина П.В. Анисимова. 1903. 253 с.
12. Сыч К.А. Идеи социологической школы уголовного права и их востребованность в законодательной практике //Преступление, наказание, исправление: Вестник Вологодского института права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний. 2014. № 28. С. 13-18.
13. 8 мая. Декрет о взяточничестве // Декреты Советской власти. Т. II. 17 марта — 10 июля 1918 г. — М.: Политиздат, 1959 [Электронный ресурс] URL: [.http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/14746-8-maya-dekret-o-vzyatochnichestve](http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/14746-8-maya-dekret-o-vzyatochnichestve) (дата обращения — 27.06.2024).

14. Есаков Г. А. Истоки современной концепции служебных преступлений в Уголовном кодексе 1922 года // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2022. № 3. С. 3–20.
15. Стренин А. Проблемы ответственности за умышленное неисполнение должностным лицом своих служебных полномочий // Уголовное право. 2003. № 1. С. 55–57.
16. Утевский Б.С. Уголовное право: библиотека народного судьи. Книга 2 М.: Госюриздат. 1949. 214 с.
17. Курс советского уголовного права (Особенная часть). Т. 4. / Отв. ред. Н.А. Беляев. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. 557 с.
18. Комментарий к УК РСФСР /Отв. ред. Ю.Д. Северин. М.: Юридическая литература. 1984. 528 с.

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СОДЕЙСТВИЕ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ФОРМЕ ФИНАНСИРОВАНИЯ

Д. В. Михайлов

Новосибирский государственный университет экономики управления
магистрант
zaz095@mail.ru

Аннотация: в статье анализ основания уголовной ответственности за содействие террористической деятельности. Определены основные проблемы правовой регламентации за финансирование терроризма как формы содействия террористической деятельности, а также предложены пути решения данных проблем.

Ключевые слова: терроризм, террористическая деятельность, содействие террористической деятельности, уголовное законодательство, финансирование.

Abstract: the article analyzes the grounds of criminal liability for facilitating terrorist activities. The main problems of legal regulation for the financing of terrorism as a form of assistance to terrorist activities are identified, and ways to solve these problems are proposed.

Key words: terrorism, terrorist activity, assistance to terrorist activities, criminal law, financing.

Терроризм является одной из серьезных угроз для современного общества, и страны всего мира постоянно работают над борьбой с этой угрозой. В этой связи важнейшую роль в предупреждении и пресечении терроризма играет отечественное уголовное законодательство об ответственности за содействие террористической деятельности.

Россия имеет долгую историю борьбы с терроризмом и террористической деятельностью. На протяжении веков страна сталкивалась с широким спектром угроз со стороны террористических организаций, в результате чего развитие уголовного законодательства в этой области было непрерывным процессом.

Практика терроризма именуется террористической деятельностью, которая в статье 3 Федерального закона от 06 марта 2006 года № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» раскрывается как «деятельность, включающая в себя: организацию, планирование, подготовку, финансирование и реализацию террористического акта; подстрекательство к террористическому акту; организацию незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной группы для реализации террористического акта, а равно участие в такой структуре; вербовку, вооружение, обучение и использование террористов; информационное или иное пособничество в планировании, подготовке или реализации террористического акта; пропаганду идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности» [1]. Указанные в данном Федеральном законе проявления террористической деятельности криминализованы в ряде статей Уголовного кодекса Российской Федерации.

Статья 205.1 УК РФ устанавливает уголовную ответственность за содействие террористической деятельности, в частях 1 и 1.1 предусматривает склонение, вербовку или иное вовлечение лица в совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 205, 205.2-205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277-279 и 360 УК РФ, вооружение и подготовку лица в целях совершения хотя бы одного из указанных преступлений, а равно финансировании терроризма. В свою очередь, примечание 1 к статье 205.1 УК РФ, раскрывающее сущность финансирования терроризма, содержит тот же список составов преступлений, дополняя его самой статьей 205.1 УК РФ.

Довольно странным, на первый взгляд, выглядит отсутствие в этих перечнях статьи 361 УК РФ об ответственности за совершение акта международного терроризма. При этом названная статья упомянута в примечании 2 к статье 205.2 УК РФ, предусматривающей ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма и его пропаганду, а также в статье 205.3 («Прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности») и 205.4 УК РФ («Организация террористического сообщества и участие в нем»). Отсутствие же в диспозиции статьи 205.1 УК РФ и примечании к ней указания на состав акта международного терроризма объясняется тем, что соответствующие формы содействия акту международного терроризма криминализованы в части 2 статьи 361 УК РФ: первая — финансирование акта международного терроризма, вторая — склонение, вербовка или иное вовлечение лица в совершение акта международного терроризма либо вооружение или подготовка лица в целях его совершения [3, с. 115].

В научной литературе статья 205.1 и часть 2 статьи 361 УК РФ критикуются как избыточные в силу того, что криминализованные в них действия могут быть квалифицированы с позиций института соучастия (ст. 33 УК РФ), в рамках которого склонение, вербовка или иное вовлечение лица в совершение преступления представляют собой подстрекательство, а финансирование, вооружение или подготовка лица в целях совершения им преступных действий охватываются понятием пособничества [2, с. 27].

Однако статья 205.1 УК РФ гласит, что любое лицо, оказывающее финансовую, материальную или любую другую помощь террористической деятельности, будет привлечено к уголовной ответственности. Согласно закону, следующие действия могут быть классифицированы как содействие террористической деятельности:

финансирование терроризма. Оказание финансовой помощи террористам или террористическим организациям является уголовным преступлением. Сюда входит предоставление средств на покупку оружия, взрывчатых веществ или любых других материалов, которые могут быть использованы для осуществления террористической деятельности;

- оказание материальной помощи. Оказание материальной помощи террористам или террористическим организациям также является уголовным преступлением. Сюда входит предоставление оружия, взрывчатых веществ, боеприпасов или любых других материалов, которые могут быть использованы для осуществления террористической деятельности;

- оказание технической помощи. Оказание технической помощи террористам или террористическим организациям также является уголовным преступлением. Это включает предоставление опыта или технических знаний, которые могут быть использованы для осуществления террористической деятельности, такой как изготовление бомб, кибератаки или другие формы технологического терроризма;

- вербовка лиц для участия в террористической деятельности. Вербовка лиц для участия в террористической деятельности также является уголовным преступлением. Это включает в себя убеждение, соблазнение или принуждение людей вступить в террористические организации или участвовать в террористической деятельности;

- оказание информационной и пропагандистской поддержки. Предоставление информации и пропагандистской поддержки террористам или террористическим организациям также является уголовным преступлением. Сюда входит распространение информации, которая может быть использована для осуществления террористической деятельности, например, информация о местонахождении военных или сотрудников правоохранительных органов, или информация об уязвимости критически важной инфраструктуры.

В то же время необходимо отметить, что финансирование террористической деятельности — это сложная и самодостаточная форма преступного поведения. Это означает, что у него есть свои методы, сети и цели, которые могут действовать в некоторой степени независимо от фактических террористических актов.

Термин «финансирование терроризма» в широком смысле включает в себя как акт предоставления средств для террористической деятельности, так и акт сбора средств. Это означает, что любая финансовая операция — будь то предоставление денег террористической организации или сбор средств для этих целей — подпадает под понятие «финансирование терроризма». Помимо прямых финансовых переводов, финансирование терроризма также включает в себя предоставление финансовых услуг, способствующих терроризму. Речь может идти о финансовых учреждениях или отдельных лицах, предлагающих такие услуги, как банковское обслуживание, отмывание денег или инвестиции, которые помогают в перемещении или управлении средствами, предназначенными для террористической деятельности.

Финансирование конкретных террористических преступлений охватывает не только общую поддержку, но и конкретное финансирование террористической деятельности. Сюда входит финансирование оперативных аспектов терроризма, таких как планирование, вербовка и осуществление террористических атак.

Финансирование терроризма также включает в себя оказание финансовой или иной материальной поддержки лицам, которые участвуют или планируют участвовать в террористической деятельности. Такая поддержка может выражаться в различных формах, таких как прямые платежи, материально-техническая помощь или предоставление оборудования.

Стоит также отметить, что финансирование терроризма распространяется на финансирование и поддержку организованных групп или преступных сообществ, которые участвуют или планируют террористическую деятельность. Сюда входят как уже созданные группы, так и те, которые находятся в процессе формирования.

Следовательно, сфера финансирования терроризма широка и охватывает различные методы финансовой поддержки, начиная от прямого финансирования террористических актов и заканчивая косвенной поддержкой через финансовые услуги и помощь связанным с ними группам или отдельным лицам. Такой комплексный подход отражает многогранный характер финансирования терроризма и подчеркивает сложность борьбы с ним.

Для пресечения финансирования террористической деятельности необходимость осуществления всеобъемлющего комплекса превентивных мер. Это включает в себя стратегии, направленные не только на

борьбу с самим финансированием, но и на устранение коренных причин и факторов, способствующих процветанию такой деятельности.

Превентивные меры должны быть многогранными, то есть они должны быть разнообразными и затрагивать различные аспекты проблемы. Это может включать в себя финансовое регулирование, разведывательные операции, действия правоохранительных органов и международное сотрудничество. Меры должны быть направлены на ликвидацию финансовых сетей там, где это возможно, ослабление их влияния и охвата, а также минимизацию их влияния на глобальную безопасность. Это предполагает сочетание прямых действий против сетей и более широких усилий по сокращению факторов, которые делают возможным такое финансирование.

Необходимы действия, направленные не только на внешние факторы, способствующие финансированию терроризма (например, экономическая или политическая нестабильность), но и на физических и юридических лиц, непосредственно участвующих в такой деятельности.

В целом, финансирование терроризма рассматривается как сложная и самостоятельная преступная практика, для противодействия которой требуется комплексная и многоаспектная стратегия. Это предполагает борьбу как с системными факторами, позволяющими осуществлять такое финансирование, так и с конкретными субъектами, которые им занимаются.

Уголовно-правовые меры весьма эффективны в борьбе с преступностью. Эти меры выполняют множество функций. В первую очередь, уголовное законодательство заставляет преступников отвечать за свои действия, укрепляя принцип, согласно которому преступление влечет за собой наказание. Во-вторых, наказывая преступников, уголовное право помогает восстановить социальное равновесие и поддержать общественные нормы. В-третьих, уголовное законодательство направлено на то, чтобы удержать от участия в преступной деятельности как широкую общественность (общая превенция), так и конкретных лиц (частная превенция). Для эффективности привлечения к ответственности и применения превентивных мер необходима четкая криминализация финансирования терроризма. Для этого предлагается включить в УК РФ специальную норму, касающуюся данного вида преступлений.

Четкое определение финансирования терроризма как отдельного преступного деяния позволяет принимать целенаправленные правовые меры и правоприменительные действия. Включение такого положения обеспечит четкие правовые основания для судебного преследования лиц, причастных к финансированию терроризма.

Необходимо дополнить УК РФ статьей 205.7 «Финансирование террористической деятельности», устанавливающей ответственность непосредственно за финансирование террористической деятельности (ч.

1), а также, такой квалифицированный вида данного преступления, как организация финансирования террористической деятельности (ч. 2).

Включение этих изменений в УК РФ позволит преследовать и наказывать тех, кто конкретно причастен к финансированию терроризма, что повысит целенаправленность и эффективность усилий по борьбе с терроризмом. Четкая криминализация и категоризация финансирования терроризма послужит сдерживающим фактором для потенциальных финансистов, поскольку повысит риск правовых последствий.

Таким образом, необходимо совершенствование уголовно-правовых мер противодействия финансированию терроризма, направленных на введение в УК РФ самостоятельного основания уголовной ответственности. Это подчеркнет роль уголовного права в обеспечении правосудия, предупреждении преступлений и обеспечении привлечения к ответственности лиц, оказывающих финансовую поддержку терроризму. Такой подход направлен на повышение юридической точности и эффективности противодействия террористической деятельности.

Литература

1. О противодействии терроризму : федер. закон от 06 марта 2006 г. № 35-ФЗ // Собр. законодательства Росс. Федер. 2006. № 11. Ст. 1146.
2. Борисов С.В., Морозова А.А. Пособничество в совершении террористического акта как форма содействия террористической деятельности // Закон и право. 2016. № 4. С. 26-28.
3. Логунова А.О. Склонение, вербовка или иное вовлечение лица как альтернативные действия объективной стороны содействия террористической деятельности // Актуальные вопросы применения российского права. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. — Саранск: Общество с ограниченной ответственностью «ЮрЭксПрактик», 2021. С. 115-118.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АНАЛОГИИ ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

М. В. Морозов

Новосибирский государственный университет экономики и управления
доцент кафедры уголовного права и национальной безопасности,

кандидат юридических наук

m_morozov_84@mail.ru

Аннотация: в настоящей статье рассматривается вопрос применения аналогии при квалификации преступлений. Обосновывается возможность использования аналогии при ненормативных правилах квалификации, которые формулирует Верховный Суд РФ.

Ключевые слова: аналогия, использование, нормативные, ненормативные, правила квалификации.

Abstract: this article discusses the issue of using analogy in the classification of crimes. The possibility of using analogy for non-normative qualification rules formulated by the Supreme Court of the Russian Federation is substantiated.

Key words: analogy, use, normative, non-normative, qualification rules.

В уголовно-правовой науке оставлен без внимания ученых вопрос о роли аналогии при применении правил квалификации. При этом, несмотря на довольно высокую степень проработки правил квалификации в российской уголовно-правовой науке, всегда найдутся случаи, к которым эти правила при соблюдении точности квалификации не будут применимы. В таких случаях роль аналогии становится достаточно заметной.

В теории квалификации уголовно-правовых деяний в зависимости от источника формулирования правил квалификации, последние делятся на правила, закрепленные в уголовном законе (условно назовем их нормативными), и сформулированные в источниках, не имеющих силы правовой нормы (ненормативные правила) [10, с. 49].

В первую группу входят положения, сформулированные в ч. 3 ст. 17 УК РФ (правило квалификации деяния при конкуренции общей и специальной нормы), ч. 4 ст. 34 УК РФ (квалификация соучастия в преступлении со специальным субъектом), ч. 5 ст. 34 УК РФ (квалификация действий соучастников при неудавшемся исполнении и неудавшемся соучастии в преступлении) и т. д. К второй группе относятся правила квалификации, существующие в постановлениях пленумов Верховных Судов РФ, РСФСР и СССР, а также разработанные в судебной практике и уголовно-правовой теории.

Относительно нормативных правил квалификации деяний, то запрет, содержащийся в ч. 2 ст. 3 УК РФ, на них не распространяется. Эти правила не содержат какой — либо альтернативы человеческого поведения и его юридических последствий. Они реализуются не в форме применения, а через исполнение органами, осуществляющими квалификацию уголовно-правовых деяний.

Нормативные правила квалификации всегда дополняются ненормативными, которые составляют подавляющую их часть. При отсутствии какого-либо нормативного правила квалификации к определенному случаю ненормативное правило будет разработано, вероятнее всего, по аналогии с каким-либо похожим нормативным правилом, если оно имеется.

Относительно ненормативных правил квалификации отдельных преступлений, можно сказать, что применение их по аналогии при квалификации иных преступлений вполне оправданно, что, по нашему мнению, способствует унификации практики квалификации преступлений. И практика показывает то, что разъяснения, данные Пленумом Верховного Суда РФ в каком-либо постановлении, по аналогии применяются при квалификации других преступлений.

Так, в Постановлении от 9 декабря 2008 г. № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их не-

правомерным завладением без цели хищения» (в ред. от 24 мая 2016 г.) Пленум Верховного Суда РФ обозначил свою позицию по вопросам квалификации преступлений, предусмотренных ст. 264 и 264¹ УК РФ, при наличии признака «лицом, находящимся в состоянии опьянения»[4].

При этом чуть позже, в 2019 году, законодатель аналогичный признак ввел и в ч. 1², 2¹ и 4 ст. 263 УК РФ[1], поэтому у правоприменителя возникла потребность в разъяснениях по поводу вменения данного признака применительно и к этой статье УК. Между тем, в самом же упомянутом постановлении Пленума оговорено, что данные разъяснения касаются только применения ч. 2, 4 и 6 ст. 264 и 264¹ УК РФ. Но логика указывает, что нет никаких препятствий для применения этих разъяснений по аналогии к ст. 263 УК РФ. Это становится особенно очевидным, если учесть, что Верховный Суд РФ не имеет возможности оперативно реагировать на все многочисленные изменения в российском уголовном законе, внося изменения в принятые им ранее постановления.

Более того, независимо от изменчивости уголовного закона, некоторые разъяснения, сформулированные Пленумом Верховного Суда РФ, хотя и относятся к квалификации ограниченного круга преступлений, имеют настолько универсальный характер, что могут быть учтены при применении и толковании норм об ответственности за другие преступления.

Так, в 2002 г. Пленум относительно квалификации краж, грабежей и разбоев разъяснил, что «при признании этих преступлений совершенными организованной группой действия всех соучастников независимо от их роли в содеянном подлежат квалификации как соисполнительство без ссылки на статью 33 УК РФ»[2]. Следовательно, Верховный Суд РФ официально закрепил одно из правил квалификации преступлений, совершенных организованной группой, которое стало иметь базовое для правоприменителей значение при квалификации и других преступлений, что видно из судебных приговоров.

Например, действия лица, которое, используя сложившиеся в местах лишения свободы криминальные связи, подыскивало на территории Пермского края каналы приобретения наркотических средств в особо крупном размере, и договаривалось с неустановленными сбытчиками о последующем противоправном взаимодействии в сфере незаконного оборота наркотических средств, но лично не сбывало эти средства, Березниковский городской суд Пермского края 22 августа 2011 г. квалифицировал по п. «а», «г» ч. 3 ст. 228¹ УК РФ (как совершенные организованной группой, в особо крупном размере) без ссылки на ст. 33 УК РФ [5].

Действия В. — организатора сбыта наркотических средств, осуществляемого другими лицами, Индустриальный районный суд г. Хабаровска 30 ноября 2011 г. квалифицировал по п. «а» ч. 3 ст. 228¹ УК РФ (организованной группой) так же без ссылки на ст. 33 УК РФ[6].

При этом в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами»[3]. отсутствует подобное разъяснение. Следовательно, можно заключить, что правило квалификации краж, грабежей и разбоев, совершенных организованной группой, сформулированное в более раннем постановлении Пленума Верховного Суда РФ, в судебной практике применяется по аналогии при квалификации и других преступлений.

Прав А.В. Наумов в том, что без судебного прецедента не обойтись при квалификации преступлений [9,144].

Учитывая данные обстоятельства, к разъяснениям по вопросам практики квалификации отдельных преступлений Верховному Суду РФ следует подходить более взвешенно и осторожно, поскольку сформулированное им правило может быть перенесено в сферу квалификации других преступлений.

Исходя из этого, исключительную важность приобретает разработка принципов квалификации преступлений, которые выполняют, в частности, унифицирующую функцию по отношению к правилам квалификации преступлений [8]. Следует учесть и то обстоятельство, что при квалификации общественно опасных деяний правоприменители четко следуют разъяснениям Верховного Суда РФ, по сути, являющимся для них законом. В связи с этим считаем, что прав Е. В. Благов, который, анализируя правоприменительные ошибки, отмечает, что «наиболее актуальным является исследование методологии и *типовых* правил применения уголовного права» [7,11].

Изложенное позволяет сделать следующие выводы:

1. При толковании нормы уголовного права может использоваться аналогия, не относящаяся к аналогии уголовного закона и не запрещенная в ч. 2 ст. 3 УК РФ. Наиболее часто такая аналогия используется при толковании бланкетных норм уголовного права. В связи с этим считаем, что в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ следует уделять особое внимание разъяснениям практики применения бланкетных норм УК РФ.

2. Прием аналогии используется при применении правил квалификации преступлений. Такая аналогия имеет место, например, при применении правил квалификации, сформулированных в постановлениях Пленума и обзорах Президиума Верховного Суда РФ по отношению к конкретным преступлениям, применительно к другим преступлениям. Вывод по аналогии является инструментом унификации правил квалификации преступлений, имеющих однотипную конструкцию состава.

Литература

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 17 июня 2019 г. № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2019. № 25. Ст. 3166.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 2. С. 2-6.
3. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 (в ред. ПП ВС РФ от 16 мая 2017 г. № 17) // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2006. — № 8. — С. 3-12.
4. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 декабря 2008 г. № 25 (в ред. ПП ВС РФ от 24 мая 2016 г. № 22) // Российская газета. — 2008. — 26 дек.
5. Уголовное дело № 1-546/2011 // Архив Березниковского городского суда Пермского края за 2011 г.
6. Уголовное дело № 1-911/2011 // Архив Индустриального районного суда г. Хабаровска за 2011 г.
7. Благов Е. В. Применение уголовного права. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. — 505 с.
8. Колосовский В. В. Теоретические проблемы квалификации уголовно-правовых деяний. — М.: Статут, 2011. — 398 с.
9. Наумов А. В. Российское уголовное право. Курс лекций. 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Юридическая литература, 2004. — 496 с.
10. Сабитов Р. А. Теория и практика квалификации уголовно-правовых деяний: учеб. пособие. — М.: Изд-во МГУ, 2003. — 144 с.

ОСОБЕННОСТИ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ПО ОСНОВАНИЯМ, ПРЕДУСМОТРЕННЫМ СТ. 28.1 УПК РФ

М. Е. Нехороших

Новосибирский государственный университет экономики и управления
доцент кафедры уголовного права и национальной безопасности,
кандидат юридических наук
mihaneh_92@mail.ru

Аннотация: в статье рассматривается прекращение уголовного преследования в связи с возмещением ущерба, формулируются предложения по внесению изменений в УПК РФ.

Ключевые слова: прекращение уголовного дела, прекращение уголовного преследования, возмещение ущерба, преступления в сфере экономической деятельности, налоговые преступления.

Abstract: the article discusses the termination of criminal prosecution in connection with compensation for damage, formulates proposals for amending the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

Key words: termination of a criminal case, termination of criminal prosecution, compensation for damage, crimes in the field of economic activity, tax crimes.

Одним из направлений современной уголовной политики Российской Федерации является установление специального порядка привлечения к уголовной ответственности лиц, совершивших преступления в сфере экономической деятельности. Как представляется, основная цель данной политики была озвучена Президентом Д. А. Медведевым в 2008 году на встрече с представителями малого бизнеса: «Замучили проверки и всякого рода наезды по коммерческим наводкам. Вообще надо, чтобы и наши правоохранительные органы, и органы власти перестали кошмарить бизнес». Указанную политику поддерживают и отдельные авторы, например, В. Б. Шерстнев [3, с. 137].

Одной из самых важных особенностей привлечения к уголовной ответственности за совершение преступлений в сфере экономической деятельности является наличие специальных оснований освобождения от уголовной ответственности. Материально-правовые основания освобождения от уголовной ответственности за совершение преступлений в сфере экономической деятельности закреплены в ст. 76.1 УК РФ. Указанная норма предусматривает наличие, фактически, трех разных оснований освобождения от уголовной ответственности в зависимости от состава совершенного преступления и действий виновного после его совершения. В ст. 28.1 УПК РФ содержится механизм реализации оснований, предусмотренных в ст. 76.1 УК РФ. Однако, ввиду того, что в УПК РФ вносятся многочисленные изменения, в том числе и в ст. 28.1, нельзя признать, что закрепленный в настоящее время механизм освобождения от уголовной ответственности является полностью эффективным и соответствующим целям своего введения.

Прежде всего, следует обратить внимание на ч. 1 ст. 28.1 УПК РФ и ч. 1 ст. 76.1 УК РФ. Указанные нормы предусматривают императивное прекращение уголовного преследования по уголовным делам о налоговых преступлениях, если ущерб, причиненный бюджетной системе в результате совершения этих преступлений, был возмещен в полном объеме. При анализе данного основания следует обратить внимание на изменения, внесенные Федеральным законом от 15.10.2020 № 336-ФЗ. Казалось бы, законодатель просто исключил упоминание момента, до которого должен быть возмещен ущерб, — до назначения судебного заседания. Однако внесение этих изменений оказалось бессистемным, поскольку в ст. ст. 239, 254 и 389.21 УПК РФ изменения так и не были внесены. Что является, как минимум, странным, ведь в 2021 году законодатель вносил изменения в ст. ст. 239 и 254 УПК РФ.

Как же следует толковать совокупность всех указанных норм Общей и Особенной частей УПК РФ? Если анализировать действующую редакцию ч. 1 ст. 28.1 УПК РФ, то очевидным становится, что возмещение ущерба, причиненного бюджетной системе, может состояться как до назначения судебного заседания, так и после начала судебного разбирательства, и даже после вынесения приговора судом первой инстанции, но до его вступления в законную силу. Иными словами, складывается впечатление, что законодатель, как будто, дает возможность обвиняемому по уголовному делу о налоговом преступлении сопоставить, каким образом ему будет «экономически выгоднее» прекратить уголовно-правовые отношения с государством: или посредством отбытия назначенного наказания с последующим снятием или погашением судимости, или посредством возмещения причиненного ущерба и освобождения от уголовной ответственности. Причем, чтобы обвиняемому было комфортнее сделать выбор, законодатель не ограничивает его в моменте, когда нужно возместить ущерб: обвиняемый может сделать это до момента передачи уголовного дела в суд, до момента вынесения приговора и даже после вынесения приговора, когда обвиняемый четко представляет, какое наказание ему было назначено и как именно он будет его отбывать: условно или реально.

При этом, ч. 1 ст. 28.1 УПК РФ, фактически, совпадает с введенным Федеральным законом от 18.03.2023 № 78-ФЗ пунктом 7 в ч. 1 ст. 24 УПК РФ. Таким образом, в настоящее время возмещение ущерба, причиненного бюджетной системе налоговым преступлением, является как основанием отказа в возбуждении уголовного дела, так и основанием прекращения уголовного дела, и основанием прекращения уголовного преследования. Причем, внося изменения в 2023 году в статью 24 УПК РФ, законодатель вновь забыл о существовании в УПК РФ статей 239 и 254, никак не отредактировав их содержание.

Проблема несистемных изменений в УПК РФ выражается в следующем простом тезисе: в Общей части УПК РФ содержатся императивные

основания прекращения уголовного дела или уголовного преследования, однако возможность использовать эти основания не предусмотрена в специальных нормах, регулирующих судебное производство. В частности, в стадии подготовки к судебному заседанию уголовное дело или уголовное преследование может быть прекращено только по результатам предварительного слушания, причем основания прекращения уголовного дела или уголовного преследования на предварительном слушании перечислены в ст. 239 УПК РФ. Однако указанная статья не предусматривает возможность прекращения уголовного дела по п. 7 ч. 1 ст. 24 УПК РФ или возможность прекращения уголовного преследования по ч. 1 ст. 28.1 УПК РФ, то есть в связи с возмещением ущерба, причиненного бюджетной системе. Аналогичная проблема складывается и в стадии судебного разбирательства в суде первой инстанции, поскольку ст. 254 УПК РФ не предусматривает оснований прекращения уголовного дела или уголовного преследования, указанных в п. 7 ч. 1 ст. 24 и ч. 1 ст. 28.1 УПК РФ.

Частично данная проблема разрешается лишь в стадии апелляционного производства, поскольку ст. 389.21 УПК РФ закрепляет такое решение, как отмена обвинительного приговора и вынесение постановления о прекращении уголовного дела, в том числе по основанию, предусмотренному п. 7 ч. 1 ст. 24 УПК РФ. Иными словами, буквальное и системное толкование всех указанных норм приводит к выводу, что если вред, причиненный бюджетной системе, будет возмещен после передачи уголовного дела в суд первой инстанции, то суд первой инстанции должен постановить приговор с назначением наказания, но этот приговор будет в дальнейшем отменен судом апелляционной инстанции с прекращением производства по уголовному делу. Указанный подход совершенно не соответствует принципу разумного срока уголовного судопроизводства.

Видимо, исходя из такого несоответствия, а также того, что возможные коллизии в основаниях прекращения уголовного дела и уголовного преследования должны разрешаться в пользу обвиняемого, судебная практика исходит из того, что ст. ст. 239 и 254 необходимо толковать расширительно и прекращать уголовное дело или уголовное преследование, если вред был возмещен до постановления приговора. В частности, согласно отчету об особенностях рассмотрения уголовных дел, применения реальных видов наказания и оснований прекращения уголовных дел за 2023 год, 32 уголовных дела о налоговых преступлениях были прекращены судами в связи с возмещением ущерба, причиненного налоговой системе [4]. Однако даже такое нивелирование проблемы судебной практикой не исключает необходимости внесения изменений в УПК РФ для того, чтобы привести ст. ст. 239 и 254 УПК РФ в соответствии со ст. ст. 24 и 28.1 УПК РФ.

Следующее основание прекращения уголовного преследования, предусмотренное ст. 28.1 УПК РФ и ст. 76.1 УК РФ, связано с более ши-

роким перечнем преступлений в сфере экономической деятельности и выражается в императивном освобождении от уголовной ответственности, если лицо возместило ущерб, причиненный преступлением, либо перечислило в федеральный бюджет доход, полученный в результате совершения преступления, либо перечислило в федеральный бюджет убытки, которых удалось избежать в результате совершения преступления, а также дополнительно перечислило в федеральный бюджет сумму, эквивалентную двукратному размеру ущерба, дохода или убытков. Иными словами, для того, чтобы избежать уголовной ответственности, лицу необходимо выплатить в трехкратном размере сумму, полученную преступным путем.

Для выявления проблем применения этого основания следует проанализировать его на примере конкретного преступления, например, ст. 171 УК РФ — незаконное предпринимательство. Возможность освобождения от уголовной ответственности по ч. 1 ст. 171 УК РФ в связи с возмещением ущерба предусмотрена ч. 2 ст. 76.1 УК РФ. В соответствии с диспозицией ч. 1 ст. 171 УК РФ, уголовная ответственность за незаконное предпринимательство наступает лишь в случае причинения крупного ущерба. При этом, согласно примечанию к ст. 170.2 УК РФ, крупным ущербом признается ущерб, превышающий 3,5 млн рублей. Получается, что для освобождения от уголовной ответственности по ч. 1 ст. 171 УК РФ виновному необходимо выплатить размер ущерба, а также двукратную стоимость ущерба, то есть сумму, превышающую 10 миллионов рублей. Это особенно странно, если обратиться к санкции ч. 1 ст. 171 УК РФ, предусматривающей, в том числе, максимальный размер штрафа за незаконное предпринимательство до 300 тыс. рублей. Иными словами, самый высокий размер штрафа ниже в 30 раз, чем сумма, которую виновный должен заплатить для освобождения от уголовной ответственности. Кроме того, необходимо учитывать, что освобождение от уголовной ответственности за незаконное предпринимательство возможно также в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. В соответствии же с ч. 1 ст. 104.5 УК РФ, максимальный размер судебного штрафа в этом случае составит не более 150 тыс. рублей.

Указанное сравнение размеров выплачиваемых сумм на примере одного конкретного преступления позволяет увидеть несоразмерность условий освобождения от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба и возможного максимального размера судебного штрафа, который также назначается при освобождении от уголовной ответственности, а также максимального размера наказания. Как представляется, такая несоразмерность порождает вполне обоснованные сомнения в «жизнеспособности» ч. 2 ст. 76.1 УК РФ и ч. 3 ст. 28.1 УПК РФ, так как обвиняемые, перед которыми стоит выбор, будут всегда стремиться «пойти по пути наименьшего сопротивления», а также искать возможности заплатить как можно меньше денег для того, чтобы завершить уго-

ловно-правовые отношения с государством. Для решения этой проблемы требуется провести комплексный анализ всех составов преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 76.1 УК РФ, сравнить максимальные размеры наказаний за перечисленные преступления с размерами сумм, выплачиваемых по ч. 2 ст. 76.1 УК РФ, и принять решение: либо упразднить ч. 2 ст. 76.1 УК РФ, либо существенно увеличить размеры наказаний для того, чтобы ч. 2 ст. 76.1 УК РФ действительно содержала привилегированные способы освобождения от уголовной ответственности. Справедливости ради, следует указать, что в науке уголовного права уже приводились обоснованные аргументы о необходимости исключения ч. 2 ст. 76.1 УК РФ [2, с. 19–20].

Наконец, последнее основание освобождения от уголовной ответственности, предусмотренное в ст. 28.1 УПК РФ и ст. 76.1 УК РФ, связано с так называемой налоговой амнистией. В частности, Федеральным законом от 08.06.2015 № 140-ФЗ «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» предусмотрено, что в случае, если лицо добровольно представит специальную декларацию в налоговый орган о наличии активов и/или счетов (вкладов) в банках, то такое лицо не подлежит привлечению к уголовной ответственности, если в его действия содержатся признаки налогового преступления. При этом основной особенностью этой нормы, по сравнению с другими основаниями, предусмотренными в ст. 76.1 УК РФ и ст. 28.1 УПК РФ, является отсутствие у лица каких-либо обязательств по возмещению ущерба, причиненного преступлением. Собственно, в этом и заключается суть налоговой амнистии: лицо добровольно заявляет о наличии у него какого-либо имущества, а государство, в свою очередь, обязуется не привлекать лицо к ответственности за предшествующее утаивание этого имущества от налогового контроля.

Также следует обратить внимание на ст. 5 Федерального закона от 08.06.2015 № 140-ФЗ, в соответствии с которой последний — четвертый — этап декларирования завершился 28 февраля 2023 года. Это позволяет сделать вывод, что указанное в ч. 3 ст. 76.1 УК РФ основание освобождения от уголовной ответственности может применяться лишь к лицам, которые совершили деяния, подпадающие под признаки налоговых преступлений, до 01 января 2022 года и подали специальную декларацию до 28 февраля 2023 года. В отношении остальных категорий лиц эта норма применяться не может. Соответственно, это основание освобождения от уголовной ответственности может быть исключено из уголовного и уголовно-процессуального законов. Другим вариантом может быть выделение ч. 3 ст. 76.1 УК РФ в отдельную норму, поскольку сама суть ч. 3 ст. 76.1 УК РФ не соответствует названию самой статьи: освобождение от уголовной ответственности происходит не в связи с возмещением ущер-

ба, а в связи с добровольным заявлением о совершении преступления, о чем пишет, в частности, А. Г. Антонов [1, с. 9].

Таким образом, на основании проведенного анализа некоторых проблем применения ст. 28.1 УПК РФ и ст. 76.1 УК РФ можно сформулировать следующие предложения по изменению законодательства:

1) следует предусмотреть в ст. ст. 239 и 254 УПК РФ возможность прекращения уголовного дела и уголовного преследования в стадии подготовки к судебному заседанию и стадии судебного разбирательства в связи с возмещением ущерба, причиненного налоговым преступлением бюджетной системе (ч. 1 ст. 76.1 УК РФ);

2) провести комплексный анализ всех составов преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 76.1 УК РФ, сравнить максимальные размеры наказаний с размерами сумм, выплачиваемых по ч. 2 ст. 76.1 УК РФ, и принять решение: либо упразднить ч. 2 ст. 76.1 УК РФ, либо существенно увеличить размеры наказаний для того, чтобы ч. 2 ст. 76.1 УК РФ действительно содержала привилегированные способы освобождения от уголовной ответственности;

3) ч. 3 ст. 76.1 УК РФ и ч. 3.1 ст. 28.1 УПК РФ должны быть исключены из уголовного и уголовно-процессуального законов как утратившие свою актуальность, либо указанное основание должно быть выделено в отдельную норму, поскольку сама суть ч. 3 ст. 76.1 УК РФ не соответствует названию самой статьи: освобождение от уголовной ответственности происходит не в связи с возмещением ущерба, а в связи с добровольным заявлением о совершении преступления.

Как представляется, указанные предложения будут способствовать более последовательной уголовной политике в отношении лиц, совершивших преступления в сфере экономической деятельности.

Литература

1. Антонов А. Г. Соответствует ли название ст. 76.1 УК РФ («освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба») ее содержанию? // Вестник Пермского института ФСИН России. 2020. № 2(37). С. 5–9.
2. Подройкина И. А. Освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба (ст. 76.1 УК) // Вестник Югорского государственного университета. 2023. № 1(68). С. 15–22.
3. Шерстнев В. Б. Прекращение уголовного преследования в связи с полным возмещением ущерба // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 1(85). С. 136–143.
4. Отчет об особенностях рассмотрения уголовных дел, применения реальных видов наказания и оснований прекращения уголовных дел // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL:

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С УПРАВЛЕНИЕМ ТРАНСПОРТНЫМ СРЕДСТВОМ В СОСТОЯНИИ ОПЬЯНЕНИЯ ЛИЦОМ, ПОДВЕРГНУТЫМ АДМИНИСТРАТИВНОМУ НАКАЗАНИЮ ИЛИ ИМЕЮЩЕМУ СУДИМОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О. Ю. Радченко

Управление МВД России по г. Кемерово
старший следователь отдела по расследованию преступлений
на территории, обслуживаемой отделом полиции «Ленинский»
Следственного управления
Bushka1995@mail.ru

Аннотация: в настоящей статье рассматриваются особенности предотвращения управления транспортным средством в состоянии опьянения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость. Отсутствие эффективных профилактических мер создает реальную опасность в непривлечение лица к уголовной ответственности, что отрицательно сказывается на привлечение лица к уголовной ответственности и на его исправление, а также реализацию задач и целей уголовного закона и наказания.

Ключевые слова: преступление, предотвращение, наказание, транспортное средство, опьянение.

Abstract: this article examines the specifics of preventing intoxicated driving by a person subject to administrative punishment or with a criminal record. The absence of effective preventive measures creates a real danger of not bringing a person to criminal responsibility, which negatively affects the bringing of a person to criminal responsibility and his/her correction, as well as the implementation of the tasks and goals of the criminal law and punishment.

Keywords: crime, prevention, punishment, vehicle, intoxication.

Жизнь нынешнего общества нереально вообразить без транспортных средств и самостоятельной области общественных отношений, возникающих в деятельности дорожного движения и безопасной эксплуатации транспортных средств. Обеспеченность народонаселения автотранспортом является причиной роста хозяйственной деятельности и социальной оживленности. Обширность использования транспортных средств и прирост транспорта связаны с увеличением неблагоприятных последствий — приращение дорожно-транспортных происшествий. Практически ежедневно СМИ сообщают нам о дорожно-транспортных происшествиях, результатом которых является травмирование людей, в том числе и детей, а также и, к сожалению, гибель. Стоит также отметить то, что ежегодно увеличивается склонность «пьяного», агрессивного, грубого вождения, которое стало нормой и частью жизни для многих граждан

нашей страны. Именно этот факт стал причиной пересмотра мер государственного воздействия на правонарушителей правил дорожного движения [2]. Превышение допустимого скоростного режима при движении и управление транспортом в нетрезвом виде является основными факторами риска, приводящими к непоправимому ущербу в результате ДТП.

Управление источниками повышенной опасности под влиянием алкогольных напитков приводит к повышению вероятности ДТП с летальным исходом и причинения опасного дорожно-транспортного травматизма, т.к. нарушаются важнейшие функции организма человека под влиянием алкоголя, понижается реакция, появляется излишняя самоуверенность, возникает пренебрежительное отношение к соблюдению Правил дорожного движения, все это представляет собой особую опасность.

Так, одной из значимых задач Российской Федерации выступает обеспечение безопасности дорожного движения, однако статистика о погибших и пострадавших в результате ДТП остается на колоссально высоком уровне [1]. Согласно статистике в сфере дорожно-транспортных происшествий, мы видим, что значительная часть происшествий приходится на управление транспортными средствами в состоянии алкогольного опьянения. В 2023 году зафиксировано почти 132 400 ДТП, в результате которых погибли 14 500 человек и почти 166 500 человек получили травмы, в сравнении с 2022 годом данные показатели выросли на 4,5%, однако до 2023 года была зафиксирована тенденция снижения аварийности. При этом особого внимания заслуживает то обстоятельство, что по вине водителей, которые находятся в состоянии опьянения, за обозначенный период совершено около 11 533 ДТП, что на 1,7% ниже, чем в 2022 году, однако в 2022 году в сравнении с 2021 годом сокращение составило 8,3% [4]. Указанные цифры статистики свидетельствуют об актуальности проблемы обеспечения безопасности дорожного движения, в том числе и противодействия управлению источниками повышенной опасности лицами, которые находятся в состоянии опьянения.

В связи с чем очевидно то, что для предотвращения правонарушений в сфере дорожно-транспортных происшествий, в результате которых погибают люди, в первую очередь необходимо увеличить профилактическое значение ответственности за управление транспортным средством в состоянии опьянения, не повлекшее тяжких последствий.

На наш взгляд, существует необходимость целесообразности использования дифференцированного подхода к видам и размеру санкции, которая предусмотрена за совершение противоправных фактов как в административном, так и в уголовном законодательстве, т. е. строгость правовых последствий для обвиняемого будет зависеть от степени его опьянения. Так, объем санкции за управление транспортным средством при наличии так называемых остаточных признаков опьянения и в тяжелой степени опьянения — одинаковый. В связи с чем, мы считаем, что

необходимо на законодательном уровне закрепить отдельно размер санкций по степени опьянения лица.

Имеет место тот факт, что ужесточение ответственности привели к росту количества случаев оставление места ДТП с целью скрытия факта нахождения водителя в состоянии опьянения. Это обусловлено тем, что лица, совершившие ДТП в состоянии опьянения, которые скрылись с места происшествия, стали находиться в более «выгодном» положении, чем лица, оставшиеся и прошедшие процедуру освидетельствования, в результате которой подтвердился факт опьянения. В данном случае виновное лицо может избежать уголовной ответственности, если лицо, ранее подвергнуто административному наказанию за управление транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения, продолжает аналогичное противоправное поведение и совершает ДТП, не повлекшее тяжких последствий, и в случае скрытия с места совершения ДТП, данное лицо будет привлекаться не к уголовной ответственности по ст. 264.1 УК РФ, а к административной ответственности ч. 2 или ч. 3 ст. 12.27 КоАП РФ. К сожалению, это становится возможным, т.к. факт нахождения лица в состоянии опьянения может быть установлен только в рамках процедуры медицинского освидетельствования. В случае скрытия с места ДТП установить факт управления транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения по истечении некоторого времени невозможно. В связи с чем, мы можем предположить, что необходимо автомобильным инженерам разработать такую встроенную функцию для каждого автомобиля, которая может впитывать и сохранять запах опьянения в течение 24 часа, а также то, чтобы данная функция автоматически передавала информацию в правоохранительные органы. В случае, если гражданин сбежит с места преступления, данная функция отобразит на приборной панели автомобиля уровень его опьянения. Тогда, на наш взгляд, каждое виновное лицо понесет заслуженное наказание, что приведет к снижению уровня преступности, связанной с опьянением. В том случае, если данная функция сломается, о чем автоматически должно быть немедленно сообщено в правоохранительные органы.

Сотрудники правоохранительных органов должны проводить беседы с жителями регионов ежегодно. Например, участковый уполномоченный отдела полиции каждого района должен минимум 1 раз в год проводить профилактические беседы с жителями, касающиеся преступлений, связанных с алкогольным опьянением. Данная беседа должна быть закреплена правовым документом, о прослушанной информации каждый должен заверить своей подписью. В случае, совершения данного преступного деяния, гражданин, который прослушал профилактическую беседу, должен понести более строгое наказание.

Несомненно, важную роль играет помощь общества, необходимо увеличить распространение «сарафанного радио», а именно граждане должны говорить больше о данных преступных деяниях, в случае, если

видят, что нетрезвый человек садиться за руль автомобиля, немедленно сообщать в правоохранительные органы, убедить своих знакомых не садиться за руль в выпившем состоянии, проявить помощь в вызове такси или обеспечить проводы данного лица до дома.

Бесспорно, СМИ должны предупреждать о количестве ДТП в состоянии опьянения, а именно: на рекламных щитах, по радио, по телевизору, в Интернет-ресурсах должны автоматически высвечиваться рекламы. Для того, чтобы граждане были больше проинформированы о данных преступных деяниях.

Автомобильные аварии причиняют обществу целиком и экономике страны огромные имущественные, общесоциальные и демографические потери. Поэтому направлены меры для уменьшения коэффициентов аварийности и сокращения остроты общественной задачи, в особенности дорожно-транспортного травматизма и летальности исхода в результате ДТП.

Литература

1. Алманов Д.А. Уголовная ответственность за управление транспортным средством в состоянии опьянения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющему судимость. Молодой ученый. — 2024. — № 2(501). — 3 с.
2. Добренков А.И. Предупреждение дорожно-транспортных преступлений, совершаемых несовершеннолетними: дис. на соискание ученой степени кандидата юридических наук 12.00.08. — М. — 2019. — 209 с.
3. Медведев Е. В. Функции уголовного права и меры уголовно-правового воздействия как средства их реализации / Е. В. Медведев. — Ульяновск : Ульяновский государственный университет, 2020. — 384 с.
4. Статистические данные официального сайта Госавтоинспекции. URL:<http://www.gibdd.ru/>.
5. Официальный сайт Министерства Внутренних Дел Российской Федерации / URL: <https://мвд.рф>.

КОРРУПЦИЯ В РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ ЕЕ РАЗВИТИЯ

А. Д. Соболева

Новосибирский государственный университет экономики и управления
магистрант
a.a.komarov@nsuem.ru

Аннотация: в статье рассматривается понятие коррупции, ее актуальность в Российском обществе и государстве. Анализируются виды и формы коррупции по различным критериям и основаниям, отражающие ее сущность, выделяются признаки данного антиобщественного явления.

Ключевые слова: коррупция, государственная власть, взяточничество.

Abstract: the article examines the concept of corruption, its relevance in Russian society and the state. The types and forms of corruption are analyzed according to various criteria and grounds, reflecting its essence, and the signs of this antisocial phenomenon are highlighted.

Key words: corruption, state power, bribery.

Коррупция — это системное организованное социально-правовое явление, имеющее многоуровневую структуру и интегрирующее огромное количество различных составляющих: экономическую, юридическую, социальную, управленческую, этическую, политическую. Оно пронизывает все слои социума, проникая во все сферы жизни и деятельности, поражая экономику, политику и даже культуру. Коррупционные преступления совершают как богатые, так и бедные, высокопоставленные должностные лица и рядовые сотрудники, отдельные лица и целые профессиональные объединения.

Коррупция в сфере государственной власти представляет особый интерес из-за специфики субъекта: его должностного положения, социального статуса, авторитета и возможностей, которые обуславливают специфичность сущности и правовой природы коррупции во властных структурах, особенно на самых высоких уровнях государственного аппарата, должностные лица которого уполномочены на противодействие данному явлению.

Очень интересно коррупцию описывает ученый и адвокат А.И. Кирпичников, сравнивающий ее с коррозией, только не металла, а государственной структуры и нравственных устоев. Автор делает акцент на том, что в наши дни самым важным является наличие способности государственного аппарата решать задачи в собственных интересах, в угоду «правлящей верхушке», а не в интересах общества[3].

Кроме того, на данный момент нет единообразного подхода к сущности явления коррупции, каждое определение базируется на одном-двух критериях, не принимая во внимание целый ряд других факторов. Разумеется, юридическое определение данного феномена представляет собой наиболее удачный вариант из всех существующих, однако и оно не вбирает в себя всю полноту сущности.

Исследование позволило классифицировать коррупцию в зависимости от способов существования, роли в жизнедеятельности общества и государства, степени охвата целевой аудитории, что стало теоретической базой для создания концепции профилактики, направленной на предотвращение явления на стадии возникновения и на противодействие в период активного функционирования [1].

Коррупция классифицируется по социологическому, экономическому, политическому, психологическому и ряду других подходов. В основу классификации заложены различные критерии, например, круг субъектов, географический охват территории, цели и способы совершения. Именно это и привело в последующем к появлению такого многообразия форм и видов ее существования. По общему правилу всю коррупцию подразделяют на два направления: коррупцию экзогенную и коррупцию эндогенную [5].

Экзогенная коррупция — вид коррупции при котором она выходит за пределы властно-распорядительных структур. Подразделяется на бытовую, деловую и криминальную. Бытовая экзогенная коррупция: коррупционные отношения возникают между должностным лицом и гражданином. Деловая экзогенная коррупция: коррупционные отношения возникают между должностным лицом и организацией (индивидуальным предпринимателем). Криминальная экзогенная коррупция: коррупционные отношения возникают между должностным лицом и представителем криминального мира.

Эндогенная коррупция представляет собой вид коррупции, в которой в качестве клиентов выступают должностные лица органов власти и бюджетных организаций, то есть отношения происходят внутри властной структуры (или нескольких властных структур) между отдельными должностными лицами.

Несколько сгруппированных по какому-либо критерию видов коррупции представляют ту или иную ее форму. Так, по способам проявления коррупции во властных структурах принято выделять четыре ее формы: 1) преступления коррупционной направленности; 2) дисциплинарные коррупционные правонарушения; 3) административные коррупционные правонарушения; 4) незаконные гражданско-правовые сделки [4].

В вышеуказанных формах по видам принято выделять: взяточничество (дача, получение, посредничество), злоупотребление должностными полномочиями либо их превышение (фаворитизм, протекционизм, лоббизм, кумовство, основанные на оказании преференций родным и близким), незаконное распределение (перераспределение) государственных, муниципальных, общественных ресурсов и фондов, незаконную поддержку и (или) финансирование политических структур, партий, движений и так далее.

Однако именно правовой подход к сущности коррупционного явления представляет собой наилучший вариант ввиду того, что в нем отражено наиболее четко и полно не только понятие явления. Вместе с отражением правовой сущности определение несет в себе и поведенческие ориентиры: дозволения и запреты, причем как для социума в его многообразии, так и для отдельно взятых индивидов в зависимости от их положения (гражданин, должностное лицо, государственный служащий).

Если взять все многообразие подходов к сущности коррупции и вывести одно общее определение, наиболее полно отражающее ее суть, то получится, что коррупция — это уклонение политических деятелей, сотрудников госаппарата, муниципальных служащих, бизнесменов и иных лиц, связанных с организационно-распорядительными и административно-хозяйственными функциями, от выполнения официальных обязанностей и государственных функций ради личных, семейных либо корпоративных интересов в целях обогащения, защиты и (или) повышения своего статуса.

Проанализировав виды и формы коррупции по различным критериям и основаниям, отражающие ее сущность, мы выделили следующие признаки данного антиобщественного явления:

1. Представляет собой сложный социально-экономически-правовой феномен, имеющий одно четкое правовое определение и несколько разносторонних, основанных на критериях коррупции.

2. Совершается определенными субъектами, подразделенными на две категории: 1) специальные субъекты (должностные лица, уполномоченные на выполнение государственных, муниципальных или иных властных функций); 2) общие субъекты (лица, уполномоченные на выполнение управленческих функций в частном секторе; лица, стремящиеся подкупить должностных лиц в целях извлечения выгоды (рядовые граждане и организации);

3. Использование указанными субъектами служебного либо должностного положения, опираясь на правовой статус или авторитет, вопреки интересам профессиональной деятельности и нормам нравственности и морали;

4. Деятельность указанных субъектов носит корыстный характер и направлена на извлечение выгоды в любой форме ее выражения для себя, третьих лиц либо в корпоративных интересах.

Литература

1. Голубовский В.Ю., Синюкова Т.Н. Формы и виды проявления коррупции в современном российском обществе // Политическая лингвистика. 2015. № 2(52). С. 243.
2. Николаев К.А., Николаев В.К. Термины «государственный орган», «орган государственной власти», «орган государственного управления»: что вкладывать в их содержание? (Приглашение к дискуссии)

- // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2017. № 1(14). С. 11.
3. Панарин Д.А., Паршков А.В. К вопросу об истоках и природе понимания коррупции в системе государственной службы // Прикладная юридическая психология. 2017. № 2(39). С. 111.
 4. Поляков М.М. Коррупционные административные правонарушения: понятие, виды и содержание // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2015. № 8(12). С. 209.
 5. Фиалковская И.Д. Коррупция: понятие, признаки, виды // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 1. С. 140.

ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ РАБОТЫ С ЭЛЕКТРОННЫМИ НОСИТЕЛЯМИ ИНФОРМАЦИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

Л. В. Смешкова

Новосибирский государственный технический университет
доцент кафедры правоведения, кандидат юридических наук, доцент
smeshkovalv@mail.ru

Аннотация: повышение эффективности раскрытия преступлений экономического характера традиционно находится в сфере пристального внимания правоведов и практикующих специалистов. Результативность предварительного расследования обусловлена качественным решением проблем, связанных с нормативными погрешностями уголовно-правового порядка, и пробелами уголовно-процессуального законодательства относительно производства следственных действий. В статье анализируются вопросы об особенностях процессуальной работы с электронными носителями, содержащими сведения, имеющие значение для установления обстоятельств преступлений, совершаемых в сфере экономической деятельности.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, предварительное расследование, следственные действия, электронный носитель информации, экономические преступления.

Abstract: improving the efficiency of solving economic crimes has traditionally been the focus of close attention by legal scholars and practicing specialists. The effectiveness of preliminary investigation is determined by the high-quality solution of problems related to regulatory errors in the criminal-legal order and gaps in criminal-procedural legislation regarding the conduct of investigative actions. The article analyzes issues related to the specifics of procedural work with electronic media containing information that is important for establishing the circumstances of crimes committed in the sphere of economic activity.

Key words: criminal proceedings, preliminary investigation, investigative actions, electronic information carrier, economic crimes.

Расследование преступлений, совершаемых в сфере экономической деятельности, традиционно сопряжено с повышенной сложностью, обуславливаемой как неуклонно положительной динамикой их роста, так и существенными временными затратами, необходимыми для полноценно-

го доказывания обстоятельств, имеющих значение для уголовных дел такой направленности. Как отмечается в современной процессуальной и криминалистической периодике, существенные проблемы при проведении следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий связаны с большим объемом финансовых документов, подлежащих изъятию, осмотру, исследованию, анализу; с трудоёмкостью и длительностью проведения бухгалтерских, финансово-аналитических и иных судебных экспертиз [1]. С учетом того, насколько активно и прочно в нашу жизнь внедрены информационные технологии, очевидно, что при расследовании преступлений в сфере экономической деятельности обширные массивы информации, потенциально имеющей доказательственное значение размещаются на электронных носителях. В соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона о допустимости доказательств, ошибки при изъятии и приобщении таких объектов к материалам производства чреваты признанием полученных результатов юридически ничтожными. В связи со сказанным законодатель не мог обойти вниманием регламентацию процедурных особенностей обнаружения, собирания и закрепления носителей электронной информации в качестве доказательств по уголовным делам.

Первый подвох, ожидающий исследователя, состоит в отсутствии нормативной дефиниции озвученного понятия. УПК РФ неоднократно оперирует термином «электронный носитель информации», но не раскрывает его содержания. В частности, регламентированы вопросы, связанные с изъятием электронных носителей информации, их приобщением в качестве доказательств к материалам уголовного дела и режимом хранения (ст.ст. 81.1, 82, 164.1. УПК РФ).

В рамках проведения небольшого сравнительно-правового анализа любопытно обратиться к законодательству ряда стран ближнего зарубежья. В частности, уголовно-процессуальный закон Республики Азербайджан, Республики Беларусь, Республик Кыргызстан уделяет существенное внимание вопросам использования телекоммуникационных и информационных технологий при производстве предварительного расследования и судебного разбирательства, используя при этом такие определения, как электронный носитель информации, электронный документооборот, электронный документ, но не содержит их нормативного описания. В этом смысле прогрессивностью отличается законодательство Республики Казахстан (далее — УПК РК), давшее правовую регламентацию понятию электронного документа. В соответствии с п. 15 ст. 7 УПК РК это документ, в котором информация предоставлена в электронно-цифровой форме и удостоверена посредством электронной цифровой подписи [2].

Справедливости ради стоит отметить, что в системе российского законодательства можно отыскать некую отправную точку для определения искомого понятия. Так, Государственный стандарт РФ ГОСТ 2.051-

2013 указывает, что под электронным носителем информации понимается материальный носитель, используемый для записи, хранения и воспроизведения информации, обрабатываемой с помощью средств вычислительной техники [3, С. 9]. К сожалению, для целей правоприменительной практики следователя или оперативного сотрудника органов по борьбе с экономическими преступлениями, приведенная дефиниция не позволяет идентифицировать основные (отличительные) признаки рассматриваемого объекта. Как справедливо отмечено В.Н. Григорьевым и О.А. Максимовым, расплывчатость данного определения предполагает его вольную интерпретацию в соответствии с имеющимся интересом и, как следствие, возможность необоснованного отказа в отнесении устройств к электронным носителям информации [4, С.38]. И здесь у правоведов возникают вполне ожидаемые вопросы: являются ли в таком случае электронными носителями информации сервер федерального оператора связи, предназначенный для регулирования потоков электронной информации, ее хранения, а также воспроизведения голосовой информации в реальном режиме времени с помощью программно-аппаратных средств, или материальный носитель, содержащий случайную комбинацию цифр, предназначенный для получения доступа к чему-либо [5, С. 23]?

Соглашаясь с высказанными критическими точками зрения, полагаем, небесполезным определение понятия электронный носитель информации в контексте норм УПК РФ, что могло бы оказать существенную помощь правоприменителю при решении вопросов о том, является ли объект, содержащий искомую информацию, электронным носителем и нуждается ли процедура его изъятия и исследования в соблюдении советующих норм УПК РФ.

Порядок признания предметов и документов вещественными доказательствами по уголовным делам о преступлениях в сфере экономики, охватывает ситуации, когда в роли таких объектов выступают электронные носители информации, и содержит следующие особенности (ст. 81.1 УПК РФ):

- законодателем установлен исчерпывающий перечень составов преступлений в сфере экономики, в рамках возбуждения уголовных дел о которых, допускается изъятие и приобщение к уголовному делу электронных носителей информации, обладающих признаками вещественных доказательств;

- максимальный срок производства осмотра изъятых электронных носителей в предварении вынесения решения о приобщении их в качестве доказательств может составлять до 40 суток, с учетом положений ч. 2 ст. 81.1. УПК РФ;

- изъятие электронных носителей информации реализуется с обязательным участием специалиста;

– электронные носители информации могут быть изъяты в ходе реализации следственных действий исключительно с учетом требований, предусмотренных ст. 164.1 УПК РФ, и отчасти связанных с недопущением нарушения прав тех хозяйствующих субъектов, экономические интересы которых могут понести урон в связи с ведением производства предварительного расследования.

Изъятие электронных носителей информации по уголовным делам об экономических преступлениях, перечисленных в ч. 1 ст. 81.1., ч. 4 ст. 164.1. УПК РФ не допускается, за исключением случаев, когда: 1) вынесено постановление о назначении судебной экспертизы в отношении электронных носителей информации; 2) изъятие электронных носителей информации производится на основании судебного решения; 3) на электронных носителях информации содержится информация, полномочиями на хранение и использование которой владеет электронный носитель информации не обладает, либо которая может быть использована для совершения новых преступлений, либо копирование которой, по заявлению специалиста, может повлечь за собой ее утрату или изменение.

Здесь нельзя не обратить внимание на второй пункт, который должен коррелировать нормам ч. 2 ст. 29 УПК РФ, предусматривающим полномочия, реализуемые судом в ходе досудебного производства по уголовному делу. Вместе с тем, положения названной статьи не содержат такого полномочия суда, как вынесение решения об изъятии электронного носителя информации. Прибегнув к расширительному толкованию содержания ч. 2 ст. 29 УПК РФ можно предположить, что суд вправе вынести решение о выемке такого носителя только в том случае, если размещенная на нем электронная информация содержит государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну, либо сведения о вкладах и счетах граждан в банках и иных кредитных организациях.

Безусловно, такое решение нельзя назвать продуктивным, так как в случае, когда на таком носителе содержатся иные сведения, формально суд не правомочен выносить решения об изъятии электронных носителей информации, коль скоро такое полномочие не предусмотрено законодателем; и соответственно, и вынесенное судом постановление может быть оспорено заинтересованными лицами. Во избежание возникновения таких конфликтных ситуаций, представляется целесообразным дополнить ч. 2 ст. 29 УПК РФ полномочием суда принимать решение об изъятии электронных носителей информации по ходатайству органов предварительного расследования в общем порядке, предусмотренном ст. 165 УПК РФ.

Литература

1. Матвеева Е.Е. Актуальные проблемы и сложности расследования преступлений в сфере экономики // Актуальные исследования. 2022. № 32 (111). С. 21-25

2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V URL: <https://online.zakon.kz/>(дата обращения: 20.05.2024)
3. Единая система конструкторской документации (ЕСКД). Электронные документы. Общие положения. М.: Стандартинформ, 2014. 17 с.
4. Григорьев В.Н., Максимов О.А. Понятие электронных носителей информации в уголовном судопроизводстве // Вестник Уфимского юридического института МВД России. Право. 2019. № 6. С. 33-44
5. Соколов Ю.Н. Электронный носитель информации в уголовном процессе // Информационное право. 2017. N 3. С. 22 — 26.

ФАРМАКОЛОГИЯ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

И. О. Сопин

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского
преподаватель кафедры уголовного права и криминологии
isopin055@mail.ru

Аннотация: в статье рассматриваются актуальные проблемы медицинской безопасности через призму преступности фармакологической отрасли экономики и медицины. Обосновывается неэффективность существующих охранительных норм уголовного закона. Предлагаются пути решения существующих проблем.

Ключевые слова: фармакология, медицина, уголовное право, преступность, Бигфарма, преступность.

Abstract: the article analyzes current problems of medical safety through the prism of crime in the pharmacological field of economics and medicine. The ineffectiveness of existing security norms of criminal legislation is substantiated. Ways to solve existing problems are proposed.

Key words: pharmacology, medicine, criminal law, crime, Bigpharma, crime.

Фармакологию определяют как науку о взаимодействии лекарственных веществ с живыми организмами [1] (греч. Pharmakon- лекарство, logos- учение). В широком смысле она включает все аспекты такого взаимодействия, но с учетом прикладного характера фармакологии, наиболее важными являются те из них, что имеют отношение к эффективному и безопасному использованию лекарственных средств для медицинских целей. Это ставит проблему медицинской безопасности. Нельзя не согласиться с Кучеренко В.З., что безопасность — фундаментальный принцип оказания медицинской помощи населению и приоритетный критерий обеспечения и оценки ее качества.

На глобальном уровне под медицинской безопасностью стоит понимать те критерии и стандарты оказания медицинской помощи, а также клинические рекомендации, которые спускаются вертикалью сверху, например, рекомендации ВОЗ. Последние дословно носят рекомендательный характер, но на практике неоспоримо применяются, самостоя-

тельно не оцениваются, в таком случае действия субъектов, имплементирующих подобные директивы, идут против интересов населения государства.

Говоря о медицинской безопасности на уровне субъектов, стоит отметить и здесь подмену истинности тех или иных действий, например, практически полное сокращение биохимических лабораторий на уровне поликлинического звена продиктовано исключительно жадой наживы, а никак не развитием материально-технического прогресса и принципом разделения труда.

Спустившись на уровень муниципалитетов, мы видим полнейшее разорение и упадок ФАПов, именно по причине экономической нецелесообразности последних. Обобщая вышеизложенное, медицинская безопасность в целом, находится на низком уровне, как и качество оказания медицинской помощи. Причиной этому является преступный капитализм медицинской отрасли, а также ее регулирование рыночными инструментами экономики.

В рамках фармацевтики, как правило, рассматривается финансовая безопасность, кадровая, технологическая, правовая, информационная, что в конечном итоге формирует фармацевтическую безопасность в целом.[2] Вопросы фармацевтической безопасности исследовались многими российскими и зарубежными учеными: Л.В. Мошковой, Л.Н. Геллер, И.А. Наркевич, А.Е. Филипповым, Д.А. Кузнецовым, И.С. Аносовым, В. Черных и другими, но стоит уделить особое внимание безопасности лекарственных средств и медицинских изделий.

Гуськова Т.А. пишет, что безопасность лекарственных средств (ЛС)-это характеристика ЛС, основанная на сравнительном анализе эффективности применения и риске причинения вреда здоровью. Это соотношение пользы для пациента и риска развития у него нежелательных, в том числе токсических, эффектов. Из первых мест среди всех острых отравлений занимают отравления лекарственными средствами. Но не меньшую опасность представляют собой побочные эффекты лекарственных препаратов, которые могут иметь тяжелое течение у пациентов, вплоть до летального исхода. [3]

Фармакология, как отрасль медицины, должна выступать заказчиком для фармацевтической отрасли (Фармацевтическая отрасль, как отрасль экономики, занимающаяся разработкой, производством и дистрибуцией лекарственных препаратов [4], должна диктовать свои условия и принимать готовое ЛС, а в случае если продукт не достигает нужных лечебных целей — не использовать его, отправлять на изменение и доработку.

На практике, наоборот, прослеживается, что именно фармация становится двигателем медицины и диктует правила своей игры. «Фармпром» является одним из детерминантов преступности в сфере медицины

и здравоохранения, преступлений коррупционной и экономической направленности.

Фармацевтические гиганты, чьи бюджеты схожи с расходами на здравоохранение небольших, развивающихся стран заставляют медицинское сообщество использовать препараты, разрабатываемые ими. Зачастую, данные лекарственные средства не имеют должного терапевтического эффекта, хотя соответствуют всем допускам и требованиям. В данном случае, привлечение последних к ответственности, согласно ст. 235.1 УК РФ невозможно, так как диспозиция делает акцент не на качество производимых изделий и лекарственных средств, а на факт их производства в отсутствие лицензии. Уполномоченные от предприятий лица совершают преступления коррупционной направленности на различных звеньях системы здравоохранения, покупая места в клинических рекомендациях и протоколах лечения для своих лечебных средств на самом высоком уровне. Далее формируют уже у практикующих врачей позитивное отношение к своим препаратам не путем высоких показателей фармакокинетики и фармакодинамики, а организацией красивых конференций с досугом, подарков, реферальных программ, выделением огромных средств на так называемые исследования, освоение которых контролируется лишь объемом продаж препарата.

Некоторые крупнейшие производители препаратов (Бигфарма) являются латентными представителями организованной транснациональной преступности, которые способны лоббировать свои интересы по всему миру.

В конечном итоге пациент не только не получает нужного эффекта от назначенной лекарственной терапии, но приобретает негативные побочные эффекты. Бюджету здравоохранения наносится ущерб, завышенная стоимость препаратов не дает в полном объеме реализовать намеченные планы и цели повышения качества оказания медицинской помощи населению.

Таким образом, данная проблема не подпадает под криминализацию и остается весьма латентной. Данные действия не образуют составов преступлений в сфере оборота фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, предусмотренных статьей 238.1 по причине того, что крупные субъекты фармацевтической промышленности способны прогнать свою продукцию через критерии «доброкачественности» из-за слабости контроля качества, в силу очевидной коррупционной составляющей.

В сложившейся ситуации, видится необходимым установления запретительных мер в движении денежных средств от фармацевтических компаний к субъектам системы здравоохранения, спонсорской помощи в виде проведения учебно-досуговых мероприятий, получения субсидий от юридических лиц и иного.

Более того, весьма актуальным видится вопрос поэтапного введения также запретительных мер производства лекарственных средств и медицинских изделий бизнесом. В настоящее время, отмечается рост производства импортозамещенных ЛС, но зачастую на базе частных мощностей. Данная отрасль экономики должна быть национализирована, так как здоровье населения составляет основу национальной безопасности страны. При государственной монополии фармацевтической деятельности, безусловно, кратно возрастет качество выпускаемой продукции, сократятся факты фальсификации и недоброкачества, ввиду отсутствия жажды наживы при государственном регулировании цен на ЛС для этого необходимо расширить действие ФЗ « Об обращении лекарственных средств» на все ЛС и медицинские изделия и выйти за рамки ныне существующего перечня жизненно необходимых и важнейших лекарственных препаратов. Вектор доказательной медицины должен строиться на приоритетной задаче лечения, а не извлечения прибыли.

Литература

1. Курс лекций по фармакологии в 2-х томах: Том 1; Пособие / М.Р. Конорев, И.И. Крапивко, Д.А. Рождественский. — Витебск: ВГМУ, 2013. — 244 с.
2. С.В. Кононова, Н.Н. Дадус, А.Л. Пономарева, ФГБОУ ВО «Приволжский исследовательский медицинский университет» журнал «Ремедиум» № 2, с. 168, март, 2018.
3. Гуськова Т.А., «Токсикологический вестник», март-апрель 2014, № 125.
4. URL: <https://pharmprom.ru/glossary> (дата обращения: 09.06.2024)

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ МОШЕННИЧЕСТВА, СОВЕРШАЕМОГО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ПЛАТЕЖНЫХ КАРТ

В. Б. Стукалин

Новосибирский государственный университет экономики и управления
доцент кафедры уголовного права и национальной безопасности,
кандидат юридических наук, доцент
volya.62@yandex.ru

Аннотация: в статье рассматриваются отдельные вопросы, связанные элементами криминалистической характеристики мошенничеств с использованием электронных средств платежа, в частности, характеристика лица, совершившего данное преступление, дается характеристика отдельным моментам, связанным со способом совершения преступления и «следовой картиной», рассматриваются отдельные позиции, характеризующие место совершения мошенничеств с использованием электронных средств платежа.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика мошенничеств с использованием электронных средств платежа, личность мошенника, способ соверше-

ния мошенничеств с использованием электронных средств платежа, место совершения мошенничества с использованием электронных средств платежа.

Abstract: the article deals with certain issues related to the elements of criminalistic characteristics of fraud using electronic means of payment, in particular, the characteristics of the person who committed this crime, characterizes individual moments related to the method of committing the crime and the "trace picture, considers individual positions characterizing the place of fraud using electronic means of payment.

Keywords: criminalistic characteristics of frauds using electronic means of payment, the identity of the fraudster, the method of committing frauds using electronic means of payment, the place of committing fraud using electronic means of payment.

Исследование криминалистической характеристики любого преступления, как правило, служит основой для процесса расследования преступлений: выдвижения определенных типичных версий, определения направлений поиска преступника, следов совершенного преступления и т. д.

«Элементы криминалистической характеристики мошенничеств с использованием электронных средств платежа во многом сходны с элементами криминалистической характеристики простых мошенничеств, однако, имеются и определенные существенные отличия» [8, с.120].

Одним из знаковых элементов криминалистической характеристики рассматриваемых мошенничеств является личность мошенника. Так, для преступника, совершающего указанные деяния, нередко характерно наличие специальных познаний в области компьютерной техники и программирования, когда преступление совершается путем безналичных переводов. Если мошенничество совершается с использованием непосредственно банковской карты потерпевшего, преступником нередко является родственник или хороший знакомый потерпевшего. Под предлогом необходимости совершения определенных банковских операций, когда потерпевшему поступает звонок под видом сотрудника банка с просьбой предоставить данные карты, код и т. д., нередко данное деяние совершается ранее судимыми лицами, отбывающими наказание в местах лишения свободы [9, с. 334-335]. В последнее время такого рода мошенничествами занимаются колл центры, расположенные за территорией Российской Федерации.

«Что касается личности потерпевшего, то фактически им может являться любой человек, использующий электронные средства платежа. При этом, в качестве таковых нередко выступают пожилые граждане, испытывающие определенные сложности с использованием современных технологий, лица с нарушением зрения. Однако, как свидетельствуют исследования, в последнее время все чаще жертвами мошенников являются лица в возрасте 30-40 лет, так как они активно используют социальные сети, чаще пользуются интернетом и совершают онлайн-покупки (заказы)» [10, с. 27].

Вторым значимым элементом криминалистической характеристики мошенничеств, совершенных с использованием электронных средств платежа, является способ его совершения.

В случае с бесконтактными, не защищенными ПИН-кодом, платежными картами, подготовка к совершению данного деяния обычно отсутствует. Достаточно часто данный вид мошенничества совершается путем приобретения товаров с последующей перепродажей, в том числе, и путем совершения покупок в сети Интернет [11, с. 39].

В том случае, если требуется введение ПИН-кода или пароля, перед непосредственным совершением мошенничества, как правило, имеет место этап подготовки, сводящийся к получению информации о способах доступа тем или иным способом: путем подсматривания за действия потерпевшего у банкомата; установления мини-камеры у банкомата; наклейки на клавиатуру; производство поддельных электронных средств платежа; получения сведений от потерпевшего и т. п.

Помимо способов совершения рассматриваемых мошенничеств, связанных с осуществлением действий у банкомата. В последнее время все большее распространение получают мошенничества, осуществляемые с использованием мобильного телефона и системы Интернет, например, распространение вредоносного ПО, схемы обмана с целью «спасти» деньги, маскировка под проверку безопасности, фишинг и скимминг и т. д.

«Суть вредоносного программного обеспечения состоит в том, что взломщики при помощи вредоносных программ проникают в мобильные устройства и компьютеры пользователей и получают доступ к их электронным кошелькам» [11, с. 39]. Для того, чтобы мошенник получил доступ к данным, хранящимся в устройстве, например, в мобильном телефоне, достаточно, чтобы его владелец открыл поступившую на телефон смс и перешел по указанной в ней ссылке. Последнее время все чаще используется данный способ, когда приходят смс с текстами о выигрыше, для получения которого и требуется переход по ссылке; с текстами «помнишь это фото? ... посмотри» и т. д.

Самый простой способ совершения мошенничества данного вида носит условное название «спасение» денег. В данном случае мошенники стремятся ввести в стресс владельца электронных денежных средств, сообщая ему, что с его электронного счета будут списываться денежные средства или что карта заблокирована, и срочно необходимо провести проверку владельца платежного средства. Находясь в стрессовом состоянии и в условиях дефицита времени, владелец платежного средства сообщает мошеннику требуемую информацию. Как правило, это данные карты- ее номер, код, код доступа [3, с. 24].

Один из распространенных способов мошенничества с использованием электронных платежных средств является фишинг, который предусматривает получение мошенниками доступа ко всей информации о кар-

те владельца. При этом фактически сама карта не используется, а лишь ее данные, перехватываемые мошенниками через интернет. Пути завладения указанными данными могут быть совершенно различными: перехват данных карты при оплате ею владельцем покупок в сети Интернет, отправка сообщений на электронную почту владельца электронного средства платежа о необходимости посещения какого — либо сайта или его обновления [6, с. 60].

Примером совершения мошенничества с использованием электронных средств платежа, совершенным данным способом, может быть следующий: мошенниками в сети Интернет создаются фишинговые страницы, содержащие полностью скопированный внешний вид популярных в настоящее время платежных систем (маркетплейсов), которыми пользуются потерпевшие, и таким образом с электронных кошельков похищаются крупные суммы денег. «Примером может являться хищение денежных средств с платежной карты жительницы Нефтекамска Республики Башкортостан Н., которая с целью трудоустройства отправила резюме на сайт известной компании. После этого ей поступил звонок с предложением о работе — оказании помощи пожилой женщине путем совершения покупок для последней, а также оказания иной помощи по хозяйству. Звонивший сообщил, что готов внести предоплату на ее карту, для чего ему нужны ее реквизиты, а также требуется подключить карту к его номеру телефона. Как только Н. выполнила указанную просьбу, с ее счета произошло списание денежных средств» [5].

Одной из форм фишинга является вишинг, когда атаки осуществляются не по электронной почте, а через мобильные телефоны. В данном случае злоумышленники отправляют SMS-сообщения от имени банка, предупреждая о попытке списания денег с карты и призывая заблокировать ее. Если в таком случае лицо, получившее сообщение, верит мошенникам и перезванивает, последние, представляясь сотрудниками банка, выясняют у владельца карты ее данные и коды доступа [2].

«Еще одним распространенным способом мошенничества с использованием электронных средств платежа выступает скимминг, его суть заключается в установлении на банкоматы специальных технических средств — «скиммеров» (устройств для считывания чипа платежной карты), предоставляющих всю необходимую информацию: имя владельца, номер карты, срок окончания действия и т. д.» [2]. При этом, данные о PIN-коде получаются с помощью установки минивидеокамер или прозрачных накладок на клавиатуру, о чем говорилось выше.

«Шимминг — разновидность скимминга, заключающееся в том, что скиммеры можно визуально определить, поскольку они находятся на внешней поверхности банкомата, а конструкция шимминга находится внутри устройства для чтения банковской карты.

Достаточно распространенный способ совершения мошенничеств рассматриваемого вида является «Смишинг», т. е. рассылки в SMS — со-

общениях, сообщениях, поступающих на электронную почту, информации, которая может быть интересна жертве — например, о размещении по ссылке каких — либо фотографий жертвы и иной информации. Как только осуществляется переход по ссылке или открытие файла, на устройство устанавливается вредоносная программа, с помощью которой мошенник получает доступ к логину и паролю от мобильного приложения, с помощью которого возможно управление счетами потерпевшего.

Следующим элементом криминалистической характеристики мошенничеств с использованием электронных средств платежа, который необходимо рассмотреть, является «следовая картина», связанная с конкретным способом совершения рассматриваемых мошенничеств, а также с местом его совершения.

Специфика «следовой картины» совершения мошенничества с использованием электронных средств платежа определяется, в первую очередь, тем, что следы отображаются на видеозаписи в месте приобретения товара, на фотоснимках, производимых видеокамерами, установленными в самом банкомате и рядом с ним. Также следы могут найти свое отражение в чеке на покупку товара в торговой организации, в виртуальном чеке при проведении покупки через сеть Интернет. Помимо этого, если оплата произведена с помощью сети Интернет, могут сохраниться сведения о IP-адресе (местонахождении) устройства, что возможно с помощью использования специальных знаний в области компьютерных технологий.

Местом совершения мошенничества с использованием электронных средств платежа в зависимости от ситуации может выступать банкомат, либо организация по продаже товаров либо предоставлению услуг. При совершении оплаты через Интернет место совершения преступления значения не имеет. Согласно п. 5 Постановления Пленума ВС РФ «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» от 30.11.2017 г. № 48, «местом совершения мошенничества, состоящего в хищении безналичных денежных средств, исходя из особенностей предмета и способа данного преступления, является, как правило, место совершения лицом действий, связанных с обманом или злоупотреблением доверием и направленных на незаконное изъятие денежных средств» [1].

Исходя из особенностей работы компьютерных сетей можно говорить о том, что местом совершения преступления является информационно-телекоммуникационная сеть, с помощью которой был осуществлен доступ к счету или кошельку потерпевшего. В качестве альтернативы, местоположение конкретного компьютера или мобильного устройства, использованного для неправомерного доступа, может быть рассмотрено как место преступления. Важно отметить, что именно это место содержит основной объем информации, характеризующий процесс преступления, включая способ, орудия и средства и т. п., т. е. его следы [4, с. 264].

Необходимо подчеркнуть, что помимо телекоммуникационной сети, мошенничества могут совершаться в местах, где происходит обналичивание полученных обманом путем денежных средств. В качестве мест совершения преступления, исходя из применяемых методов и средств совершения мошенничества, могут выступить банкоматы, торговые точки, операционные залы банков и т. п.

Криминалистическая характеристика мошенничества, совершенного с использованием электронных средств платежа, несмотря на общие признаки с простым мошенничеством, обладает особенностями, среди которых ключевое место занимает способ совершения данного деяния и процесс образования следов. В то же время, нельзя не обратить внимание на тот факт, что способ совершения мошенничества, осуществляемого с использованием электронных средств платежа, в значительной мере схож со способами совершения таких преступных деяний, как хищение денежных средств со счета в банке и мошенничество в сфере компьютерной информации.

Литература

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283918/
2. Анисимов А.А. О способах совершения мошенничества, предусмотренного ст. 159.3 УК РФ // Центральный научный вестник. 2019. Т. 4. — № 1 S (66). // URL: <http://cscb.su/n/0401s01.pdf>
3. Клименко А. Проблемы квалификации хищений безналичных и электронных денежных средств // Уголовное право. — 2020. — № 4. // URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44430879>
4. Коломинов В. В. Установление места совершения преступления в процессе расследования мошенничества в сфере компьютерной информации // Криминалистические чтения на Байкале–2015: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / Вост.-Сиб. фил. ФГБОУВО «РГУП». — Иркутск, 2015 // URL: <https://elibrary.ru/vcyxoz>
5. Криминальные происшествия Нефтекамска за неделю URL: <https://02.мвд.рф>.
6. Русскевич Е. Отграничение кражи с банковского счета или в отношении электронных денежных средств от смежных составов преступлений // Уголовное право. — 2019. — № 2. / СПС «ГАРАНТ»
7. Сагитова И.Ф., Хасанова И.Р. Мошенничество с использованием электронных средств платежа // Современные научные исследования и разработки. 2018. — № 12 (29). // URL: <https://elibrary.ru/yyinud>
8. Свирина, М.В. Мошенничество с использованием банковских карт как угроза экономической безопасности хозяйствующего субъекта / М.В. Свирина, А.А. Наседкина // Мировая экономика: проблемы

- безопасности. — 2020. — № 2. // URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43352479>
9. Чаплыгина, В. Н. Актуальные проблемы расследования и раскрытия мошенничества, совершенного с использованием банковских карт / В. Н. Чаплыгина, А. Л. Ермакова // Современное уголовно-процессуальное право — уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. — 2020. — Т. 2, № 1(2) // URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44172999>
10. Яни П.С. Мошенничество с использованием электронных средств платежа // Законность. 2019. № 5 (1015) // URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38596277>
11. Яни, П. С. Хищение с использованием чужой банковской карты в магазине следует квалифицировать как мошенничество / П. С. Яни // Законность. — 2020. — № 12(1034). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44428659>.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РЕЙДЕРСТВА И МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЕМУ

С. В. Суняйкина

Новосибирский государственный университет экономики и управления
магистрант
ssunyajkina@list.ru

Аннотация: в статье проводится исследование уголовно-правовой характеристики рейдерства и мер противодействия этому виду экономической преступности. Рейдерство рассматривается как преступная деятельность, направленная на незаконный захват корпоративного контроля над предприятием или активами с целью извлечения выгоды. В работе освещаются типичные признаки и методы рейдерских атак, а также их негативные последствия для экономики и правопорядка. Обсуждаются основные меры противодействия, включая ужесточение уголовной ответственности, совершенствование законодательства и международного сотрудничества, а также повышение правовой культуры общества.

Ключевые слова: рейдерство, экономическая преступность, корпоративный контроль, уголовно-правовая характеристика.

Annotation: the article studies the criminal-legal characteristic of raiding and measures to counteract this type of economic crime. Raiding is considered as a criminal activity aimed at illegal seizure of corporate control over an enterprise or assets for the purpose of profit. The paper highlights typical signs and methods of raider attacks, as well as their negative consequences for the economy and law and order. The main countermeasures are discussed, including toughening criminal liability, improving legislation and international cooperation, as well as improving the legal culture of society.

Keywords: raiding, economic crime, corporate control, criminal and legal characterization.

Рейдерство представляет собой вид экономической преступности, характеризующийся незаконным захватом корпоративного контроля над

предприятием или активами с целью извлечения выгоды. Этот вид преступной деятельности влечет за собой серьезные негативные последствия для экономической стабильности и правопорядка. Рейдерство часто сопровождается фальсификацией документов, подкупом, угрозами и другими незаконными действиями, направленными на ослабление легальных владельцев и установление контроля над бизнесом. Противодействие рейдерству является одним из приоритетных направлений в уголовной политике многих стран. Эффективные меры противодействия включают в себя ужесточение уголовной ответственности для лиц, участвующих в рейдерских атаках, а также улучшение законодательства и правовых механизмов, направленных на предотвращение и расследование таких преступлений.

Одним из ключевых инструментов борьбы с рейдерством является совершенствование системы регистрации и учета юридических лиц, а также укрепление механизмов контроля за сделками с ценными бумагами и активами компаний. Важным аспектом также является повышение правовой культуры среди бизнес-сообщества и общественностью, чтобы сделать рейдерство менее привлекательным и увеличить шансы на его предотвращение и наказание [1]. Учитывая международный характер рейдерских атак и их влияние на экономическую безопасность, сотрудничество между странами в области борьбы с этим видом преступности играет важную роль. В рамках такого сотрудничества обмен информацией, совместные расследования и координация действий помогают эффективнее противостоять рейдерству и обеспечить защиту интересов бизнеса и общества в целом.

Рейдерство, хотя и не упоминается как таковое в Уголовном кодексе Российской Федерации, представляет собой противоправную деятельность, нацеленную на незаконный захват корпоративного контроля над предприятием или активами. Речь идет о приобретении права владения, пользования и распоряжения активами компании или установлении контроля над ней путем приобретения долей участников или голосующих акций [2].

Действия, связанные с недружественным поглощением предприятия, могут выражаться в силовом захвате, манипуляциях с Единым государственным реестром юридических лиц, перерегистрацией прав собственности с использованием поддельных документов, злоупотреблением в сфере банкротства, изменением доли контрольного пакета акций путем новых эмиссий [3]. Эти действия часто связаны с использованием незаконных методов и могут нанести серьезный ущерб бизнесу, правопорядку и экономической стабильности. При этом государственные органы, включая Генеральную прокуратуру Российской Федерации, выражают серьезную озабоченность по поводу таких преступлений и предпринимают меры по их предотвращению и пресечению [4].

Уголовный закон содержит ряд норм, определяемых правоприменителем, как «антирейдерские». Эти нормы включают:

1. Статья 159 УК РФ — мошенничество, которое может быть использовано в контексте рейдерских атак для осуществления обмана и незаконного захвата активов или корпоративного контроля.

2. Статья 163 УК РФ — вымогательство, когда силой или угрозой насилия вынуждаются лица совершать сделки или уступать свои права на активы.

3. Статья 170 УК РФ — регистрация незаконных сделок с недвижимым имуществом, предусматривающая запрет перерегистрации прав собственности на предприятия с целью их незаконного захвата.

4. Статья 170.1 УК РФ — фальсификация ЕГРЮЛ и других реестров для изменения юридической собственности и контроля над предприятием.

5. Статья 179 УК РФ — принуждение к совершению сделок или отказу от них для насильственного захвата контроля над компаниями.

6. Статья 183 УК РФ — незаконное получение и разглашение коммерческой, налоговой или банковской тайны, что может быть использовано для получения конфиденциальной информации о компаниях для рейдерских целей.

7. Статья 185 УК РФ — злоупотребление при эмиссии ценных бумаг, когда акции компании могут быть использованы в рамках рейдерских атак для манипуляций с их ценой.

Эти и другие нормы уголовного закона направлены на борьбу с различными формами рейдерства и защиту законных интересов предприятий и их владельцев. Перечисленные статьи представляют собой инструменты, которые могут быть использованы для пресечения и наказания лиц, совершающих деяния, связанные с рейдерством [5]. Рейдерский захват обычно сопровождается тщательным оформлением документов, создающих видимость законности перехода права собственности на активы предприятия от законных владельцев к преступникам. В ходе судебного разбирательства сфальсифицированные документы представляются в суд, который, не будучи осведомлен об их истинном происхождении, основываясь на них принимает решение. В последующем такое решение носит преюдициальное значение для правоохранительных органов, то есть установленные в нем обстоятельства, не подлежат дополнительной проверке (ст. 90 УПК РФ).

Однако важно понимать, что при тщательно спланированном рейдерском захвате документы составляются таким образом, чтобы не содержать явных нарушений, и, таким образом, суды часто оценивают их как допустимые. Тем не менее, органы, ответственные за возбуждение уголовных дел, имеют право и обязаны проводить проверку обстоятельств, даже если судебный акт уже вынесен. Это связано с тем, что правоохранительные органы обладают более широким доступом к информа-

ции и могут раскрыть факты, которые не были известны суду на момент вынесения решения.

Но есть одна сложность. Многие преступления из приведенного списка относятся к категории небольшой или средней тяжести. Например, регистрация незаконных сделок с недвижимостью (ст. 170 УК РФ), принуждение к совершению сделки или отказу от ее совершения (ч. 1 ст. 179 УК РФ), злоупотребления при эмиссии ценных бумаг (ст. 185 УК РФ) — это преступления небольшой тяжести. Подделка документов в целях сокрытия другого преступления или облегчения его совершения (ч. 4 ст. 327 УК РФ) — преступление средней тяжести. Соответственно, привлечение к ответственности возможно не позднее 2 и 6 лет со дня совершения преступлений. Эти сроки прерываются со вступлением в законную силу приговора суда (ст. 78 УК РФ).

Для того чтобы преступник был наказан, до истечения указанных сроков события должны развиваться следующим образом: 1) проведение доследственной проверки в порядке ст. 144-145 УПК РФ; 2) возбуждение уголовного дела; 3) проведение предварительного следствия; 4) передача дела прокурору; 5) прохождение судебной стадии уголовного дела (где будут повторно допрошены свидетели, назначены длительные экспертизы); 6) окончание дела в суде первой инстанции с вынесением обвинительного приговора; 7) поступление апелляционной жалобы или представления; 8) предоставление срока для обжалования дела в суд первой инстанции.

На практике рейдерство нелегко доказать. Это означает, что виновные, скорее всего, не будут привлечены к ответственности из-за истечения срока давности. Так, в 2022 году только пять человек были осуждены по ст. 179 УК РФ; двое — по ч. 1 ст. 185.5 УК РФ с назначением штрафа; ни одного — по ст. 170 УК РФ.

С учетом масштабов рейдерства в стране эти цифры являются ничтожно малыми. Прежде всего, государство призвано защитить бизнес от рейдерских захватов. Необходим детальный анализ применения уголовно-правовых норм для устранения несовершенства юридической техники и уголовной политики. Возможно, необходима пенализация некоторых норм или корректировка административных регламентов правоохранительных органов по учету работы, связанной с выявлением и раскрытием преступлений.

В заключение, рейдерство остается одним из наиболее острых проблем современного бизнес-мира, подрывающим его стабильность и надежность. Угроза рейдерских атак продолжает оставаться актуальной как на национальном, так и на международном уровнях, требуя постоянного усилия и внимания со стороны законодателей, правоохранительных органов и бизнес-сообщества. Необходимость эффективного противодействия рейдерству подчеркивает важность совершенствования уголовно-правовых механизмов, законодательства и международного сотру-

ничества. Только путем совместных усилий и координации действий можно обеспечить надежную защиту бизнеса от рейдерских угроз и создать благоприятные условия для его развития. Кроме того, особое внимание следует уделить образованию и просвещению общества о вреде и неприемлемости рейдерства. Развитие правовой культуры, повышение осведомленности о методах противодействия и защиты от рейдерских атак способствуют формированию сильной и устойчивой бизнес-среды, в которой мошенничество и незаконные действия не находят плодотворного почва для своего процветания.

Литература

1. Кемали Е.С. Вопросы совершенствования уголовно-правовых мер защиты законной предпринимательской деятельности // *Eurasian Scientific Journal of Law*. — 2023. — №. 2 (3). — С. 29-38.
2. Иванова О.М. Уголовно-правовые аспекты противодействия рейдерским захватам // *Вестник Российского университета кооперации*. — 2021. — №. 4 (46). — С. 138-141.
3. Федоров А. Правовая охрана корпоративных отношений: актуальные проблемы, противодействие современным криминальным угрозам, зарубежный опыт. — Litres, 2022.
4. Кивленок Т.В., Кивленок И.Е. Защита корпоративной собственности от рейдерских захватов // *Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых*. Серия: Юридические науки. — 2020. — №. 3. — С. 63-66.
5. Ботвин И.В., Малетина М.А. Рейдерство в России: детерминация и противодействие. — 2020.

ПРОБЛЕМЫ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

А. И. У-Кон

Новосибирский государственный университет экономики и управления
магистрант
ukon.alina@mail.ru

Аннотация: представлен всесторонний анализ проблем, присущих частному обвинению, и подчеркивается необходимость реформ для обеспечения того, чтобы оно служило своей цели — дополнять государственное обвинение и защищать общественные интересы.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, частное обвинение, институт частного обвинения, возбуждение уголовных дел, примирение.

Abstract: a comprehensive analysis of the problems inherent in private prosecution is presented and the need for reform is emphasized to ensure that it serves its purpose of complementing public prosecution and protecting the public interest.

Key words: criminal proceedings, private prosecution, institution of private prosecution, initiation of criminal cases, reconciliation.

Частное обвинение относится к уголовно-процессуальному институту, который предусматривает, что частное лицо или частная организация, а не государство, инициирует и ведет уголовный процесс против обвиняемого лица. Идея частного обвинения заключается в том, что лица, которым был причинен ущерб или которые имеют иную заинтересованность в деле, должны иметь возможность сами предпринимать юридические действия по защите своих прав и свобод, а не полагаться на государство для преследования обвиняемого.

Исторически частное обвинение было нормой в правовых системах многих стран, но со временем большинство из них перешли к системе государственного обвинения, когда государство отвечает за судебное преследование по уголовным делам. Причина такого перехода объяснялась тем, что частное обвинение считалось неэффективным, дорогостоящим и часто склонным к злоупотреблениям.

Значение частного обвинения заключается в том, что государство предоставляет частным лицам возможность добиваться правосудия, когда они желают этого. Это особенно важно в случаях, когда совершенное правонарушение может считаться относительно незначительным преступлением. В таких случаях частное преследование может стать для жертвы или ее представителя средством восстановления справедливости и привлечения преступника к ответственности за свои действия.

В России частное обвинение регулируется Уголовно-процессуальным законодательством РФ (УПК РФ) [1], устанавливающее правила и процедуры, которые должны соблюдаться при осуществлении частного обвинения. В соответствии со ст. 20 УПК РФ уголовное преследование в зависимости от характера и тяжести совершенного преступления может осуществляться в публичном, частно-публичном и частном порядке.

Частное обвинение возбуждается исключительно по инициативе потерпевшего или его законного представителя и применяется в отношении преступлений небольшой тяжести. Этот вид преследования обычно используется для привлечения к ответственности за преступления против личности, которые не обязательно затрагивают общественный порядок. Потерпевший контролирует возбуждение и продолжение дела, и оно может быть прекращено, если он примирится с обвиняемым.

Ч. 2 ст. 20 УПК РФ устанавливает, преступления небольшой тяжести, предусмотренные ч. 1 ст. 115 УК РФ [2], ч. 1 ст. 116.1 УК РФ и ч. 1 ст. 128.1 УК РФ, рассматриваются в порядке частного обвинения. По этим преступлениям уголовные дела возбуждаются исключительно по заявлению потерпевшего или его законного представителя, путем подачи заявления о возбуждении уголовного преследования, что подчеркивает личную заинтересованность потерпевшего в разбирательстве. Уникаль-

ной особенностью частного обвинения является возможность его прекращения в случае примирения потерпевшего с обвиняемым. Примирение допускается до момента, когда суд удаляется для вынесения вердикта, как в ходе первоначального судебного разбирательства, так и в апелляционном суде. Данное положение позволяет гибко подходить к разрешению личных споров вне формального судебного процесса, если стороны придут к соглашению.

Частное обвинение расширяет возможности потерпевших, позволяя им самим решать, выдвигать ли обвинения. Однако оно также возлагает на них бремя судебного преследования, что может быть затруднительно без юридической поддержки.

Возможность примирения и прекращения дела вызывает опасения по поводу неоправданного давления на потерпевших с целью заставить их отозвать свои жалобы, особенно в случаях, связанных с дисбалансом власти или принуждением.

Разрешая прекращение частного преследования в результате примирения, судебная система может уменьшить нагрузку по мелким правонарушениям, сосредоточив ресурсы на более серьезных делах. В то же время в ч. 2 ст. 20 УПК РФ также отмечаются исключения, предусмотренные ч. 4 ст. 20, которые могут касаться случаев, когда, несмотря на личный характер преступления, общественные интересы требуют продолжения судебного преследования, даже если потерпевший отзывает свою жалобу.

В ст. 147 УПК РФ регламентировано возбуждение уголовного дела частного и частно-публичного обвинения. Согласно ч. 1 ст. 147 УПК РФ, уголовные дела частного обвинения возбуждаются только по заявлению потерпевшего или его законного представителя. Это подчеркивает личный характер таких преступлений, в которых роль государства ограничена, а желание потерпевшего возбудить дело имеет решающее значение. Возбуждение дела происходит в соответствии с процедурами, изложенными в чч. 1 и 2 ст. 318 УПК РФ, что предполагает непосредственное обращение в суд.

Согласно ч. 2 ст. 147 УПК РФ, если потерпевший не знает личность предполагаемого преступника, мировой судья не принимает заявление. При этом оно перенаправляется руководителю следственного органа или органа дознания. Это положение гарантирует, что расследование может быть продолжено для установления личности преступника, а не остановлено из-за того, что потерпевший не знает преступника.

Бывают случаи, когда уголовное дело может быть возбуждено без заявления потерпевшего или его законного представителя. В таких случаях руководитель следственного органа, следователь или дознаватель может возбудить дело с согласия прокурора. Следовательно, ст. 147 УПК РФ подчеркивает самостоятельность потерпевшего в инициировании частного и частно-публичного преследования, что свидетельствует о

признании правовой системой права личности в таких случаях. Однако это также может возложить бремя судебного разбирательства на потерпевшего, потенциально создавая препятствия для тех, кто не имеет достаточных ресурсов или знаний о юридических процессах. Процессуальное руководство по делам с неизвестными преступниками гарантирует, что потенциальные преступления все же будут расследованы, тем самым предотвращая прекращение дел исключительно из-за отсутствия информации. Это положение защищает интересы потерпевших, обеспечивая надлежащее продолжение расследования.

В ст. 318 УПК РФ регламентировано возбуждение уголовного дела частного обвинения, подсудного мировому судье. Ст. 318 УПК РФ описывает конкретные процедуры возбуждения уголовных дел частного обвинения, которые обычно возбуждаются по менее тяжким преступлениям, где участие государства минимально, а потерпевший играет непосредственную роль в уголовном преследовании. В данной статье разъясняется, кто может возбуждать такие дела, при каких обстоятельствах и какие процессуальные действия необходимо предпринять, если применяются исключения.

Согласно ч. 1 ст. 318 УПК РФ, уголовные дела частного обвинения, как указано в ч. 2 ст. 20 УПК РФ, возбуждаются потерпевшим или его законным представителем путем непосредственной подачи заявления в суд. При этом ч. 1 ст. 318 УПК РФ прямо исключает дела, подпадающие под действие п. 2 чч. 1 и 4 ст. 147 УПК РФ, которые связаны с обстоятельствами, когда личность преступника неизвестна, либо когда прокурорское усмотрение осуществляется в связи с соображениями общественного интереса.

В ч. 3 ст. 318 УПК РФ отмечено, что в исключительных случаях, предусмотренных ч. 4 ст. 20 УПК РФ, которые, как правило, связаны со значительным общественным интересом или обстоятельствами, когда государство считает необходимым вмешаться, уголовное дело может быть возбуждено следователем или дознавателем с согласия прокурора. Это касается и ситуаций, когда уголовное преследование необходимо, несмотря на отсутствие заявления от потерпевшего или его родственников. При возбуждении дела следователем осуществляется предварительное следствие, а дознавателем — дознание. Такое разграничение обеспечивает проведение расследования соответствующего уровня в зависимости от специфики дела и процессуальных требований.

Положения закона позволяют потерпевшим играть активную роль в восстановлении справедливости, что может способствовать расширению их прав и возможностей. Однако потенциальное требование о юридическом представительстве в случае уязвимости потерпевшего гарантирует, что судебное преследование не усугубит его неблагоприятное положение, обеспечивая необходимую защиту.

Возможность примирения на различных стадиях учитывает личный характер частных правонарушений, когда стороны могут предпочесть урегулировать спор вне формального судебного разбирательства, особенно в незначительных случаях.

На сегодняшний день дискуссия между учеными-процессуалистами о том, быть или не быть частному обвинению в российском уголовном процессе, а если быть, то в существующем виде или же необходимы изменения в правовой регламентации, приобрела особую остроту. Это связано с законодательной инициативой Пленума Верховного Суда РФ. Так, в апреле 2021 г. в Государственную Думу Федерального Собрания РФ был представлен законопроект «О внесении изменений в УПК РФ (в части изменения вида уголовного преследования в отношении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 115, ст. 116.1 и ч. 1 ст. 128.1 УК РФ)». Как видно из названия, данный законопроект был направлен на изменение вида уголовного преследования в отношении перечисленных преступлений с частного на частно-публичное, то есть фактически на упразднение частного обвинения как такового. В теоретических источниках выдвигаются предложения о том, что институт частного обвинения в России необходимо упразднить [3].

Действующая система частного обвинения в России имеет ряд проблем и ограничений, которые ставят под сомнение ее эффективность и соответствие принципам уголовного правосудия. Законодательство ограничивает частное обвинение только тремя конкретными правонарушениями, что делает сферу его применения крайне узкой. Кроме того, задействованные процессуальные механизмы сложны и на практике часто не соответствуют основополагающим принципам уголовного судопроизводства, в частности состязательности судебного процесса. Рассмотрим указанные проблемы подробнее.

Во-первых, частное обвинение в России ограничено тремя конкретными правонарушениями: ч. 1 ст. 115 УК РФ «Умышленное причинение легкого вреда здоровью», ч. 1 ст. 116.1 УК РФ «Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость», ч. 1 ст. 128.1 УК РФ «Клевета». Ограничительный характер этих положений ставит под сомнение необходимость и практическую ценность сохранения частного обвинения, поскольку его ограниченная сфера применения не оправдывает громоздких процессуальных требований, связанных с ним. Такая узкая сфера применения означает, что большинство мелких правонарушений не подлежат рассмотрению в порядке частного обвинения, что ограничивает самостоятельность потерпевшего в достижении правосудия.

Во-вторых, в делах частного обвинения объем полномочий, доступных сторонам и суду, значительно отличается от полномочий в делах публичного или частно-публичного обвинения. В частности, согласно ч. 2 ст. 319 УПК РФ, суды могут оказывать сторонам помощь в сборе до-

казательств, которые они не могут получить самостоятельно. Однако такая помощь часто приводит к тому, что суд принимает активное участие в сборе доказательств, фактически беря на себя функции следователя или дознавателя. Такой шаг является проблематичным, поскольку стирает границы между судебными и прокурорскими функциями. С процессуальной точки зрения это подрывает роль суда как нейтрального арбитра и ставит под угрозу справедливость разбирательства.

В-третьих, состязательность, закрепленная в ст. 15 УПК РФ, предполагает, что роли обвинения, защиты и суда должны быть разными и не пересекаться. В ч. 3 ст. 15 УПК РФ прямо указано, что суд не является органом уголовного преследования, а ч. 2 ст. 15 УПК РФ закрепляет разделение этих функций. Как отмечалось выше в делах частного обвинения участие суда в сборе доказательств может привести к тому, что он непреднамеренно будет выполнять функции обвинителя, что прямо противоречит принципу состязательности. Такое положение нарушает баланс и целостность процесса уголовного правосудия, когда суд должен сосредоточиться исключительно на отправлении правосудия, а не становиться активным участником обвинения.

Принципы уголовного судопроизводства подчеркивают внутреннюю согласованность, логическую последовательность и юридическую целостность. Современная реальная практика рассмотрения дел частного обвинения, когда суды участвуют в сборе доказательств и, по сути, осуществляют обвинение, противоречит этим принципам. Принимая на себя функции, выходящие за рамки его судебного мандата, суд ставит под угрозу свою беспристрастность и восприятие справедливости в процессе уголовного правосудия. Также несоответствие между практикой частного обвинения и принципом состязательности отражает более глубокую проблему в уголовно-процессуальной политике. Имеющийся подход не только противоречит установленным правовым нормам, но и свидетельствует об отсутствии согласованности между законодательной базой и оперативными реалиями судебного процесса.

Учитывая ограниченность сферы применения и процессуальные проблемы, существуют веские аргументы в пользу реформирования механизма частного обвинения. Это может включать в себя расширение круга правонарушений, по которым может быть возбуждено частное обвинение, или изменение процессуальных функций, чтобы они лучше соответствовали принципам состязательности и сохраняли нейтралитет суда.

Громоздкость процедур частного обвинения в сочетании с чрезмерным вмешательством суда может удерживать потерпевших от самостоятельного обращения за правосудием. Упрощение процесса и обеспечение того, чтобы суд оставался беспристрастным арбитром, может расширить доступ к правосудию и дать потерпевшим возможность добиваться

возмещения ущерба без сложностей, которые в настоящее время связаны с частным преследованием.

Таким образом, современное состояние частного обвинения в России свидетельствует о наличии серьезных проблем, включая ограничение сферы применения, процессуальные несоответствия и фундаментальные противоречия с состязательным характером уголовного судопроизводства. Для решения этих проблем необходимы законодательные реформы, направленные на расширение сферы применения частного обвинения, оптимизацию процедур и усиление различных ролей судебной системы и прокуратуры в соответствии с принципом состязательности. Такие реформы гарантировали бы, что частное обвинение будет служить своей цели, не ставя под угрозу целостность системы уголовного правосудия.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.05.2024) // Доступ из СПС КонсультантПлюс.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Доступ из СПС КонсультантПлюс.
3. Васечкина А. В., Кондра А. В., Сергиенко А. А. К вопросу об упразднении института частного обвинения в уголовном процессе // Аграрное и земельное право. 2024. № 4(232). С. 366-369.

НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ЕГО ВЗАИМОСВЯЗЬ С КОРРУПЦИОННЫМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ

В. В. Ульянова

Новосибирский государственный университет экономики управления
доцент кафедры уголовного права и национальной безопасности,
кандидат юридических наук, доцент
uljanova_v.v@mail.ru

А. Я. Горбунова

Новосибирский государственный университет экономики управления
магистрант
alinkagorbunova1234@mail.ru

Аннотация: в статье рассматривается взаимосвязь коррупции с преступлениями в сфере незаконного оборота наркотических средств. Сделан вывод, что причины появления коррупции и незаконного оборота наркотических средств идентичны, проанализированы меры, направленные на предупреждение данных преступлений, дана оценка их эффективности.

Ключевые слова: незаконный оборот наркотических средств, коррупция, коррупционные преступления, наркотики, экономическая безопасность.

Abstract: the article examines the relationship between corruption and crimes in the field of illicit drug trafficking. It is concluded that the causes of corruption and illicit drug trafficking are identical, measures aimed at preventing these crimes are analyzed, and their effectiveness is assessed.

Key words: drug trafficking, corruption, corruption crimes, drugs, economic security.

Меры, которые предпринимаются правоохранительными органами, для сокращения числа преступлений коррупционной направленности, а также преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, не являются эффективными в полной мере. Жесткий подход к назначению наказаний за данные преступные деяния не показывает положительную динамику их сокращения, хотя, в большинстве случаев, наказанием выступает реальное лишение свободы. В связи с этим, данные преступления оказывают негативное влияние на государство в целом, а также на общественную безопасность.

Актуализация распространения наркотических средств и коррупции с каждым годом набирает обороты. В 2023 году было совершено больше 190 тысяч преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, что составляет на 7,5 процента больше, чем в 2022 году. 7949 уголовных дел по факту совершения преступлений коррупционной направленности направлено на рассмотрение в суды в 2023 году, что привело к 37 процентам привлеченных к уголовной ответственности лиц [7]. Данные показатели свидетельствуют, что рассматриваемые преступления требуют к себе повышенного внимания.

Коррупция представляет угрозу для безопасности государства. Последствия коррупции негативно сказываются на экономической деятельности государства, так как снижается его производительность. Коррупция также оказывает влияние на рейтинг государства. Происходит снижение уровня доверия к органам власти со стороны общества. Безусловно, преступления коррупционной направленности подрывают международное сотрудничество с другими государствами.

Причины коррупции обусловлены низким уровнем заработной платы государственных служащих, инфляцией, политической и экономической нестабильностью в государстве. Данные явления оказывают влияние на внутренние убеждения лиц, которые впоследствии вытекают в коррупционные преступления[5].

Коррупция имеет взаимосвязь с преступлениями, связанными с незаконным оборотом наркотических средств. Наркобизнес признается одним из прибыльных деяний в сфере теневой экономики. Получаемые доходы позволяют лицам подкупать органы власти для распространения, ввоза и вывоза наркотиков, а также избегать уголовной ответственности за данные преступления. Незаконный оборот наркотических средств тоже оказывает негативное влияние на государство и жизнь общества. Происходит подрыв национальной безопасности государства, так как доход от наркотических средств способствует подготовке и совершению

террористических актов. Снижается экономическая отрасль страны, происходит понижение производительности труда и препятствие осуществлению «чистого» бизнеса. Конечно же, наркотики негативно сказываются и на жизни граждан, ведь в состоянии наркотического опьянения совершаются преступления против личности, то есть убийства, а также кражи, грабежи и разбои. Снижаются демографические показатели, падает уровень рождаемости. У лиц, употребляющих наркотики, отмечается снижение физических и психологических показателей здоровья, понижается работоспособность. Опасности также подвергаются подростки, которые обнаруживают закладки и впоследствии употребляют содержимое свертков.

Причины незаконного оборота наркотических средств связанным с тем, что у граждан низкие заработные платы и лица пытаются заработать легким способом. Некомпетентность медицинских работников также оказывает влияние на появление зависимости у лиц, которым назначаются сильные препараты, а впоследствии, такие люди уже не могут жить без дозы. Низкий уровень профилактических работ со стороны правоохранительных органов с населением, осуществляется мало культурных мероприятий, направленных на раскрытие опасности потребления и распространения наркотиков. И, конечно же, большой поток негативной информации в сети Интернет, которая пропагандирует оборот наркотиков[3].

Причины появления коррупции и незаконного оборота наркотических средств практически идентичны, а значит, что необходимо объединить все усилия государственных и правоохранительных органов на сокращения тех факторов, которые и способствуют совершению таких преступлений.

В научных кругах говорят, что коррупция является покровительницей наркооборота. Лица, ведущие наркобизнес, легализуют свою деятельность путем подкупа лиц, осуществляющих правоохранительную деятельность, например, в городе Сочи сотрудники транспортной полиции задержали молодого человека, который пытался уложить в тайник закладку возле путей. В последующем, после задержания мужчины, в отдел полиции пришла мать этого мужчины и отдала сотрудникам полиции крупную сумму денег, которую сотрудники приняли. На данный момент возбуждены уголовные дела в отношении сбытчика, а также в отношении сотрудников полиции[6]. Также бывают ситуации, когда организованные преступные группировки, занимающиеся незаконным оборотом наркотических средств, оказывают психологическое влияние на правоохранительные органы. Поступают угрозы в адрес семьи сотрудников полиции, угрозы убийством. В связи с такими событиями органы власти соглашались на покрывательство незаконной деятельности. Нередко, представители наркобизнеса становились сотрудниками представительных орга-

нов, что позволяло им иметь определенную власть и беспрепятственно осуществлять и контролировать оборот наркотических средств.

Для усиления мер борьбы с коррупцией был принят Указ Президента Российской Федерации от 16 августа 2021 г. № 478 «О национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы». В данном указе предусмотрено, что для снижения уровня коррупции в стране необходимо провести детальный анализ практики, выявить существенные пробелы в законодательстве, также необходимо рассмотреть вопрос о возможности получения подарков определенной категории лиц [2]. Указ Президента Российской Федерации от 23 ноября 2020 г. № 733 «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года» регламентирует необходимость совершенствования государственного управления в сфере борьбы с наркотиками, а также формирования механизмов раннего выявления незаконного потребления наркотиков [1]. Данные указы свидетельствуют, что со стороны государства предпринимаются все возможные методы для сокращения таких преступлений, как коррупция и незаконный оборот наркотических средств.

Прежде, чем рассмотреть меры, которые необходимо предпринять для предостережения данных видов преступлений, надо рассмотреть причины взаимосвязи коррупции и незаконного оборота наркотических средств. Первая причина заключается в том, что организованная преступность в сфере наркооборота значительно превышает свои доходы, которые, несомненно, выше доходов государства, направленных на противодействие наркопреступности. Вторая причина проявляется в недостаточно детальном подборе кадров, поступающих на службу в органы в сфере борьбы с наркотиками, после поступления на службу, лица могут поддаваться на коррумпированные предложения. Третья причина заключается в наркотизации внутри среды работников правоохранительных органов, данный фактор обусловлен определенным статусом в обществе и повышенным уровнем дохода. Четвертой причиной выступает несовершенство законодательства, которое регулирует сферу коррупционных преступлений и незаконный оборот наркотических средств.

Для того чтобы искоренить вышеперечисленные причины необходимо предпринять комплексные меры. Необходимо усовершенствовать и укрепить подотчетность органов власти и правоохранительных органов в сфере их деятельности. Обеспечить прозрачность поступления на службу. Не допускать давления на органы судебной власти со стороны высокопоставленных лиц в органах местного самоуправления. Обратит особое внимание на коррупцию в таможенной сфере, так как наркотические средства могут поступать через легальные каналы связи из-за подкупа таможенников. Безусловно, необходимо проводить культурные и профилактические мероприятия среди молодежи и органов власти. Конечно же,

важно усовершенствовать законодательство на основе анализа практики в государстве [4].

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать выводы, что коррупция выступает одной из основных экономических проблем государства, так как наносит ущерб государственному аппарату и обществу в целом. Незаконный оборот наркотических средств подрывает национальную безопасность страны, а также вредит психологическому и физическому здоровью граждан. Когда данные общественно опасные деяния сливаются воедино, то они наносят огромный ущерб деятельности страны. В связи с повышенной общественной опасностью рассматриваемых преступлений необходим более глубокий и детальный подбор мер профилактики коррупционных преступлений и преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств.

Литература

1. Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента РФ: от 23.11.2020 № 733 (в ред. от 29.03.2023). [Электронный ресурс] — Режим доступа: Компьютерная сеть — СПС Консультант Плюс.
2. О национальном плане противодействия коррупции на 2021 — 2024 годы: Указ Президента РФ: от 16.08.2021 № 478 (в ред. от 26.06.2023). [Электронный ресурс] — Режим доступа: Компьютерная сеть — СПС Консультант Плюс.
3. Ганаева Е.Э. Коррупция в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков: криминологические и уголовно-правовые аспекты / Е.Э. Ганаева. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2019. — № 24 (104). — С. 728-730. — URL: <https://moluch.ru/archive/104/24627/> (дата обращения: 08.06.2024).
4. Павловская Н.В. Коррупция в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков: криминологические и уголовно-правовые аспекты: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. юрид. наук (12.00.08): / Н.В. Павловская — Москва, 2016г. -28с.
5. Созонова В.С. Коррупция в современной России: пути противодействия / В.С. Созонова. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2019. — № 17 (255). — С. 114-116. — URL: <https://moluch.ru/archive/255/58404/> (дата обращения: 09.06.2024).
6. Уварова И.А. О состоянии организованной наркопреступности в России и перспективах работы правоохранительных органов в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков / И.А. Уварова. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2016. — № 3 (107). — С. 707-710. — URL: <https://moluch.ru/archive/107/25542/> (дата обращения: 08.06.2024).

7. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. [Электронный ресурс]: URL: [https:// мвд РФ/](https://мвд.рф/) (дата обращения 01.06.2024).

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ В ПРОЦЕССЕ ДОКАЗЫВАНИЯ

И. И. Храмушев

ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России
преподаватель кафедры организации оперативно-розыскной
деятельности
hramoy1991@list.ru

А. В. Климачков

ФГКОУ ВО «Барнаульский юридический институт МВД России»
старший преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности
органов внутренних дел
Klimachkovav@bk.ru

Аннотация: в статье рассматривается порядок предоставления результатов оперативно-розыскной деятельности при расследовании преступлений, а также их роль в процессе доказывания. Теоретические положения подкреплены данными нормативно-правовых актов, регламентирующих деятельность оперативных подразделений в данной области.

Проводится параллель между понятиями оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности, представлены мнения авторов по поводу схожести и различности данных видов деятельности.

Рассмотрена роль результатов оперативно-розыскных мероприятий в процессе доказывания, указаны проблемы по данному процессу предоставления, а также возможные пути решения и упрощения деятельности оперативных подразделений и всего расследования в целом.

Предметом исследования выступают нормативно-правовые акты в области осуществления оперативно-розыскной деятельности, а также предоставления результатов этой деятельности следователю, дознавателю с целью дальнейшего приобщения к уголовному делу в качестве доказательства.

Цель и задачи работы — выявление роли результатов оперативно-розыскной деятельности в процессе доказывания, определение проблемной составляющей этого процесса, внесение предложений по совершенствованию процесса перерастания результатов оперативно-розыскной деятельности в доказательства по уголовному делу.

Методологическую основу работы образуют общенаучные и частнонаучные методы — анализ, сравнительно-правовой, обобщение полученных в ходе исследования знаний.

В заключении автором приведен ряд положений по совершенствованию процесса предоставления результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств. Данная статья будет интересна и полезна ученым и практикам, так или иначе, интересующимся оперативно-розыскной деятельностью в процессе доказывания.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, результаты оперативно-розыскной деятельности, процесс доказывания, доказательства, оперативно-розыскные мероприятия.

Abstract: the article discusses the procedure for providing the results of operational investigative activities in the investigation of crimes, as well as their role in the proof process. The theoretical provisions are supported by the data of normative legal acts regulating the activities of operational units in this area.

A parallel is drawn between the concepts of operational investigative and criminal procedural activities, the opinions of the authors on the similarity and difference of these types of activities are presented.

The role of the results of operational investigative measures in the proof process is considered, the problems of this provision process are indicated, as well as possible ways to solve and simplify the activities of operational units and the entire investigation as a whole.

The subject of the study is normative legal acts in the field of operational investigative activities, as well as providing the results of this activity to the investigator, the inquirer in order to further attach to the criminal case as evidence.

The purpose and objectives of the work are to identify the role of the results of operational investigative activities in the process of proving, identify the problematic component of this process, and make proposals to improve the process of turning the results of operational investigative activities into evidence in a criminal case.

The methodological basis of the work is formed by general scientific and private scientific methods — analysis, comparative law, generalization of knowledge obtained during the research.

In conclusion, the author provides a number of provisions to improve the process of providing the results of operational investigative activities as evidence. This article will be interesting and useful to scientists and practitioners, one way or another, who are interested in operational investigative activities in the process of proof.

Key words: operational investigative activities, results of operational investigative activities, the process of proof, evidence, operational investigative measures.

В современных реалиях преступники прибегают к новым формам и методам совершения различных преступлений, раскрыть которые только с помощью уголовно-процессуальных мер не представляется возможным. В связи с этим большой вклад вносят подразделения, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность (далее — ОРД). Общие сведения о проведении ОРД, субъектах ее осуществляющих, оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ) и т. д. Так одним из основных документов, регламентирующих оперативно-розыскную деятельность, выступает Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [6] (далее — ФЗ об ОРД).

Оперативно-розыскная деятельность является важной составляющей не только в процессе своей деятельности, но и в процессе осуществления расследования по уголовным делам. Благодаря специфическим признакам и задачам, расследование характеризуется своей быстротой и точностью. Некоторые считают, что уголовный процесс невозможен без оперативно-розыскной деятельности. В какой-то степени уголовный процесс действительно нуждается в оперативно-розыскной деятельности, благодаря которой можно получить информацию, играющую роль в процессе доказывания.

Следует разграничивать оперативно-розыскную и уголовно-процессуальную деятельность. Задачей ОРД выступает раскрытие преступлений (ст. 2 ФЗ об ОРД), в то время задачей уголовно-процессуальной деятельности является расследование уголовных дел. Как справедливо отмечает Ю.Л. Дяблова «раскрыть преступление еще не значит его расследовать». «Раскрытие» характеризуется отношением к самому преступлению, то есть известен факт совершения — преступление раскрыто, не известен — не раскрыто [1, с. 363].

И.А. Насонова считает, что, несмотря на схожесть и попытку приравнять названные деятельности, при проведении ОРД доказательства не собираются [4, с. 99]. Но при этом они могут быть использованы в доказывании по уголовным делам в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством (ст. 11 ФЗ об ОРД).

Она также считает, что следует внести ряд изменений в Уголовно-процессуальном кодексе РФ [14] (далее — УПК РФ), а именно следует рассматривать оперативно-розыскные мероприятия, предусмотренные ст. 6 ФЗ об ОРД, в качестве специальных следственных действий [4, с. 99]. В Грузии довольно успешно функционирует данное направление, в УПК этого государства предусмотрен ряд негласных следственных действий. На наш взгляд, данное нововведение не считается целесообразным, так как сущность ОРД, а в частности ОРМ, отличается от сущности следственных действий, предусмотренных УПК. В соответствии с п. 5 ч. 1 ст. 53 УПК РФ защитник вправе участвовать в следственных действиях, производимых с участием подозреваемого, обвиняемого, в то время как при проведении ОРМ участие защитника невозможно, так как некоторые тактические мероприятия являются засекреченными сведениями, составляющими государственную тайну.

В отечественной уголовно-процессуальной практике уже активно внедряются оперативно-розыскные мероприятия, становясь следственным действием. Так, например, наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка (ст. 185 УПК РФ), контроль и запись переговоров (ст. 186 УПК РФ), получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ст. 186.1 УПК РФ).

С.В. Зуев отмечает, что признание негласных следственных действий на законодательном уровне — вопрос времени [2, с. 66]. По нашему мнению, это не совсем правильно, ведь ряд следственных действий проводятся с уведомлением подозреваемого и обвиняемого, но даже если данные следственные действия проводятся негласно, лицу, в отношении которого ведется уголовное преследование, нетрудно догадаться, что они могут быть проведены, в связи с чем мы сталкиваемся с неэффективностью их применения.

Большую роль в расследовании преступлений и выяснении всех обстоятельств дела играет оперативная информация, которая может быть

получена вследствие проведения ОРМ, а также использована в качестве доказательственной базы. Важно отметить, что результаты ОРМ — не доказательства, а лишь сведения, которые впоследствии могут стать доказательствами после их закрепления надлежащим процессуальным образом [8].

М.П. Поляков в своих трудах акцентирует внимание на важности результатов ОРД в процессе доказывания по уголовным делам, отмечая, что без оперативно-розыскных мероприятий и всей специфике оперативно-розыскной деятельности невозможно противостоять напору преступности [9, с. 4].

В научной литературе существует правовой институт «доказательственное право», который имеет ряд высоких требований к доказательствам, а также способам и средствам доказывания [15, с. 13].

С помощью доказательств органы предварительного расследования устанавливают наличие или отсутствие обстоятельств, которые могут иметь большое значение для установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. По мнению В.Т. Томина оперативная информация уже является доказательством, если она получена в соответствии с требованиями ФЗ об ОРД [13, с. 454]. Н.А. Николенко, наоборот, отмечает, что наличие ограничений на приобщение результатов ОРД как самостоятельного доказательства присутствует по той причине, что характеризуется наличием нарушений или ограничений прав человека и гражданина [5, с. 54]. В связи с этим очень важно отсутствие подмены доказательств результатами ОРД, которые по своей природе схожи со следственными действиями [12, с. 6].

В доказательство важности результатов ОРД мы приведем в пример Постановление Президиума Верховного суда РФ от 21.01.2004 г. № 891п2003. В нем четко определено, что результаты ОРД могут быть не только доказательствами, но и поводом и основанием для возбуждения уголовного дела [10].

Как отмечает И.К. Кутлугильдина, использование в процессе доказывания материалов оперативно-розыскной деятельности до сих пор является не до конца урегулированным процессуальным институтом [3, с. 131].

Порядок предоставления результатов ОРД нашел свое отражение в Инструкции о порядке предоставления результатов ОРД органу дознания, следователю или в суд, утвержденная Приказом МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК РФ № 68 от 27.09.2013 [7]. Она регламентирует процесс передачи результатов ОРД, их рассекречивания. Из содержания данного документа следует, что передача сведений осуществляется в следующих случаях:

- 1) по собственной инициативе органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность;
- 2) при выполнении отдельных поручений органа дознания, следователя;
- 3) по указанию прокурора;
- 4) по определению суда.

В настоящее время нет законодательного регулирования порядка признания результатов ОРД доказательствами по уголовному делу.

Анализируя нормативно-правовые акты, а также научную литературу в данной области, нами были выявлены следующие стадии приобщения результатов ОРД к уголовному делу:

1. Проверка документации, предоставленной оперативными подразделениями, чтобы проведение ОРМ соответствовало требованиям ФЗ об ОРД. Также необходимо приложить постановление о рассекречивании, справки, протоколы и иные документы.

2. После получения следователем (дознавателем) результатов ОРД, ему необходимо проверить соответствие их оперативно-розыскному законодательству, уполномочено ли лицо, проводившее ОРМ, на это. Также необходимо проверить имелись ли основания на проведение данных ОРМ, а также необходимые на то разрешения.

3. На третьем этапе следователю необходимо произвести следственные действия, которые будут служить некой проверкой достоверности оперативной информации.

4. После чего суд, исследуя доказательства, основанные на результатах ОРД, проверяет их соответствие уголовно-процессуальному, а также оперативно-розыскному законодательству. И принимает решение о приобщении их к материалам уголовного дела.

Важно, чтобы оперативные подразделения в процессе производства ОРМ в целях дальнейшего использования оперативной информации в процессе доказывания понимали всю важность и серьезность данного процесса. Результаты ОРД подвергаются полной и тщательной проверке на соответствие законам Российской Федерации. При анализе судебной практике нами был замечен подобный алгоритм тщательной проверки Ярцевским городским судом [11].

На данный момент мы имеем следующее: результаты ОРД по своей сути представляют собой некую информацию так или иначе, относящуюся к установлению событий преступления. Несмотря на то, что оперативный сотрудник предоставит данные результаты следователю, соблюдая при этом все нормы и правила уголовно-процессуального законодательства, данные результаты будут приобщены к уголовному делу, но как показывает практика, проверены путем проведения следственных действий. Из этого следует, что несмотря на то, что результаты ОРД будут приобщены к уголовному делу, самостоятельными доказательствами они все равно не становятся. В связи с этим сам процесс доказывания превраща-

ется в «двойную работу», что является неэффективным и лишь затягивает расследование. В связи с тем, что большинство ОРМ схожи по своей сути со следственными действиями, предусмотренными уголовно-процессуальным законодательством, было бы правильнее определить перечень документов для оперативных сотрудников, при составлении которых, не будет необходимости проводить следственные действия. В результате чего у оперативных подразделений будет сохраняться их тактика проведения определенных ОРМ, а также будет соблюдены все пункты уголовно-процессуального законодательства. В различных комментариях к ФЗ об ОРД при описании того или иного ОРМ прописан ряд документов, которые может составлять оперативный сотрудник. Так при производстве ОРМ «опрос» можно составить как протокол, так и справку. При составлении протокола оперативный сотрудник разъясняет преступнику все права, а также после проведения данного мероприятия собирает подписи, на наш взгляд, данное мероприятие по своей сущности схоже со следственным действием «допрос», а соблюдая идентичную процедуру его проведения, мы получаем то же доказательство, что получили бы, проведя следственное действие. На наш взгляд, совершенствуя законодательство в этом направлении, мы значительно упростим работу следственных и оперативных подразделений, а также значительно сократим время на проведение расследования по уголовным делам.

В данном случае исход более понятен, если оперативный сотрудник действует по письменному поручению следователя или дознавателя. Более сложным выступает процесс проведения ОРМ сотрудниками самостоятельно, процесс приобщения подобных материалов к уголовному делу в качестве доказательств достаточно не урегулирован, что, на наш взгляд, является существенным пробелом законодательства.

Также имеется еще одна проблема которой стоит уделить внимание. С точки зрения уголовно-процессуального законодательства, доказательства, которые находятся в материалах уголовного дела и в последующем исследуются судом, в производстве которого находится то или иное дело, должны отвечать ряду требований, одним из которых является допустимость. Например, если некоторые результаты ОРД рассекречиваются и приобщаются к материалам уголовного дела, то тактика получения данных результатов ОРД, по-прежнему остается сведениями, составляющими государственную тайну, и соответственно суд рассматривая данное доказательство не может оценить его с точки зрения законности, а именно допустимости, ведь доказательства, которые не отвечают допустимости, иметь значение для принятия итогового решения не могут.

В заключении хотелось бы отметить, что приобщение результатов ОРД к материалам уголовного дела является актуальной темой, которая имеет ряд недочетов и проблем. Необходимо пересмотреть уголовно-процессуальное законодательство относительно данной темы и внести

ряд корректив. Решение данных проблем позволит довольно быстро расследовать преступления, урегулировать процесс предоставления результатов ОРД, а также исключить «двойную работу».

Литература

1. Дяблова Ю.Л. Некоторые аспекты соотношения расследования и раскрытия преступлений // Известия ТулГУ. 2009. № 1. — С. 363.
2. Зуев С.В. От оперативно-розыскных мероприятий — к негласным следственным действиям: современное состояние и развитие // Оперативник (сыщик). 2016. № 3. — С. 66.
3. Кутлугильдина, И.К. Проблемы применения результатов оперативно-розыскной деятельности в процессе доказывания в уголовном судопроизводстве // И.К. Кутлугильдина // Молодежь и наука 2022: Сборник статей III Международного научно-исследовательского конкурса, Петрозаводск, 26 октября 2022 года. — Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И.И.), 2022. — С. 131-137.
4. Насонова, И. А. Дискуссионные вопросы соотношения уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности / И. А. Насонова // Управленческие аспекты развития Северных территорий России: Материалы Всероссийской научной конференции (с международным участием), Сыктывкар, 20–23 октября 2015 года / Коми республиканская академия государственной службы и управления. Том Часть 1. — Сыктывкар: Коми республиканская академия государственной службы и управления, 2015. — С. 98-103.
5. Николенко, Н. А. Проблемы вхождения результатов ОРД в процесс доказывания / Н. А. Николенко // Современные проблемы криминалистики и судебной экспертизы : Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции, Саратов, 21 марта 2018 года. — Саратов: Издательство "Саратовский источник", 2018. — С. 54-57.
6. Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ // <https://www.consultant.ru>.
7. Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд: Приказ МВД России, Министерства обороны РФ, ФСБ России, Федеарльной службы охраны РФ, Федеральной таможенной службы, Службы внешней разведки РФ, Федеральной службы исполнения наказаний, Федерального комитета РФ по контролю за оборотом наркотиков, Следственного комитета РФ от 27.09.2013 г. № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 // <https://www.consultant.ru>.
8. Определение Конституционного Суда РФ от 04.02.1999 № 19-О «по жалобе граждан М.Б. Никнольской и М.И. Сапронова на нарушение их конституционных прав отдельными положениями Федерального

- закона «Об оперативно-розыскной деятельности» // «Вестник Конституционного Суда РФ». 1999 г.
9. Поляков М.П., Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности: Монография / Под научн. ред. проф. В.Т. Томина. — Нижний Новгород: Нижегородская правовая академия, 2001. — 278 с.
 10. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 21.01.2004 №891п2003 // «Бюллетень Верховного Суда РФ» 2004. № 8.
 11. Приговор Ярцевского городского суда № 1-280/2020 1-46/2021 от 12.07.2021 года по делу № 1-280/2020 [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 04.05.2024).
 12. Резник Г.М. Уголовно-процессуальное право РФ: учебник // под ред. Резника Г.М. М.: Юрайт. 2014. — 859 с.
 13. Томин В.Т. Уголовный процесс. Проблемные лекции / В. Т. Томин, И. А. Зинченко. М.: Изд-во «Юрайт», 2015. — С. 454.
 14. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 №174-ФЗ (ред. от 07.10.2022) // Собрание законодательства РФ. — 24.12.2001. — № 52 (ч.1). — ст. 4921.
 15. Шейфер С.А. Трансформация правового регулирования и научных представлений о системе следственных действий // Вестник СамГУ. 2014. № 11/1 (122). — С. 13-15.

ОСОБЕННОСТИ СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ДОВЕДЕНИЯ ДО САМОУБИЙСТВА

В. Е. Чамбулова

Новосибирский государственный университет экономики и управления
магистрант
Chambulova@bk.ru

Аннотация: определение состава преступления — важная задача, стоящая между органами предварительного следствия. Отсутствие состава преступления — одно из оснований для отказа в возбуждении уголовного дела. Таким образом, для правоприменительной практики важно определять все элементы состава преступления. В научной статье рассматриваются теоретические и практические аспекты определения субъективной стороны доведения до самоубийства, включая формы вины, мотивы и цели преступления. Также анализируется судебная практика и выявляются противоречия в определении субъективной стороны преступления, особенно в контексте форм вины и их разграничения. Автор подчеркивает актуальность темы и необходимость дальнейших исследований в данной области для обеспечения справедливости и эффективного правосудия.

Ключевые слова: доведение до самоубийства, субъективная сторона, форма вины.

Determining the corpus delicti is an important task facing the preliminary investigation authorities. The absence of a crime is one of the grounds for refusing to initiate a criminal case. Thus, for law enforcement practice it is important to determine all the elements of

the crime. The scientific article examines the theoretical and practical aspects of determining the subjective side of incitement to suicide, including forms of guilt, motives and purposes of the crime. Judicial practice is also analyzed and contradictions are identified in determining the subjective side of the crime, especially in the context of forms of guilt and their delimitation. The author emphasizes the relevance of the topic and the need for further research in this area to ensure fairness and effective justice.

Keywords: incitement to suicide, subjective side, form of guilt.

Состав преступления — это совокупность всех признаков и условий, предусмотренных российским уголовным законодательством для квалификации определенного деяния как преступления. Он включает в себя не только действия или бездействия субъекта, но и все обстоятельства, которые делают это деяние незаконным и подлежащим уголовной ответственности. Состав преступления обычно включает в себя такие элементы, как объективная сторона (действия или бездействия) и субъективная сторона (умысел или неосторожность), субъект, объект, а также отдельные специальные признаки, которые делают конкретное деяние квалифицируемым как определенное преступление.

Верное определение состава преступления играет ключевую роль в правосудии по многим причинам:

1. Справедливость и защита прав обвиняемого: правильное определение состава преступления гарантирует, что лицо не будет незаконно обвинено и наказано за деяние, которое не соответствует нормам законодательства.

2. Обеспечение безопасности общества: правильное определение состава преступления позволяет суду справедливо реагировать на совершенные противоправные действия, применяя соответствующие меры наказания и защиты общества.

3. Предотвращение злоупотреблений властью: если состав преступления определен неверно, это может привести к злоупотреблению правосудием или неправомерным обвинениям, что негативно отразится на доверии к системе правосудия и правовом государстве в целом.

Таким образом, верное определение состава преступления является основой справедливого и эффективного правосудия, которое защищает права и интересы как обвиняемого, так и общества в целом.

Статья 110 Уголовного Кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) предусматривает уголовную ответственность за деяния, направленные на побуждение к совершению самоубийства или помощь в его совершении, что приводит к смерти лица, путем совершения самоубийства [3]. При этом в норме статьи также содержится 5 квалифицирующих составов: деяние, совершенное в отношении несовершеннолетнего или лица, находящегося в материальной зависимости/беспомощном состоянии; в отношении беременной женщины; в отношении нескольких лиц; группой лиц, в том числе организованной; в публичном пространстве, в том числе в сети Интернет.

В научной литературе неоднократно рассматривался вопрос о составе преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ, то есть доведение до самоубийства. В доктринальной науке существует ряд противоречий и вопросов к вышеупомянутому составу, а именно субъективной стороне преступлений. Имеющиеся вопросы являются актуальными и основываются на специфике деяния: физически пострадавший самостоятельно причиняет вред своим жизни и здоровью; и незначительное число приговоров по этой статье в соотношении с заявлениями: в судебной практике мало обвинительных приговоров по рассматриваемой статье, так как зачастую рассмотрение заявления завершается либо постановлением об отказе в возбуждении уголовного дела, либо прекращаются на стадии досудебного расследования в связи с отсутствием состава преступления. Этим обусловлена актуальность выбранной темы.

Субъективная сторона является одним из составных элементов состава преступления и представляет собой внутреннее состояние виновного и его отношение к совершаемому деянию: умысел или неосторожность лица, совершившего преступление. В свою очередь субъективная сторона преступления обладает признаками состава: вина, мотив и цель (последние два — факультативные). Также по мнению некоторых правоведов в субъективную сторону входят эмоции [1].

В первую очередь при определении субъективной стороны доведения до самоубийства необходимо разобраться с формой вины. Законодательство предусматривает две формы вины: умысел (прямой и косвенный) и неосторожность (легкомыслие и небрежность) [4].

Для установления формы вины необходимо ответить на следующие вопросы:

- Было ли у виновного лица намерение побудить или помочь потерпевшему в совершении самоубийства? Это позволяет определить, было ли совершено преступление с умыслом.

- Осознавал ли виновный лицо возможные последствия своих действий или бездействия, а именно, что его поведение могло привести к самоубийству потерпевшего?

- Совершал ли виновный лицо активные действия, направленные на доведение до самоубийства, или оказывал ли он помощь в этом процессе? Или же это было его бездействие, которое могло способствовать самоубийству?

- Был ли выбор изменения пути у потерпевшего при совершении самоубийства? В данном вопросе важно ответить — действительно ли это было доведение или лицо самостоятельно приняло решение о совершении самоубийства и подозреваемый не имеет отношения к принятому решению?

- Какой был характер взаимоотношений у сторон? Знало ли лицо, совершившее деяние о психологическом состоянии лица? Например, осведомленность подозреваемого лица о психологических отклонениях

или нестабильном эмоциональном состоянии потерпевшего позволяет объективнее оценить форму вины.

– Имеется ли причинно-следственная связь между покушением/совершением самоубийства и действиями виновного?

Также важно определить факультативные признаки субъективной стороны, а именно цель и мотив субъекта преступления. Целью при совершении доведения до самоубийства выступает желание смерти потерпевшего путем самоубийства. Мотивы же могут быть совершенно разными и не имеют значения при рассмотрении состава, за исключением квалифицированных составов [2], например, доведение до самоубийства беременной с мотивом прекращения жизнедеятельности плода.

Спорными в определении субъективной стороны при доведении до убийства остаются многие аспекты, в основном — в форме вины. Так, например, некоторыми учеными-правоведами высказывается позиция, что доведение до самоубийства, совершенное с прямым умыслом необходимо квалифицировать, как убийство, так как целью виновного является именно смерть лица, а доведение до самоубийства лишь способ совершения преступления [5].

Косвенный умысел при доведении до самоубийства выражается в допустимости совершения пострадавшем самоубийства, но виновное лицо не предпринимает никаких действий. В данном случае возникает вопрос с разграничением с формами неосторожной вины, так как бездействие в данном составе неоднозначно.

Также актуальным остается вопрос о справедливости квалификации преступления при неосторожной форме вины: и при легкомыслии, и при небрежности. В соответствии с ч. 2 ст. 24 УК РФ доведение до самоубийства может быть совершено по неосторожности. Но может ли неуместная шутка или неудачный оборот речи привести к самоубийству потерпевшего и к квалификации действий виновного по ст. 110 УК РФ? Как в данном случае оценивать намерения виновного лица и его непосредственное желание смерти потерпевшего? В чем возможно выражение неосторожной формы вины и как квалифицировать действия лиц?

Таким образом, в доктринальной науке рассматривается действительно актуальная проблема определения состава преступления, предусмотренного статьей 110 УК РФ, а именно субъективной стороны преступления. Считаем важным и необходимым на данном этапе определять субъективную сторону доведения до самоубийства с точки зрения наличия умысла или неосторожности в совершении деяния, а также наличия причинно-следственной связи между действиями виновного и самоубийством потерпевшего. А также поднимать вопросы оценки характера взаимоотношений сторон и осведомленности виновного о психологическом состоянии потерпевшего.

Подводя итог, хочется подчеркнуть выявленную проблематику в определении субъективной стороны доведения до самоубийства и необ-

ходимость разработки более четких нормативных положений в области уголовного права, например, в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Литература

1. Додонов, В. Н. Большой юридический словарь / В. Н. Додонов, В. Д. Ермаков, М. А. Крылова — М.: ИНФРА-М, — 1998. — 790 с.
2. Кузнецова М.Ю. Доведение до самоубийства: проблемы квалификации // Право: история, теория, практика: материалы III Междунар. науч. конф. СПб, — 2015. С. 123 — 126.
3. Сверчков, В. В. Уголовное право. Общая и Особенная части: учебник для вузов / В. В. Сверчков. — 10-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, — 2024. — 727 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-16665-1. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/535442> (дата обращения: 27.05.2024).
4. Уголовное право России. Общая часть: Учебник / Под ред. В.П. Ревина. — М.: Юстицинформ. 2016.
5. Чукаева Н.Г. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства или до покушения на самоубийство: проблемы законодательного регулирования: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Тюмень, 2011. 159 с.

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ АЗАРТНЫМ ИГРАМ В РОССИИ

С. А. Шахпаленков

Новосибирский государственный университет экономики и управления
магистрант
sultan.shakhpalenkov@mail.ru

Н. И. Лямкина

Новосибирский государственный университет экономики и управления
старший преподаватель кафедры уголовного права и национальной
безопасности
natasha.lyamckina@yandex.ru

Аннотация: статья посвящена историческому анализу государственной политики России в отношении азартных игр, а также эффективности различных мер, применявшихся для борьбы с их распространением. Основная тема исследования заключается в рассмотрении эволюции законодательства и государственной практики, направленных на регулирование и ограничение азартных игр.

Проблема, освещаемая в статье, связана с воздействием азартных игр на социальную и криминогенную обстановку в стране, а также с противоречиями между экономическими выгодами и моральными, социальными рисками, которые сопровождают эту деятельность. Объектом исследования являются исторические этапы и законо-

дательные акты, регулирующие азартные игры в России, начиная с Соборного Уложения 1649 года до современного Федерального закона № 244-ФЗ.

Ценность результатов исследования заключается в систематическом обзоре исторического опыта регулирования азартных игр в России, что позволяет лучше понять текущие проблемы и найти эффективные пути их решения. Практическое значение итогов работы состоит в предоставлении рекомендаций для совершенствования современного законодательства в области регулирования азартных игр, а также для разработки профилактических мер, направленных на снижение их негативного влияния на общество.

Ключевые слова: азартные игры, законодательство, Россия, уголовное преследование, Соборное Уложение, Артикул воинский, Устав Благодичиния, Федеральный закон № 244-ФЗ, криминогенная обстановка, государственная политика.

Abstract: the article is devoted to the historical analysis of the state policy of Russia in relation to gambling, as well as the effectiveness of various measures used to combat their spread. The main topic of the study is to consider the evolution of legislation and state practice aimed at regulating and restricting gambling.

The problem highlighted in the article is related to the impact of gambling on the social and criminal situation in the country, as well as the contradictions between economic benefits and moral, social risks that accompany this activity. The object of the study is the historical stages and legislative acts regulating gambling in Russia, starting from the Cathedral Code of 1649 to the modern Federal Law No. 244-FZ.

The value of the research results lies in a systematic review of the historical experience of gambling regulation in Russia, which allows us to better understand current problems and find effective ways to solve them. The practical significance of the results of the work consists in providing recommendations for improving modern legislation in the field of gambling regulation, as well as for developing preventive measures aimed at reducing their negative impact on society.

Keywords: gambling, legislation, Russia, criminal prosecution, Cathedral Code, Military Article, Charter of the Deanery, Federal Law No. 244-FZ, criminogenic situation, state policy.

История показывает, что по мере возрастания интенсивности социальных связей в пределах российского государства, проблема незаконно осуществляемых азартных игр приобретала все большую опасность и масштабы распространенности. Церковные власти всегда рассматривали азартные игры как дело неугодное Богу, однако одного лишь нравственного осуждения для противодействия этому явлению было явно недостаточно. Для повышения эффективности борьбы с неконтролируемым распространением азартных игр требовалось вмешательство со стороны государства [8].

Однако государство долгое время не могло сформировать своего подлинного отношения к этой проблеме. С одной стороны, азартные игры всегда приводили к росту преступности, а с другой, налоги на их проведение являлись важным источником пополнения государственной казны при любом из российских самодержцев.

Тем не менее, уже в Соборном Уложении 1649 года государственная власть была вынуждена отреагировать на ухудшение криминогенной обстановки и иные негативные последствия распространения азартных игр, установив меры ответственности за участие в незаконных играх.

Устроители таких игр подвергались наказанию через битье кнутом и конфискацию имущества. Дальнейшее развитие данного уголовно-правового запрета связано с правлением Петра Великого. Императора заботило, что участием в азартных играх грешат российские чиновники и военные, что подрывает их моральный облик. Поэтому в Артикуле воинском были разъяснены основания запрета на азартные игры среди военнослужащих, так как участие в них приводило к утрате оружия и обмундирования, что подрывало боеспособность войска [9].

Несмотря на предпринимаемые меры, карточные игры и другие азартные развлечения сохраняли свое широкое распространение в обществе, приводя к разорению многих семей и увеличению количества страдающих от игровой зависимости лиц. В Уставе Благочиния 1782 года Правительство Екатерины Великой попыталось более детально регламентировать эти вопросы, подразделив игры на запрещенные и дозволенные. Запрещенными считались игры, основанные исключительно на случай и требующие значительных имущественных ставок, однако четкого перечня запрещенных игр не было, что способствовало сохранению популярности азартных развлечений.

В 1845 году было принято Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, в котором участие в запрещенных играх, таких как кости, карты и рулетка, считалось уголовно наказуемым деянием, наказываемым штрафами. За организацию запрещенных игр и открытие нелегальных игорных домов наступала уголовная ответственность. Однако суровость закона компенсировалась тем, что власти сами порой закрывали глаза на нелегальный игорный бизнес, стремясь отвлечь население от революционных настроений. Способствовала этому и коррупционная заинтересованность многих должностных лиц.

Согласно Уголовному Уложению от 22 марта 1903 года, организаторы азартных игр и лица, предоставляющие помещения для их проведения, продолжали подвергаться уголовному преследованию. Однако лица, вовлеченные в азартные игры, уголовной ответственности за участие в них уже не подвергались. В этих условиях количество подпольных игорных заведений оставалось стабильно высоким, поскольку их деятельность была экономически выгодна организаторам. Доходы от этой преступной деятельности были настолько высоки, что их хватало на урегулирование практически любых проблем с органами охраны правопорядка.

Пришедшие к власти после революции 1917 года большевики были вынуждены установить курс жесткой антиигорной политики. В рамках реализации данного политического курса все игорные заведения были закрыты. Постепенно под запретом оказались абсолютно все азартные игры.

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 11 августа 1988 года в Уголовный кодекс РСФСР была введена статья 208.1, предусмат-

ривавшая уголовную ответственность для организаторов азартных игр: карты, наперстки, рулетку и др., если они велись на деньги, вещи или иные ценности. Однако уголовной ответственности за указанные деяния подлежали только лица, к которым за организацию азартных игр ранее уже применялись меры административной ответственности.

Изменение социально-экономического устройства российского государства, вызванное переходом к рыночной экономике и иным демократическим преобразованиям, привело к существенным изменениям в отечественном уголовном законодательстве. В результате организация и проведение азартных игр были практически декриминализованы. При наличии оснований эти деяния могли квалифицироваться как незаконное предпринимательство, если виновный не получил соответствующих разрешительных документов. В результате количество игорных заведений в стране резко возросло, обострив связанные с их деятельностью криминальные проблемы [7].

С 1 июля 2009 года, согласно Федеральному закону «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр» № 244-ФЗ, деятельность по организации и проведению азартных игр вне установленных игорных зон и посредством информационно-телекоммуникационных сетей оказалась запрещена. Данный нормативно-правовой акт устанавливает существенные ограничения в целях защиты нравственности, прав и законных интересов граждан. Нарушение данных ограничений влечет наступление уголовной ответственности, предусмотренной статьей 171.2 Уголовного кодекса РФ [3].

Таким образом, государственная политика в отношении азартных игр претерпела значительные изменения. От полной вседозволенности она трансформировалась до абсолютного запрета организации и проведения азартных игр. В настоящее время игорная деятельность поставлена в жесткие законодательные рамки, нарушение которых влечет уголовную ответственность. История доказывает, что без применения мер уголовно-правового воздействия решить комплекс проблем, порождаемых азартными играми, оказывается невозможно.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (в ред. от 12.09.2023) // СЗ РФ. — 1996. — № 5. — Ст. 410.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 14.02.2024) // СЗ РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 14.02.2024) // Рос. газ. — № 249. — 2001.
5. О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2006 № 244-ФЗ (в ред. от 01.02.2024) // Рос. газ. — № 293. — 2006.
6. Гладких В.И. Незаконные организация и проведение азартных игр (ст.171.2 УК РФ): законодательные изменения и практика применения / В.И. Гладких // Безопасность бизнеса. — 2021. — № 4. — С. 12 — 21.
7. Лимарь А.С. Исторические аспекты противодействия незаконной игорной деятельности в России / А.С. Лимарь // Вестник Московского университета МВД РФ. — 2015. — № 1. — С. 92 — 95.
8. Лопатина Т.М. Оценка перспектив совершенствования нормы об ответственности за незаконные организацию и проведение азартных игр / Т.М. Лопатина // Российский судья. — 2020. — № 3. — С. 45 — 49.
9. Мосечкин И.Н. Совершенствование законодательства, регулирующего сферу азартных игр, в условиях эволюции незаконной игорной деятельности / И.Н. Мосечкин // Безопасность бизнеса. — 2015. — № 4. — С. 32 — 35.
10. Поздняков К.В. Ответственность за систематическое предоставление помещения для незаконной организации и проведения азартных игр / К.В. Поздняков // Международный научно-исследовательский журнал. — 2021. — № 2. — С. 130 — 132.
11. Степанов-Егиянц В.Г. Борьба с онлайн-казино: правовые проблемы и перспективы / В.Г. Степанов-Егиянц // Безопасность бизнеса. — 2019. — № 4. — С. 57 — 64.
12. Устинова Т. Д. Проблемы квалификации незаконных организации и проведения азартных игр / Т. Д. Устинова // Актуальные проблемы российского права. — 2019. — № 11. — С. 96 — 103.
13. Янина И.Ю. Незаконная организация и проведение азартных игр: вопросы совершенствования уголовного законодательства и правоприменения / И.Ю. Янина // Российский следователь. — 2023. — № 6. — С. 34 — 37.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ОРГАНИЗАЦИЮ ПРЕДНАМЕРЕННОГО И ФИКТИВНОГО БАНКРОТСТВА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

С. А. Шелест

Новосибирский государственный университет экономики и управления
магистрант
sashesles@mail.ru

Т. Р. Сабитов

Новосибирский государственный университет экономики и управления
профессор кафедры уголовного права и национальной безопасности,
доктор юридических наук, профессор
trsabitov.mail@gmail.com

Аннотация: данная статья посвящена исследованию вопросов ответственности за организацию преднамеренного и фиктивного банкротства по законодательству зарубежных стран. Ответственность за организацию преднамеренного и фиктивного банкротства — тема, имеющая важное значение для поддержания прозрачности и справедливости экономических систем по всему миру. Различные страны разрабатывают свои законодательные механизмы для борьбы с данными видами экономических преступлений, что отражает уровень правовой защиты кредиторов и инвесторов, а также общественное отношение к корпоративной этике. В данной статье проведен анализ законодательных подходов в разных юрисдикциях и определено, какие санкции грозят за умышленное создание условий для банкротства компаний.

Ключевые слова: банкротство, процедура банкротства, фиктивное банкротство, ответственность, преступление, умышленное банкротство.

Abstract: this article is devoted to the study of issues of responsibility for the organization of intentional and fictitious bankruptcy under the legislation of foreign countries. Responsibility for the organization of deliberate and fictitious bankruptcy is a topic that is important for maintaining transparency and fairness of economic systems around the world. Various countries are developing their own legislative mechanisms to combat these types of economic crimes, which reflects the level of legal protection for creditors and investors, as well as public attitudes towards corporate ethics. This article analyzes legislative approaches in different jurisdictions and determines which sanctions are threatened for intentionally creating conditions for bankruptcy of companies.

Keywords: bankruptcy, bankruptcy procedure, fictitious bankruptcy, liability, crime, intentional bankruptcy.

Ответственность за организацию преднамеренного и фиктивного банкротства предусматривают правовые нормы большинства государств. В их число входят страны как ближнего, так и дальнего зарубежья, такие, как США. Первые положения, касающиеся реорганизации и банкротства, появились еще в XVIII в. Так, в сентябре 1787 г. Конституционное Собрание США наделило Конгресс полномочиями принимать законодательные акты, которые составят единую национальную правовую базу для разрешения споров кредиторов с должниками. Это было сделано для того, чтобы уйти от английской практики, где при определенных обстоятельствах за объявление о реорганизации или банкротстве предприятия

или физического лица предусматривалась смертная казнь [2, с. 53]. Во второй половине XX века в США стала распространена процедура осуществления реорганизации и банкротства.

Первый федеральный закон о банкротстве — Акт о банкротстве (Bankruptcy Act of 1800) был принят в Соединенных Штатах Америки в 1800 г. Он включал прокредиторские принципы банкротства: уменьшение или прощение долга тем, кто сотрудничает, и смертная казнь за «злостное» банкротство, которое рассматривалось как мошенничество.

В 2005 году в США был принят Закон о предотвращении злоупотреблений банкротством и защите потребителей (далее — ВАРСПА). Этот законодательный акт внес ряд существенных изменений в Кодекс о банкротстве США. ВАРСПА предназначался для того, чтобы затруднить для должников подачу заявлений о банкротстве в соответствии с главой 7, при котором большинство долгов прощалось (или погашалось), и вместо этого требовал от них проводить процедуру по главе 13, согласно которой долги списываются только после того, как должник погасил некоторую часть из них в течении 3-5 лет.

Одной из основных заявленных целей законопроекта о банкротстве было сокращение фиктивного и преднамеренного банкротства. Однако этот закон спровоцировал волну новых мошеннических проявлений в процедурах банкротства.

На сегодняшний день в Соединенных Штатах Америки наиболее распространенный вид мошенничества при процедуре банкротства — сокрытие активов. По данным сайта Корнельской юридической школы, в 2019 году 70 % криминальных банкротств были непосредственно связаны с сокрытием активов организациями.

Мошенничество при осуществлении процедур банкротства регулируется федеральными законами. Наказание за совершение банкротства в целях ликвидации задолженности предусмотрено гражданским и уголовным законодательством. К ответственности также могут быть привлечены лица, кому было передано имущество, активы должника. Последствия предусмотрены разделом 18, главой 9 Кодекса США: если будет доказано, что должник обманным путем искажил финансовую отчетность и инициировал процедуру банкротства, в отношении него предусмотрено наказание в виде тюремного заключения сроком до пяти лет или штраф в размере до 250 000 долларов США, или и то, и другое. В гражданском законодательстве предусмотрены меры ответственности, которые могут привести к отказу в погашении задолженности, это означает, что кредиторы могут преследовать должника и взыскать их имущество [5].

Исследуя арбитражную практику США, удалось сделать выводы о том, что институт банкротства, прежде всего, существует как инструмент реабилитации и финансового оздоровления компаний. Законодательство о реорганизации и банкротстве США в большинстве случаев дает возможность юридическим лицам, добросовестно заявившим о своем банк-

ротстве, освободиться от большей части своего долга, реорганизовать производство, обрета, таким образом, финансовую стабильность [1, с. 80]. В этом основное различие существующих на сегодняшний день процедур банкротства в России и США. Так как большинство дел о банкротстве в России заканчивается ликвидацией бизнеса и списанием долгов, это провоцирует рост преднамеренных и фиктивных банкротств.

Французское законодательство регулирует банкротство через специализированный закон № 85-98 от 25.01.1985 и уголовный кодекс страны. В соответствии с традициями романо-германской правовой системы, к которой принадлежит и Франция, преступления, связанные с банкротством, ограничиваются одним типом — намеренное сокрытие факта банкротства. За это предусмотрена ответственность в статье 314-7, глава 4, раздел 3 УК Франции.

В уголовном законодательстве Франции термины «умышленное» и «фиктивное» банкротство объединены в концепцию «фиктивной неплатежеспособности». Согласно статье 314-7, преступное действие заключается в действиях таких как утаивание имущества или доходов, намеренное завышение долгов, а также фальсификация или утаивание финансовой отчетности.

В соответствии с французским законодательством, отсутствие ведения бухгалтерии может быть квалифицировано как умысел на уклонение от выполнения финансовых обязательств, установленных судебным решением. Статья 314-7 Уголовного кодекса Франции указывает на две основные цели нарушителя: избежание ответственности за уголовные, гражданские и другие виды преступлений, а также уклонение от обязательств, связанных с выплатой алиментов или урегулированием вреда, причиненного уголовным или иным противоправным действием [3].

По французскому законодательству, преступление может совершить физическое лицо, действующее как должник. В дополнение к этому, статья закона уточняет, что ответственность за противоправные действия может нести и руководитель компании, если компания задолжала. В определенных ситуациях, установленных Уголовным кодексом Франции, к ответственности может быть привлечено и само юридическое лицо.

В уголовном кодексе Франции содержится статья, регулирующая ответственность за создание искусственного банкротства. Должник может быть привлечен к ответственности даже до официального признания его долгов судом. При этом, санкции за подобные нарушения не столь строги, как в России, с упором на денежные взыскания: до трех лет тюрьмы и штраф до 50 000 евро. Если же нарушителем выступает компания, применяются штрафы, конфискация имущества, связанного с преступлением, и публичное объявление приговора средствами массовой информации.

В дополнение к стандартным наказаниям, уголовное законодательство Франции (статья 314-11) предусматривает возможность применения дополнительных мер воздействия к личности, осужденной за преступление. К таким мерам относятся изъятие предметов, использованных или предназначенных для преступления, а также тех, что были получены в результате незаконных действий, если они не подлежат возврату законному владельцу. Также возможно обнародование судебного решения или его доведение до общественного сведения.

В Германии, стране с системой, ориентированной на интересы кредиторов, уголовное законодательство серьезно относится к делам о банкротстве. В 24 разделе немецкого Уголовного кодекса прописаны наказания не только за сам факт банкротства, но и за связанные с ним нарушения, что отражает специфику экономических связей в стране [2, с. 59].

В немецком законодательстве выделяются такие преступления, связанные с банкротством, как умышленное доведение до банкротства, уклонение от объявления о банкротстве и неосторожное поведение в ходе процедуры. При этом не делается различия между преднамеренным и фиктивным банкротством. В Германии различают три типа уголовно наказуемого банкротства: обычное, злонамеренное и банкротство в особо крупном размере. Также существуют специфические уголовные статьи, касающиеся нарушений при банкротстве: несоблюдение порядка ведения бухгалтерских книг (§ 283b), предпочтение одного из кредиторов (§ 283c) и помощь неплатежеспособному должнику (§ 283d).

В законодательстве Германии преступления, связанные с неплатежеспособностью компаний, относятся к категории имущественных нарушений. Эти деликты угрожают или наносят ущерб правам на имущество. Ключевой момент для определения состояния банкротства — это момент кризиса, который, в общих чертах, характеризуется как период, когда долги превышают активы, или когда фирма не может выполнять свои финансовые обязательства [4].

Уголовное банкротство включает разные формы поведения при финансовой нестабильности: скрытие активов; их уничтожение или порча; проведение операций с убытками или рискованных сделок, в том числе с ценными бумагами; траты больших сумм в долг из-за игр или неэффективных затрат; заключение невыгодных кредитных договоров; подделка документов или признание фиктивных прав на имущество; некорректное ведение или отсутствие бухучета; несоблюдение правил хранения финансовых документов; ошибки в балансе; прочие действия, направленные на сокрытие фактического финансового положения.

В немецком уголовном законодательстве предусмотрены различные степени ответственности за действия, приводящие к банкротству. В зависимости от намерений виновного, такие деяния могут быть квалифицированы как неосторожное управление (из-за халатности или неосмотрительности), умышленное банкротство или как его особо тяжкое пре-

ступление. Последнее включает в себя действия с корыстными мотивами или сознательный риск нанесения убытка имуществу множества людей, либо создание угрозы их экономическому благополучию.

В Германии любой человек или представитель компании может быть обвинен в деяниях, связанных с несостоятельностью, без необходимости инициирования дела о банкротстве в гражданском суде. Законы страны предусматривают строгие меры за такие нарушения: до 10 лет тюрьмы за умышленное банкротство, до 5 за преднамеренные действия, связанные с финансовым крахом, и до 2 лет или штраф за неаккуратное обращение с финансами при банкротстве. Ответственность несет как должник, так и кредитор.

В Германии закон требует, чтобы должник, осознавший свою неспособность погасить долги, подал заявку на признание банкротства в течение 21 дня. В противном случае он рискует столкнуться с уголовным наказанием за уклонение от выплаты обязательств перед кредиторами.

Фальшивое признание несостоятельности — это когда фирма ложно заявляет о своем банкротстве, имея возможность расплатиться по долгам, чтобы воспользоваться выгодами закона о банкротстве. Во многих странах это преступление, за которое могут наказать за скрывание имущества или доходов, за надувание долгов, фальсификацию финансовой отчетности и т. д.

Таким образом, можно сделать вывод, что ответственность за организацию преднамеренного и фиктивного банкротства предусматривают правовые нормы большинства государств. Законодательство о реорганизации и банкротстве США в большинстве случаев дает возможность юридическим лицам, добросовестно заявившим о своем банкротстве, освободиться от большей части своего долга, реорганизовать производство, обретя, таким образом, финансовую стабильность. В этом основное различие существующих на сегодняшний день процедур банкротства в России и США. Так как большинство дел о банкротстве в России заканчивается ликвидацией бизнеса и списанием долгов, это провоцирует рост преднамеренных и фиктивных банкротств. В определенных ситуациях, установленных Уголовным кодексом Франции, к ответственности может быть привлечено и само юридическое лицо. В немецком законодательстве выделяются такие преступления, связанные с банкротством, как умышленное доведение до банкротства, уклонение от объявления о банкротстве и неосторожное поведение в ходе процедуры.

В целом же, подводя итоги исследования, следует заметить, что законодательство об уголовной ответственности за преднамеренной и фиктивное банкротство прошло довольно длительный путь развития и в значительной степени опирается на зарубежный опыт. Социальная обусловленность введения уголовной ответственности за исследуемые преступления обусловлена значительным вредом, который они наносят экономике страны. А сравнительно-правовой анализ позволил выявить специфиче-

ские черты уголовного законодательства зарубежных стран за указанные преступления, и обозначить его особенности, которые теоретически было бы возможно применить и в отечественном законодательстве.

В частности, можно обратить внимание на следующие положения:

1) обратить внимание на законодательство США о реорганизации и банкротстве, которое в большинстве случаев дает возможность юридическим лицам, добросовестно заявившим о своем банкротстве, освободиться от большей части своего долга, реорганизовать производство, обрета, таким образом, финансовую стабильность;

2) заимствовать опыт Франции, в соответствии с законодательством которой, должник может быть привлечен к ответственности даже до официального признания его долгов судом;

3) также полезным видится опыт Германии, согласно которому закон требует, чтобы должник, осознавший свою неспособность погасить долги, подал заявку на признание банкротства в течение 21 дня.

Литература

1. Кубанцев С.П. Уголовная ответственность за незаконные действия при банкротстве в США // Журнал российского права. 2014. № 1. С. 78-82.
2. Лемягов А.Н. Ответственность за банкротство в законодательстве зарубежных стран // Российский следователь. 2016. № 6. С. 53-59.
3. Уголовный Кодекс Франции [Электронный ресурс]: «Юридическая Россия» Федеральный правовой портал. — URL: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1243018&subID=100104265,100104266,100104299,100105280,100105342,100105345,100105351#text> (дата обращения: 21.03.2024).
4. Уголовный Кодекс ФРГ [Электронный ресурс]: Российский правовой портал URL: <https://constitutions.ru/?p=5854> (дата обращения: 21.03.2024).
5. Complete United States Bankruptcy Code (U.S. Code, Title 11) and Federal Rules of Bankruptcy Procedure, as amended through December 1. 2013. 288 p. URL: www.law.cornell.edu/uscode/text/11/1125 (дата обращения: 18.03.2024).

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА ФИНАНСИРОВАНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

А. Ю. Яковлева

Новосибирский государственный университет экономики и управления
магистрант
ms.inastya.05@mail.ru

В. В. Ульянова

Новосибирский государственный университет экономики и управления
доцент кафедры уголовного права и национальной безопасности,
кандидат юридических наук, доцент
uljanova_v.v@mail.ru

Аннотация: в статье рассматриваются особенности уголовно-правовой оценки финансирования экстремистской организации. Авторы приходят к выводу, что проблемы квалификации подобных действий обусловлены как технико-юридическими недостатками статьи 282.3 УК РФ, так и трудно разрешимыми коллизиями норм статьи 282.3 УК РФ с конкурирующими уголовно-правовыми нормами.

Ключевые слова: финансирование, экстремистская организация, экстремистская деятельность, соучастие, квалификация.

Abstract: the article examines the specifics of criminal-legal assessment of financing of an extremist organization. The authors come to the conclusion that the problems of qualification of such actions are caused by both technical and legal shortcomings of Article 282.2 of the Criminal Code of the Russian Federation and difficult to resolve collisions of the norms of Article 282.3 of the Criminal Code of the Russian Federation with competing criminal-legal norms.

Key words: financing, extremist organization, extremist activity, complicity, qualification.

Одним из основных источников угроз безопасности государства является экстремистская деятельность националистических, религиозных, этнических и иных организаций и структур, направленная на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации в стране [4].

При этом отмечаются тенденции к финансированию экстремистских организаций преимущественно за счет сращивания финансовых основ деятельности организованных преступных и экстремистских формирований, а также финансовой поддержки со стороны международных экстремистских организаций. Эти тенденции вызывают особую тревогу, поскольку интенсивность экстремистской деятельности напрямую зависит от уровня ее финансирования и материально-технической оснащенности. В связи с этим появление в российском уголовном законодательстве такого состава преступления, как финансирование экстремистской деятельности (статья 282.3 УК России), не является случайным [3].

Согласно статье 282.3 УК РФ под финансированием экстремистской деятельности понимается предоставление или сбор средств либо

оказание финансовых услуг, заведомо предназначенных для финансирования организации, подготовки или совершения хотя бы одного из преступлений экстремистской направленности либо для обеспечения деятельности экстремистского сообщества или экстремистской организации. Следовательно, финансирование экстремистской организации было криминализовано в уголовном законе как вид финансирования экстремистской деятельности.

В качестве предмета финансирования экстремистской организации выступают средства, предоставляемые или собираемые для обеспечения ее деятельности. При этом законодатель не указывает четких рамок относимости действий к понятию «средства».

Проведя анализ диспозиции статьи 282.3 УК РФ, можно выявить сходства с примечанием к статье 205.1 УК РФ, в котором закреплено понятие финансирования терроризма. Учитывая аналогичную формулировку, при определении понятия средств, предназначенных для финансирования экстремистской организации, необходимо обратиться к пункту 16 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности», согласно которому при финансировании терроризма осуществляется предоставление или сбор не только денежных средств, но и материальных средств (например, предметов обмундирования, экипировки, средств связи) [5].

Поскольку в силу статьи 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [1] террористическая деятельность является разновидностью экстремистской деятельности, рассматриваемые положения относительно содержания термина средства как предмета финансирования терроризма (ст. 205.1 УК России) по аналогии можно учитывать при анализе состава преступления, предусмотренного статьей 282.3 УК РФ.

Опираясь на такое расширительное судебное толкование средств, к материальным средствам в целях финансирования экстремистской организации следует относить довольно большой перечень предметов, в том числе ограниченных и запрещенных в свободном обороте (например, оружие, наркотические средства и т. п.).

Объективная сторона финансирования экстремистской организации выражается в совершении следующих альтернативных действий:

1) предоставление средств, заведомо предназначенных для обеспечения деятельности экстремистского сообщества или экстремистской организации;

2) сбор средств, заведомо предназначенных для обеспечения деятельности экстремистского сообщества или экстремистской организации;

3) оказание финансовых услуг, заведомо предназначенных для обеспечения деятельности экстремистского сообщества или экстремистской организации.

Предоставление средств в рамках финансирования экстремистской организации обуславливается в первую очередь осуществлением передачи лицу (лицам) в целях обеспечения деятельности экстремистской организации. Передача средств может происходить в разных форматах взаимодействия. Законодатель не заостряет на этом внимание, так как это не влияет на дальнейшую квалификацию преступного деяния.

Определение момента окончания передачи средств является дискуссионным вопросом, так как некоторые научные считают, что момент окончания наступит в результате принятия средств соответствующим лицом, однако исходя из толкования понятия «предоставлять», все же резонным будет считать моментом окончания передачи непосредственно наличие самого факта передачи средств лицу (лицам) [9, с. 82].

Кроме того, состав финансирования экстремистской деятельности сконструирован как формальный, следовательно, преступление признается оконченным с момента совершения умышленных действий, направленных на обеспечение деятельности экстремистской организации, независимо от того, дошли ли средства до получателя и были ли фактически использованы [7, с. 334].

Способы осуществления сбора средств, направленных на финансирование экстремистской организации, носят разнообразный характер и могут образовать совокупность с преступлениями против собственности. Например, если лицом был совершен сбор денежных средств под видом дальнейшего осуществления финансирования организации, при существовании умысла присвоить денежные средства себе, действия лица необходимо квалифицировать по статье 159 УК РФ. При этом если лицо частично присвоит денежные средства в свое личное пользование, а оставшейся частью профинансирует организацию, действия будут квалифицироваться по совокупности.

Согласно пункту 2 статьи 4 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» [2] под финансовой услугой как предметом финансирования экстремистской деятельности понимается банковская услуга, страховая услуга, услуга на рынке ценных бумаг, услуга по договору лизинга, а также услуга, оказываемая финансовой организацией и связанная с привлечением и (или) размещением денежных средств юридических и физических лиц.

Субъектом финансирования экстремистской организации является физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста. В тех случаях, когда финансирование совершается путем оказания финансовых услуг, субъект преступления должен обладать специальной правоспособностью либо иметь лицензию на осуществление тех видов деятельности, которые входят в состав финансовых услуг (например, банковской, стра-

ховой и т. п.). Если же финансирование экстремистской организации совершено лицом путем оказания финансовой услуги без регистрации или без лицензии, то такие действия, повлекшие причинение крупного ущерба гражданам, организациям или государству, следует квалифицировать как совокупность преступлений, предусмотренных статьей 282.3 УК РФ и статье 171 или статьей 172 УК РФ в зависимости от обстоятельств конкретного дела [8, с. 173].

Субъективная сторона характеризуется в форме прямого умысла, то есть виновный осознает, что предоставляемые или собираемые им средства, оказываемые финансовые услуги предназначены для обеспечения деятельности экстремистской организации, и желает совершить указанные действия. При осуществлении финансирования экстремистской организации умысел виновного может быть альтернативным либо неконкретизированным (неопределенным). Например, лицо предоставляет денежные средства экстремистской организации, не указывая их целевое назначение, при этом осознает, что эти денежные средства могут быть израсходованы как на поддержание ее деятельности, так и на совершение ее членами различных преступлений экстремистской направленности [8, с. 173].

Необходимо обратить внимание на то, что виновное лицо может финансировать данное преступление на всех его стадиях. Если преступление экстремистской направленности относится к небольшой или средней тяжести (например, п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ) и будет прервано на стадии приготовления к нему, наказуемость согласно части 2 статьи 30 УК РФ исключается [6, с. 31].

Относительно привлечения к уголовной ответственности организаторов, руководителей и непосредственно участников экстремистской организации, которые напрямую связаны с преступной деятельностью, они не будут привлекаться по статье 282.3 УК РФ, достаточно квалифицировать их действия по статье 282.2 УК РФ, так как по данным составам уже присутствует непосредственное «финансирование», поэтому дополнительная квалификация не требуется. Однако если лицо не относится к экстремистской организации, но из своих личных побуждений оказывает ей финансовую помощь в подготовке преступления экстремистской направленности, его действия необходимо квалифицировать по статье 282.3 УК РФ.

Привлечение к уголовной ответственности лиц за финансирование экстремистской организации до конца законодателем не разъяснено, в статье присутствуют много пробелов, требующих разъяснения. Например, примечание рассматриваемой статьи указывает на специальные условия освобождения от уголовной ответственности, в случае если виновное лицо своими действиями способствовало предотвращению либо пресечению преступления, которое оно финансировало. При этом это будет считаться пресечением деятельности экстремистского сообщества

или организации. По данному обстоятельству хочется выразить то, что отсутствует подробное объяснение в действиях лица. Виновному лицу необходимо предотвратить деятельность либо же достаточно поспособствовать без положительного результата.

Действия лица, который не только оказывает содействие в финансировании экстремистской организации, но и предоставляет свою помощь путем дачи советов, указаний, необходимой информации, способствовавшей совершению преступления, подлежат квалификации по статье 282.3 УК РФ в совокупности с частью 5 статьи 33 УК РФ.

При квалификации преступного деяния лица, направленного на финансирование экстремистской организации, также возникает вопрос, относимый к минимальному размеру предмета преступления, ведь в диспозиции статьи 282.3 УК РФ отсутствует обозначение минимального порога. Для определения размера, законодатель предлагает руководствоваться частью 2 статьи 14 УК РФ.

Таким образом, необходимо отметить, что в статье 282.3 УК РФ присутствует много существенных пробелов в точности формулировок понятий, конкретных разъяснений по вопросам финансирования экстремистских организаций, в результате чего существует ряд сложностей при квалификации деяния по данному составу.

Литература

1. О противодействии экстремистской деятельности : федер. закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ // Собр. законодательства Росс. Федер. 2002. № 30. Ст. 3031.
2. О защите конкуренции : федер. закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ // Собр. законодательства Росс. Федер. 2006. № 31. Часть I. Ст. 3434.
3. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 28 июня 2014 г. № 179-ФЗ // Собр. законодательства Росс. Федер. 2014. № 26. Часть I. Ст. 3385.
4. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации : утв. указом Президента Российской Федерации 02 июля 2022 г. № 400 // Собр. законодательства Росс. Федер. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.
5. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09 февраля 2012 г. № 1 // Росс/ газета. 2012, 17 фев. № 35.
6. Борисов С.В., Беляева Т.Н. Оптимизация деятельности прокуратуры и других правоохранительных органов по обеспечению конституционных прав человека и гражданина в сфере противодействия экстремизму // Труды Академии управления МВД России. 2019. №1 (49). С. 28-34.

7. Богатырев А.З., Тулупова А.В., Мамбетова К.М. Финансирование экстремисткой деятельности в Российской Федерации: Пути противодействия // Образование и право. 2022. № 4. С. 333-336.
8. Ульянова В.В. Уголовно-правовое регулирование противодействия финансированию экстремистской деятельности // Противодействие экстремизму на современном этапе: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Новосибирск, 21 апреля 2022 года). М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2022. С. 168-174.
9. Хлебушкин А. Г. Уголовная ответственность за финансирование экстремистской деятельности (ст. 282.3 УК РФ) // Уголовное право. 2015. № 3. С. 80-85.

научное издание

БОРЬБА С ПРАВОНАРУШЕНИЯМИ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ:
ПРАВОВЫЕ, ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ

сборник материалов международной
научно-практической конференции,
г. Новосибирск, 15 мая 2024 г.
в рамках VI Международного юридического форума
«Право и экономика: национальный опыт и стратегии развития»

Ответственный редактор
кандидат юридических наук, доцент **Верченко** Надежда Игоревна

Технический редактор М. В. Немойкин

Материалы публикуются в авторской редакции

Подписано в печать 30.10.2024
Формат 60х84 1/16. Бумага типографская.
Усл. печ. л. 10,1. Уч.-изд. л. 11,1.

Отпечатано в НГУЭУ

Новосибирский государственный университет экономики и управления
«НИНХ»
630099, г. Новосибирск, ул. Каменская, 56